

ВЕСТНИК

ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 33 (133)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2008

ISSN 2071-3053

СЕРИЯ

«ПСИХОЛОГИЯ»

Выпуск 3

ПОСВЯЩАЕТСЯ
65- ЛЕТИЮ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель – ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет».

Редакционная коллегия серии:

д.пс.н., проф., член-корр. РАО Асмолов А.Г.,
д.пс.н., проф. Батулин Н.А. (отв. редактор),
к.м.н., доц. Беребин М.А. (отв. секретарь),
д.пс.н., проф. Грязева-Добшинская В.Г.,
д.пс.н., проф. Доценко Е.А.,
д.пс.н., проф. Зинченко Ю.П.
д.пс.н., проф. Знаков В.В.,
д.пс.н., проф., член-корр. РАО Малых С.Б.,
д.пс.н. доц. Солдатова Е.Л.,
д.пс.н. Ушаков Д.В.

Серия основана в 2008 году.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26455 выдано 13 декабря 2006 г. Федеральной службой по надзору законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Подписной индекс 43258 в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность выхода – 4 номера в год.

СОДЕРЖАНИЕ

БАТУРИН Н.А., ЮСУПОВА Ю.Л. Изменение оценок под влиянием различных факторов	4
БЕРЕБИН М.А. Концепция отношений В.Н. Мясищева и теория психической адаптации личности	18
БОЧАРОВ В.В., ШИШКОВА А.М. Опыт исследования особенностей родительского отношения матерей к детям-наркоманам	26
БУРЛАЧУК Л.Ф. Психологические тесты в Украине: вчера, сегодня, завтра	29
ГРЯЗЕВА-ДОБШИНСКАЯ В.Г., БАКУНЧИК Н.Ю., ГЛУХОВА В.А., МАЛЬЦЕВА А.С. Методика диагностики отношения социальных субъектов к творческой личности	33
КЛЮЕВА Н.В., ДОРФМАН Л.Я. Феноменологический метод исследования в консультационной психологии: методологический анализ	46
МАТВЕЕВА Л.Г. Анализ понятия «социальный интеллект»	51
МЕЛЬНИКОВА Н.Н., ПОЛЕВ Д.М. Изучение памяти методом двойной стимуляции... ..	56
МЕЩЕРЯКОВА К.В., РЯЗАНОВА А.Ю. Особенности экспериментально-психологического исследования нарушений критичности при судебно-психологической экспертизе	67
ОРЁЛ В.Е., СЕНИН И.Г. Опыт адаптации зарубежного опросника: организационный и содержательный аспект	71
ШТРАХОВА А.В. Личностный смысл болезни – суммарный вектор психического отражения болезни болеющим субъектом	78
Научная жизнь	
Шестая конференция Международной комиссии по тестированию «Влияние тестирования на людей и общество: повышение значимости тестирования» (Великобритания, Ливерпуль, июль 2008)	83
Abstracts and keywords	86

CONTENTS

BATURIN N.A., YUSUPOVA Y.L. Changing of evaluation under the influence of different factors	4
BEREBIN M.A. Myasishev's conception of personality attitude and the theory of psychic adaptation of personality	18
BOCHAROV V.V., SHISHKOVA A.M. Characteristics of heroin addict's mothers attitude to child	26
BOURLACHOUK L.F. Psychological tests in Ukraine: yesterday, today, tomorrow	29
GRYAZEVA-DOBSHINSKAYA V.G., BAKUNCHIK N.YU., GLUHOVA V.A., MAL-TSEVA A.S. Method of diagnostic of social subject's relations to creative person	33
KLUEVA N.V., DORFMAN L.YA. Phenomenological method of research in consulting psychology: the methodological analysis	46
MATVEEVA L.G. Analysis of notion «social intelligence»	51
MELNIKOVA N.N., POLEV D.M. Studying of memory by a method of double stimulation ...	56
MESHCHERYAKOVA K.V., RYAZANOVA A.Y. Characteristics of experimental-psychological research of criticality disorder in forensic-psychological expertise	67
ORJOL V.E., SENIN I.G. The experience of adaptation of foreign questionnaire: organizational and content aspects	71
SHTRAHOVA A.V. Personality's significative of disease – a total vector of psychic reflection of disease being ill personality	78
Scientific life	
The sixth conference of the International commission on testing « Influence of testing on people and a society: increase of the importance of testing » (the Great Britain, Liverpool, July, 2008)	83
Abstracts and keywords	86

ИЗМЕНЕНИЕ ОЦЕНОК ПОД ВЛИЯНИЕМ РАЗЛИЧНЫХ ФАКТОРОВ

Н.А. Батурин, Ю.Л. Юсупова

В статье даются общие представления об изменчивости оценок. Изменчивость как важнейший атрибут оценок, необходима для сохранения адекватности бытовых оценок и точности профессиональных. Оценки изменяются под влиянием многих факторов. Их можно разделить на внутренние и внешние, на естественные и неестественные. Исходя из такого разделения, проведен анализ исследований влияния различных факторов на каждый из подпроцессов оценивания: отражение объекта оценки; оценочное основание; сравнение объекта оценки с оценочным основанием; выражение оценки-результата.

Ключевые слова: оценка, оценивание, изменчивость, внешние факторы, внутренние факторы, естественные факторы, неестественные факторы.

При изучении адекватности бытовых оценок и точности профессиональных оценок (Baturin, 2008) неизбежно в поле внимания оказывается такой атрибут оценки как ее изменчивость. Действительно, «изменчивость оценок неустранима» более того, во многих случаях для сохранения адекватности и точности оценки обязаны изменяться. Из всех оценочных явлений именно процессуальные оценки подвержены наибольшей изменчивости.

Как показали многочисленные исследования, оценки изменяются под влиянием многих факторов (Батурин, 1997). Ниже представлена попытка рабочей классификации таких факторов, для того, чтобы затем их последовательно рассмотреть более подробно.

С одной стороны, факторы стоит разделить на *внутренние* – психические явления

самого субъекта, влияющие на его оценку, и *внешние* – объединяющие все виды факторов, которые влияют на субъекта, дающего оценку, со стороны внешней среды.

С другой стороны, факторы можно разделить на *естественные* под влиянием которых происходит изменение оценки по мере изменения предмета оценки или изменения субъекта, дающего оценку, и *неестественные (искусственные)*, случайно совпавшие с процессом оценки внутренние флуктуации, приводящие к нарушениям и ошибкам или преднамеренно созданные внешние факторы для специального влияния на процесс оценки.

Деление факторов по двум основаниям приводит к четырем типам факторов представленным в таблице.

Факторы (причины), вызывающие изменение оценок

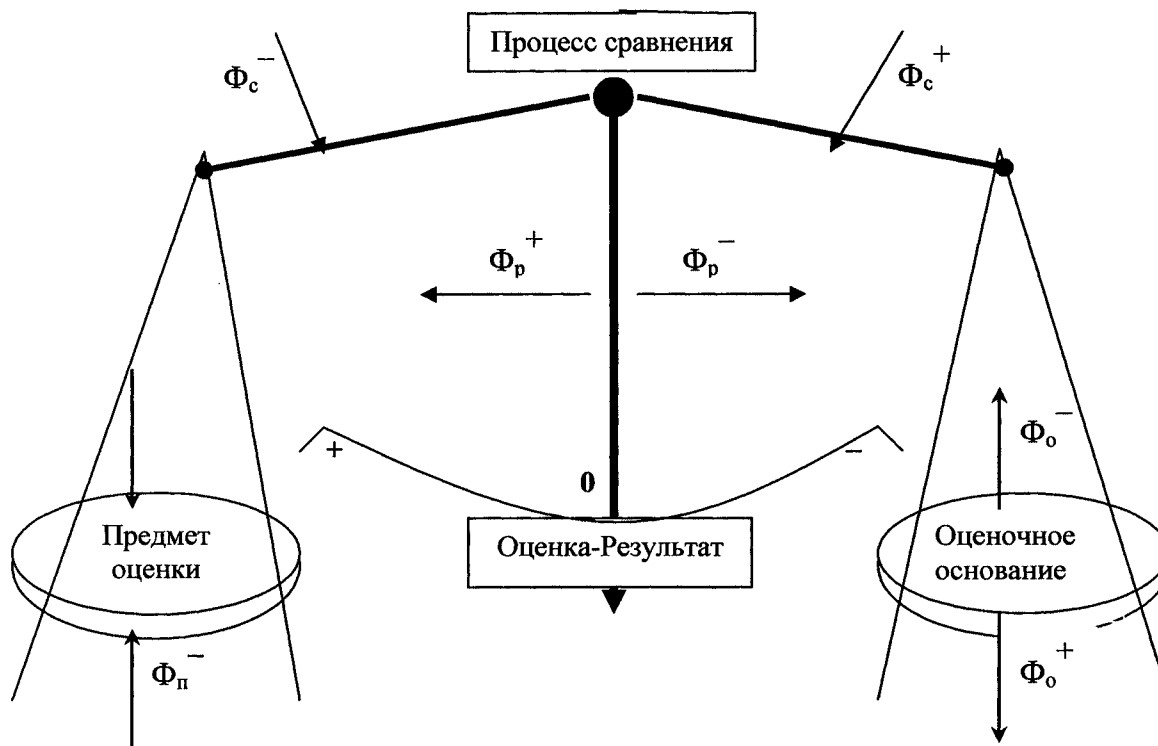
Факторы	Внутренние	Внешние
Естественные	1. Естественные изменения в компонентах процесса оценивания	3. Контекст, сопутствующий процессу оценивания и вызывающий изменения в компонентах процесса оценивания.
Неестественные (искусственные)	2. Нарушения и ошибки в компонентах процесса оценивания	4. Специально созданный контекст или искусственно созданные факторы, направленные на изменение оценок

Однако прежде чем перейти к рассмотрению каждого из четырех видов причин, вызывающих изменение оценки, напомним компоненты (подпроцессы) любой оценки, выделенные в наших предыдущих работах (Батурин, 1997, Батурин, 2008): 1) отражение

(познание) предмета оценки; 2) актуализация оценочного основания; 3) сравнение предмета оценки с оценочным основанием; 4) отображение (выражение) результата сравнения в когнитивной, аффективной или поведенческой форме.

Для того чтобы изобразить все факторы, влияющие на каждый компонент оценки, на рисунке представлена модель оценочного

акта в виде «оценочных весов».

Модель влияния различных факторов на изменение оценки в виде «оценочных весов»

Условные обозначения:

1. $\Phi_{п}^{+}$ и $\Phi_{п}^{-}$ – факторы, изменяющие валентный «вес» предмета оценки.
2. $\Phi_{о}^{+}$ и $\Phi_{о}^{-}$ – факторы, которые влияют на оценочное основание, изменяя его «нулевую точку».
3. $\Phi_{с}^{+}$ и $\Phi_{с}^{-}$ – факторы, которые влияют на процесс сравнения.
4. $\Phi_{р}^{+}$ и $\Phi_{р}^{-}$ – факторы, которые влияют на оценку-результат

Метафорическое сравнение оценки с весами позволяет лучше понять оценку как форму или способ отражения отношений, у которых всегда есть две соотносимые стороны, что хорошо согласуется с образом работы весов. На рисунке видно, что действие любого фактора со знаком плюс приводит к увеличению положительной валентности оценки-результата, а со знаком минус – к увеличению негативной валентности оценки-результата.

Влияние нескольких факторов с различной направленностью нейтрализуют друг друга. Итоговая оценка при этом может оставаться без изменения.

1. Естественные внутренние причины изменения оценки

Понимание оценки как отражение отношений приводит к объяснению того, что оценка может изменяться при объективно произошедших естественных изменениях любого из компонентов оценки. Главными естественными причинами являются процес-

сы онтогенетического развития и внутренние изменения как в субъекте, производящем оценивание, так и в предметах оценки.

Изменения в предмете оценки может быть связано с ростом, созреванием, либо разрушением внутренней структуры и потери внешнего вида объекта и т.д. Например, яблоко может быть незрелым и потому невкусным, но со временем оно созреет и станет очень вкусным, а через какое-то время оно засохнет или подгниет и станет плохим.

Подобные изменения могут происходить почти со всеми предметами любой потребности. Автомобили, например, или любые другие бытовые предметы со временем изнашиваются, теряют свой вид, устаревают – соответственно меняются их оценки. Люди растут, изменяется их интеллект, личность, поведение и как следствие меняются их оценки и самооценки.

Изменения в оценочном основании могут происходить естественным путем за счет приобретения нового опыта взаимодействия с объектами того же класса, что и предмет

оценки, или с предметами одной потребности. Например, знакомство с новыми сортами яблок приведет к изменению оценочной шкалы и в итоге к изменению оценки того сорта яблок, который еще недавно оценивался как *вкусный*, или – участие в тест-драйве с новыми моделями автомобилей приведет к изменению оценочного основания и в итоге к новой оценке собственного автомобиля, хотя он за это время ни в чем не изменился (Юсупова, 2008).

Изменения в проведении акта *сравнения* происходит непрерывно в процессе развития эмоциональной сферы и интеллекта человека. Сравнение может стать более совершенным, производится одновременно между несколькими свойствами предмета оценки и несколькими, соответствующими этим свойствам оценочными основаниями. А может стать более упрощенным в процессе возрастной инволюции.

Выражение оценки так же зависит от естественно возникающих причин. Выражение в виде суждений и оценочных категорий связано с овладением и расширением индивидуального словаря оценочных категорий. Чем больше словарь, тем более дифференцированное и более тонкими могут стать оценки. От грубого деления на противоположные категории «хорошо – плохо», человек за счет развития и обучения переходит к более дробным оценкам, учитывающим нюансы в проведенном сравнении. Например, «хороший» поступок, может более тонко оценен как «великолепный», «превосходный», «восхитительный», «поучительный», «великодушный», «выше всех похвал» и т.д.

Развитие эмоциональной сферы человека или ее инволюция так же изменяют выражение оценки в сторону увеличения дробности и тонкости переживаний или, наоборот их снижения.

2. Нарушения и ошибки в процессе оценивания: внутренние и неестественные (искусственные) факторы

Очевидно, что любые нарушения в подпроцессах оценивания и любые ошибки при познании предмета оценки, при выработке или применении оценочного основания, при сравнении и при выражении оценки приводят к искажению оценок и к снижению адекватности оценивания независимо от желания человека получить максимально точную оценку.

Отражение *предмета оценки* осуществляется за счет процессов восприятия, представления, или мышления. Про все эти процессы можно говорить не только с точки зрения их адекватности, но и точности, объективности, относительной устойчивости. Однако как показывают многочисленные исследования восприятия и мышления высокая конгруэнтность отображения объекта возможна только тогда, когда это достаточно простой объект с простыми свойствами. Например, простым объектом является зрительно воспринимаемый физический объект, т.е. буквально *очевидный*. Сложные объекты, обладающие сложной структурой с неочевидными свойствами, практически невозможно воспринять во всей полноте их свойств. Примером сложного объекта может быть другой человек или сам субъект при самооценке своих неочевидных свойств. Попытки провести точное познание внутренних свойств человека, опираясь на восприятие внешнего облика человека, и даже наблюдая за его поведением в различных ситуациях, очень часто приводят к ошибкам (Полев, 1999). Причем, часто эти ошибки происходят за счет несовершенства внутренних механизмов познания. Они не вызваны внешними факторами.

Примером ошибок в процессах отражения объекта может служить так называемое «первое впечатление». Исходно оно связано со сложностью выявить внутренние свойства человека по перцептивным признакам. Как известно, первое впечатление часто оказывается ошибочным, несмотря на субъективную уверенность в точности восприятия.

Еще один пример ошибок восприятия, приводящего к неадекватным оценкам является *эффект наглядности*. Исследования показали, что на оценку влияет *яркость* и *живость* информации о предмете оценки. В исследовании Р. Нисбетта и Л. Росса испытуемые участвовали в качестве присяжных в имитации судебного разбирательства по поводу обвинения водителя, совершившего аварию в состоянии алкогольного опьянения. Половина испытуемых читала «бледное» заключение обвинителя и «яркое» заключение защитника, а другая половина, наоборот, – «яркое» и наглядное заключение обвинителя и «бледное» заключение защитника. Наглядность заключения изменила оценки и обвинителей и защитников на следующий день после чтения заключений (Nisbett & Ross, 1980).

Наконец, рассмотрим еще одну причину ошибок восприятия человека человеком, которая всем известна как *эффект ореола*. Однако при другом дизайне эксперимента, отличном от классического эксперимента Р. Нисбета. Суть его состоит в том, что на оценку отдельных качеств другого человека влияет не только внешняя когнитивная обработка испытуемых, но и *общее впечатление* о человеке, которое сформировал сам испытуемый. Как оказалось, эффект общего впечатления от восприятия другого человека значительно влияет на дальнейшую оценку отдельных качеств, подгоняя их под общее впечатление.

Ошибки в формировании *оценочного основания* так же являются причиной изменения оценки и нарушения ее адекватности.

Точно так же как при познании предмета оценки, оценочные основания различаются по степени качества для простых и сложных объектов. В простых случаях, например, при оценки величины стола или качества сыра оценочные основания у взрослого человека представляют собой достаточно хорошо организованную субъективную шкалу величины столов или иерархизованную систему знаний о видах сыра, упорядоченных по вкусовым предпочтениям. Для сложного объекта значительно труднее выработать достаточно хорошо структурированную и иерархизованную систему признаков особенно для неочевидных, внутренних свойств, таких как свойства личности партнера по общению.

Поэтому при формировании оценочных оснований для сложных объектов более вероятно возникновение ошибок, которые приведут к искаженным неадекватным оценкам.

Еще один фактор, который может приводить к искажению оценочного основания, это эффект *многократной экспозиции*. Суть его заключается в том, что увеличение частоты простой экспозиции, то есть увеличения количества случаев взаимодействия человека с одним и тем же объектом (иероглифы, фотографии людей, многоугольники, продукты и т.п.) (Zajonc, 1968; Kunst-Wilson & Zajonc, 1980) приводит к сдвигу оценки этого объекта в позитивную сторону. Чем чаще мы что-то видим, чем больше мы знакомы, тем больше объект нам нравится. Причем этот эффект даже более выражен, когда испытуемые не осознают, что стимул действует на них (например, когда экспозиция объекта на экране меньше времени его

узнавания), чем когда они осознают его (Bornstein, 1989). Дальнейшие исследования этого эффекта подтвердили его жизнестойкость. Он обнаруживал себя не только в лабораторных условиях, но и в обыденной жизни. Причем исследования показали, что для его вызывания не обязательно повторно (многократно) демонстрировать объект по каналу восприятия. Подобный же эффект, приводящий к позитивному сдвигу оценки, наблюдается у человека при многократном вспоминании события или предмета. Если человек часто вспоминает событие или события подобные ему или подобные предметы, то уже это вызывает такой же эффект, как эффект многократной экспозиции (Tesser, 1978).

Тот же эффект наблюдается даже только при повторности размышления о предмете оценки. Испытуемых после оценки видео сюжета о человеке или рекламного ролика о продукте питания просили какое-то время думать о них (Tesser, 1978). Обнаружилось, что когда люди думали об объекте оценки в отсутствии новой информации, их мышление, опиралось на повторные представления. «Когда представления хорошо интегрированы, они *направляют* мышление человека в сторону информации, которая согласуется с общим оценочным *тоном* представления. Конечный результат – поляризация в оценках людьми объекта» (Tesser & Martin, 1996, с. 406). Например, если мы предварительно оценим кого-либо как относительно симпатичного, то, чем больше мы думаем об этом человеке, тем больше будет становиться наша симпатия к этому человеку.

Ученые объясняют эффект многократной экспозиции тем, что повторность создает у испытуемого убеждение в более частой встречаемости именно этого объекта в индивидуальном опыте. Это убеждение о большей встречаемости или большей популярности объекта, в конечном счете, и вызывает эффект сдвига оценки в позитивную сторону.

На наш взгляд, есть другое объяснение этого эффекта. Во всех исследованиях многократной экспозиции прослеживается то, что, чем более часто человек видит объект, чем он лучше его помнит, чем больше думает о нем, многократно представляя его себе, тем больше происходит *аккомодация оценочного основания*. Многократная повторяемость объекта приводит к перенасыщенности одного из полюсов оценочного основания («шкалы»), что, в свою очередь, приво-

дит к смещению «нулевой точки» и перераспределению части образов объекта по «шкале» от положительной «оценки» к более положительной, или в противоположном случае – от отрицательной «оценки» к более отрицательной.

Мы предлагаем назвать этот популярный эффект изменения оценок в зависимости только от частоты встречаемости и не связанный с изменением содержательной информации об объектах данного класса – *фундаментальной ошибкой поляризации оценок*.

Последняя причина нарушений в компонентах оценочного процесса, приводящая к изменению оценок и, в конечном счете, к нарушению адекватности, – *это ошибки в выражении оценок-результатов*. Напомним, что существуют три формы выражения оценок.

1. *Когнитивная форма* выражения заключается в подборе соответствующих оценочных категорий или формировании оценочных суждений. Самая простая причина возникновения ошибок – неразвитый категориальный аппарат человека, малый запас оценочных категорий, не позволяющий точно выразить результат сравнения, что приводит к снижению адекватности оценок.

Близкой к этой является причина, связанная с низкой детализацией оценок, когда человек не может выразить дробность оценок, например, плохо различая категории «огромной» и «слишком большой», «очень большой», «достаточно большой» и «большой».

Ошибки могут возникать так же из-за желания более точно выразить не букву, а смысл оценки особенно сложных объектов. Для этого, как правило, люди пытаются использовать коннотативное значение оценочных категорий в форме метафор, например, оценивая человека как «шершавого» или «теплого». С одной стороны, как показали эксперименты С. Аша и Р. Нисбета, – это очень сильные и емкие характеристики. С другой стороны, их точный смысл не всегда понятен даже самому оценивающему и еще менее – его партнерам по коммуникации. Например, подруга девушки, познакомившись на вечеринке с ее новым другом, сказала ей, что он «пресный». Поскольку мнение подруги для девушки было очень значимым, то она чуть было не рассталась с ним. И успокоилась только, когда узнала, что «пресный» парень, по мнению подруги – это тот, кто в компании не балагурит, не расска-

зывает смешных историй и анекдотов с «картинками». Как раз это девушка не любила. А расшифровала она для себя метафору «пресный», как не активный и безвольный.

За рубежом существует целая область исследования суждений (judgment), большая часть из которых связана с изучением оценочных суждений (см. обзор Mellers et al., 1998). Оценочные суждения часто рассматриваются как синоним оценки вообще, причем, не последней стадии оценивания – когнитивной формы выражения результата оценивания, а как весь процесс когнитивной оценки (см. обзор Субботина, 2002).

Более того, дело доходит до того, что оценочное суждение определяется как «субъективное, или психологическое измерение» (Субботин, 2002).

В данном контексте важно отметить то, что в обзоре рассмотрено более десятка различных феноменов и эффектов, влияющих на оценочные суждения, которые так или иначе связаны с ошибками, иллюзиями, искажениями, что естественно, приводит к изменению оценок, а в итоге к увеличению или снижению адекватности оценки.

2. *Аффективная форма выражения* оценки в виде переживания – это обычно результат проведения оценивания на неосознаваемом аффективном уровне. Язык переживаний (особенно сложных) вообще трудно верифицируется при вербализации в силу их разноприродности. Человеку трудно определить точное значение слов, обозначающих эмоциональные переживания в процессе опознавания или при передаче информации о переживании другим. Чем, к примеру, *упоение* отличается от *скуки* или *подавленности*. Во многом вербальный трансферт переживаний индивидуален. В области изучения эмоций существует теория атрибуции возбуждения С. Шехтера и Сингера, согласно которой до возникновения переживания производится когнитивная оценка сопутствующих стимулов интероцептивными сигналами о сиюминутном состоянии. В результате наблюдается приписывание значения субъективному переживанию. Понятно, что процессы атрибуции более субъективны и произвольны, чем даже оценочная категоризация. Поэтому из-за непонимания как собственных переживаний-оценок, так, тем более наблюдаемых по внешним признакам, переживаний других людей, возникают систематические ошибки при вербализации эмоциональных переживаний (Klauser, 2003).

В итоге, все эти ошибки приводят опять же к нарушению адекватности оценки даже при безукоризненном качестве трех предыдущих подпроцессов оценивания.

3. *Поведенческая форма* выражения оценок. Изменение поведения вслед за неочевидным для самого субъекта актом оценивания, возможно имевшем место на предыдущем этапе, – доступный наблюдению феномен.

Он заметен, прежде всего, по непонятным и необъяснимым даже для самого человека изменениям своего поведения. Чем объяснить, например, выбор в супермаркете именно данного вида зубной пасты (из 20 почти таких же), которой он раньше не пользовался? Причину, объясняющую этот выбор, при неожиданном вопросе человек легко подбирает сам, но в момент выбора он не задумывался и не осознавал проведенную оценку. Возможно, это следствие многократного действия рекламы, использующей эффект «повторной экспозиции», который постепенно приводит к позитивному сдвигу в оценке (Zajonc, 1968).

Вторым фактором нарушения адекватности оценки в случае выражения оценок в поведенческой форме является недифференцированность алфавита конечного выражения оценок на поведенческом уровне. Фактически он состоит только из двух элементов: приближение контакта с предметом оценки и отказ от контакта или избегание. И хотя свертывание информации в оценку является одним из ее достоинств, но здесь на лицо уже огрубление информации и в связи с этим довольно частное снижение адекватности.

Таким образом, в каждом из подпроцессов, входящих в акт оценивания, могут возникать неточности, рассогласования, ошибки, которые приводят к изменению оценок и как следствие к снижению адекватности или даже к ошибочным оценкам. Тем ни менее только зная о нарушении в каком-либо подпроцессе, можно говорить, что оценка неадекватна. Если ошибок нет, то все оценки, в том числе, даже диаметрально противоположные оценки двух людей по одному и тому же поводу или оценки субъекта только что измененные на противоположные, являются вполне адекватными отображаемым отношениям, в которых произошли объективные изменения (см. раздел 1).

Напомним, что весы тоже работают нормально только тогда, когда стрелка отклоняется при изменении массы на любой из

чашек. Как раз поломанные весы сохраняют стабильность «измерения» при изменении веса товара или массы гирек.

3. Внешние естественные факторы, влияющие на изменение оценки

Кроме уже рассмотренных двух видов сочетания факторов, вызывающих изменения оценки, естественные внутренние и неестественные (ошибочные) существуют еще два *внешних* по отношению к процессу оценки вида факторов (см. рисунок).

Первый из них – это *внешние естественные факторы*, оказывающие влияние на все компоненты оценочного акта. Естественные – это значит, что эти факторы не созданы специально, чтобы манипулировать оценкой. Это параллельно идущие когнитивные и аффективные процессы, изменения в эмоциональном и функциональном состояниях и другие внешние по отношению к оценивающему субъекту факторы, действующие в тот же момент, когда совершается оценивание. Естественно, что для экспериментального изучения этих факторов создают специальные условия для проявления их влияния.

Подобно тому, как восприятие фигуры зависит от фона, характер конкретной оценки явно или не явно зависти от внешних факторов, которые косвенно влияют на человека во время или незадолго до начала оценивания, и которые можно объединить общим названием «контекст».

Значение такого контекста очень образно выразили А. Тессер и Л. Мартин: «На оценку влияют три фактора: контекст, контекст и контекст». Конечно же, это высказывание гиперболизация, сделанная для того, чтобы подчеркнуть действительно большое значение контекста. Все предыдущее содержание этой статьи говорит о том, что контекст далеко не единственный фактор, влияющий на изменение оценок.

Эффект влияния внешних и ситуативных по своему происхождению факторов более полувека назад было хорошо продемонстрировано в работе Д. Брауна. Испытуемые (дети дошкольники) должны были оценивать вес маленьких предметов разной массы. Испытуемые демонстрировали влияние предшествующих действий и оценок предметов. После подъема легких предметов они оценивали следующий как более тяжелый предмет (почти иллюзия восприятия по контрасту Узнадзе). Однако, и это самое ин-

тересное, когда испытуемых просили поднести поднос или перенести стул, которые были явно тяжелее экспериментальных предметов, их оценка веса следующих экспериментальных предметов не менялась. Очевидно, что поднос и стул не рассматривались как относящиеся к классу оцениваемых предметов, т.е. они воспринимались испытуемыми как релевантные факторы процедуре оценивания (Brown, 1953). Результаты таких экспериментов заставляют рассмотреть общие правила влияния и не влияния контекста на оценку (Tesser & Martin, 1996).

Первое, для того, чтобы контекст оказывал влияние на оценку, он должен быть связан с ней по *содержанию* (релевантен). В эксперименте Д. Брауна стул и поднос были не релевантными факторами среды, поэтому не повлияли на оценку.

Второе, если в контексте присутствуют два релевантных фактора, то влияние на оценку окажется более доступным. Другими словами, человек использует тот контекст, которым легче воспользоваться. Например, тем, что более легко приходит на ум, когда он выносит оценку.

Третье, контекст должен быть не только релевантным, но и применимым в данной оценке. То есть, если контекстуальная информация даже явно связана по *содержанию*, но не подходит по *смыслу*, то она не окажет влияние на оценку. Только контекст, который связан по смыслу, ассимилируется в восприятие объекта, в оценочное основание или в процесс выражения оценки-результата и изменяет их.

Четвертое, контекст может оказывать влияние сразу (прямо) на валентность оценки, передавая ей свое валентное содержание. Иными словами, если контекст обладает очевидной положительной или отрицательной валентностью, то оценка, формируемая на его фоне, ассимилирует не содержание, а саму валентность контекста, сдвигаясь к положительному или отрицательному полюсу. Таким контекстным фактором может быть настроение (внутренний контекст) или общая приятная окружающая атмосфера: свет, музыка, обстановка (внешний контекст).

Пятое, валентность оценки может подстраиваться под ожидаемую валентность контекста. Например, если при общении с другим человеком мы знаем его оценку объекта или события, то при сообщении ему своей происходит или ее смягчение, если

валентности оценок противоположные, или увеличение, если валентности совпадут.

В отличие от приведенных выше общих правил влияния контекста, ниже будут рассмотрены частные случаи влияния «контекстов локального действия» на все четыре компонента оценочного акта по очереди.

Отражение (познание) предмета оценки – это хорошо изученный процесс обнаружения, опознания и категоризации объекта при восприятии, представлении (воспоминании) и мышлении. Изменение оценки в конечном итоге произойдет, если под влиянием каких-то факторов в момент отражения объекта произойдет изменение его естественной или фоновой валентности.

1. Влияние дополнительной эмоционально окрашенной информации. С. Мэрфи и Р. Заджонк просили оценить нейтральные стимулы (китайские иероглифы), следовавшие после кратковременной презентации улыбающихся или сердитых лиц. В некоторых случаях лица экспонировались в течение только 4 мсек., то есть до различения, в то время как в других случаях, они экспонировались в течение 1000 мсек. и были хорошо различимы. Результаты показали, что когда лица предьявлялись, но не различались, следовавшие за ними иероглифы оценивались как более симпатичные, если они следовали за улыбающимися лицами, и наоборот, оценивались негативно, если следовали за сердитыми лицами. То есть происходил переход контекстной валентности на образ оцениваемого объекта. Однако этого не происходило, если люди разделяли информацию на два отдельных объекта при более длительной экспозиции лица (Murphy & Zajonc, 1993).

Сходные эффекты влияния на оценку объекта очевидно позитивного или негативного побочного фактора на отражение объекта происходили под влиянием музыки разного тона и мелодии, случайно совпавшей с моментом оценки.

2. Влияние предварительной когнитивной информации. Ф. Стрэк с сотрудниками провели серию экспериментов по конструированию социальных оценок. В одном из них испытуемым вначале предьявили несколько наборов оценочных категорий, обозначающих черты лица, а потом просили составить впечатление о человеке, показанном в видео сюжете. Впечатление испытуемых часто сдвигалось в сторону содержа-

ния предъявленных категорий (Strack, 1992; Strack et al., 1993).

3. *Влияние случайного присоединения предмета оценки к значимым объектам и ценностям.* Ежедневно мы видим десятки рекламных роликов построенных по одному принципу – рекламируемый предмет искусственно присоединен ассоциативной связью к объекту с уже известной положительной валентностью, например, любовь матери к ребенку.

Для них характерно простое совпадение (ассоциация) по сходству или смежности любого объекта или ситуации с известной (положительной или отрицательной) валентностью с объектом, который собственно и является предметом оценки.

В качестве иллюстрации действия неоправданной ассимиляции в образ объекта контекстного содержания, имеющего положительную валентность, можно привести исследование А. Гиловича (см. Gilovich, 1981).

4. Еще один фактор, приводящий к изменению оценки, в житейской психологии называется *предвзятость*. Предметом оценки обычно является продукт чьей-то деятельности: другого человека, организации или самого же субъекта. В предмете оценки выискиваются какие-то особенности, которым придается неоправданно большое значение. Основная причина предвзятости – это наличие у субъекта оценки особых отношений с другим субъектом, который имеет непосредственное отношение к предмету оценки, например, неприязнь, ненависть или наоборот любовь, дружба и т.д. В зависимости от характера отношений предвзятость может изменять оценку в более позитивную или более негативную сторону.

5. *Знакомство с объектом и эффект сходства.* В различных психологических дисциплинах накоплено много свидетельств того, что знакомые объекты оцениваются выше при прочем равенстве.

В социальной психологии получены данные о том, что испытуемым больше нравится на фотографиях знакомые лица и внешне похожие на испытуемого. Например, привычная репродукция Моны Лизы в прямом изображении более высоко оценивается, чем в зеркальном (Mita et al. 1977).

Дружба, аттракция тоже базируется на механизме сходства. Сходство расы, социальный уровень, нация, религия – важные факторы выбора партнера для брака и ясно,

что за этим стоит превосходство в оценках (Caspi and Herbener, 1990).

Как отмечалось, *оценочное основание* представляет собой хранящийся в памяти мыслительный конструкт, который содержит в себе совокупность упорядоченных и иерархизованных представлений о каком-то классе объектов. Оценочные основания могут быть в разной степени «развиты» от единичного эталона и самой простой последовательности из трех-четырёх представлений до весьма сложных конструкций с большим количеством элементов (Батурин, 2008). Чем менее развито оценочное основание, и чем сложнее предмет оценки, тем в большей степени на итоговую оценку будет влиять контекст и особенно специфичный для этого компонента оценки локальный контекст.

Кроме того, оценочные основания, как и все мыслительные конструкты, находятся в постоянном развитии. Они постоянно ассимилируют новую информацию и новый опыт, что приводит к аккомодации структуры оценочного основания. А это значит, что специфически контекстной для оценочного основания будет информация, которая способствует его быстрой аккомодации.

В качестве примера аккомодации оценочного основания можно привести эффект, обнаруженный в исследованиях того, как меняются оценки о частоте событий в зависимости от того, насколько легко человек вспоминает сходные события или предметы.

Факты свидетельствуют о том, что человек нередко определяет частоту встречаемости с помощью простой стратегии: он пытается вспомнить конкретные случаи, относящиеся к его оценке. Если примеры легко приходят на ум, он делает вывод о том, что ситуация является типичной. Если примеры вспоминаются с трудом, то он делает заключение, что этот случай редок. Эта стратегия получила название «эвристика доступности», поскольку для вынесения суждения человек использует доступность примеров как основу для оценки вероятности (Глейтман, 2001; Tversky & Kahneman, 1973 и другие.) То есть, чем легче человек припоминает сходное событие, тем сильнее корректируется оценочное основание и тем выше становится оценка частоты этого события.

Процесс *сравнения* сам по себе это достаточно тонкая и сложная мыслительная операция. В акте оценки с помощью сравнения среди образов представлений, входящих в оценочное основание, должен быть найден

тот, который по всем параметрам наиболее соответствует образу предмета оценки. Вместе с этим должны быть определены знаковая валентность и место в «табеле о рангах», которое занимает выбранное представление среди других в данном оценочном основании. Поскольку в акте сравнения одновременно представлены и задействованы все основные компоненты оценки, то фактор, способный оказать влияние на сравнение которое приведет к изменению оценки, должен быть очень универсальным. Известно, что самыми универсальными факторами является эмоциональный тон и общий уровень возбуждения.

1. *Эмоциональный тон.* Влияния этого фактора на оценку давно известно в житейской психологии. Говорят «он все видит в розовом свете» или, наоборот, «в черном свете». При этом, очевидно, что не происходит изменения в восприятии или оценочном основании. Искажается сам процесс сравнения. Предмет оценки сопоставляется не с тем критериальным элементом в оценочном основании, и это приводит к общему завышению или занижению оценок.

Причины, которые вызывают повышенный эмоциональный тон, известны – это успех, вдохновение, важное событие, любовь, алкоголь и т.д. Отрицательный эмоциональный тон вызывает неудача, плохое событие, конфликт, нарушение общения и т.д. Любому человеку из жизненного опыта хорошо известно как меняются оценки всего и даже смысла жизни под влиянием таких контекстуальных факторов.

2. *Имитация эмоционального тона.* Экспрессивным аналогом позитивного эмоционального настроения является улыбка, а негативного – нахмуренные брови. Оказывается, что даже имитация эмоционального тона может влиять на оценку. В оригинальном исследовании Ф. Страка и др. под предлогом изучения деятельности людей с физическими недостатками испытуемых просили выполнить серию заданий при помощи ручки, удерживаемой либо между передними зубами, либо вытянутыми вперед губами, либо недоминантной рукой. После этого в основном задании испытуемые оценивали юмористичность нескольких карикатур. Когда испытуемые удерживали ручку зубами, их выражение лица почти соответствовало улыбке. Когда они держали ее губами – хмурому взгляду. Оказалось, что имитация улыбки приводит к более высоким оценкам

карикатур («смешные»), нежели оценки с имитацией хмурого взгляда. Оценки контрольных испытуемых попали в середину между их оценками (Strac et al., 1988).

3. *Эмоциональное отношение.* В работе Дж. Касиоппо и др. было установлено, что испытуемые актеры дают менее благоприятные оценки, если до этого они совершали отталкивающие движения руками, разыгрывая отвращение, чем, если они совершали движения притягивания, разыгрывая симпатию, т.е. даже имитация эмоционального отношения приводит к изменению оценки (Cacioppo et al., 1985).

4. *Диффузное возбуждение.* В исследовании Л. Мартина и др. были повторены эти же условия эксперимента, но они добавили внешнее смутное (диффузное) возбуждение в момент, когда они делали оценки. Все обнаруженные эффекты проявились еще в большей степени (Martin et al, 1992).

Процесс *выражения оценки* уже в значительной степени предопределен предыдущими процессами, и нужно только адекватно выразить его итог в оценке-результате. Тем не менее, на этот процесс тоже могут влиять контекстуальные факторы.

1. *Категориальные ассоциации.* Е. Хиггинс и др. просили испытуемых сформировать впечатление о человеке, основываясь на описании, которое было двусмысленным в отношении значений нескольких черт (например, «смелый» или «безрассудно опрометчивый», «настойчивый» или «упрямый»). Перед этим в явно не родственном исследовании испытуемым экспонировали стимулы в виде понятий, которые потом могли использоваться при оценках характера человека, то есть как бы заранее «подбрасывались» испытуемым. Причем, части из них такие, которые снимали неопределенность в одну сторону; например, «смелый» или «настойчивый». Другой части – такие, которые снимали неопределенность в другую сторону; например, «безрассудный» или «упрямый». Третьей группе – такие, которые были неприменимы к последующему впечатлению и формированию суждений, например, «аккуратный», «равнодушный». Оказалось, что свежее употребление понятий, приводило к снятию неопределенности в направлении этих категорий и к их применению в суждениях о человеке. При условии неприемлемости, предварительно предъявленные понятия не влияли и не использовались испытуемыми. Эти испытуемые обходили двусмыслен-

ные черты, стараясь не характеризовать их никак (Higgins et al., 1976).

2. *Влияние ожидаемых оценок.* В работе К. Седикидеса изучалось использование оценок в процессах коммуникации. Было обнаружено, что часто, когда люди делают оценки, они это делают с намерением сообщить их другим. При этом оценки зависят от коммуникативного контекста. Так, если оценка объекта партнером известна, то это влияет на оценку коммуникатора. Человек формирует более благоприятную оценку, когда она должна быть сообщена партнеру по беседе, который относится благосклонно к объекту, нежели когда она должна быть сообщена партнеру, который неблагосклонен к объекту (Sedikides, 1990).

3. *Влияние мотивов.* Еще одна группа хорошо известных факторов – это воздействие на оценку через не связанные с оценкой влияния на мотивы получения выгоды, избегания наказания, мотивов присоединения и других. Во всех этих случаях человек меняет выражение своей оценки на более благоприятную, преследуя не связанные с оценкой цели: повлиять, понравится, получить признание или подтолкнуть к какому-то решению. Такое изменение оценки есть не что иное, как банальная лесть. Более того, будучи многократно повторенной, она приводит к реальному воздействию на оценки льстеца.

4. *Зависимость повышения самоуважения.* Хорошо известно, что большинство людей стремится к поддержанию своей самооценки и самоуважения на как можно более высоком уровне (Allport, 1937). Поэтому человек обычно предвзято относится к продукту своей деятельности. Этот случай был рассмотрен в этом параграфе среди факторов, влияющих на предмет оценки. Однако известно и другое. Когда человек не сразу узнает, что данный предмет оценки имеет отношение к нему. Тогда выражение оценки меняется по мере узнавания в предмете оценки своего продукта. В оригинальном исследовании испытуемым школьникам предлагалось выступить в качестве экспертов по оценке сочинений. Все признаки авторства сочинений были убраны. Однако в части сочинений сохранились намеки, по которым школьники могли заподозрить, что это сочинение его. Экспериментатор варьировал величиной намеков и добивался разной степени узнавания от смутного подозрения до почти очевидного узнавания своего сочинения. Оценка сочинения менялась несколько

раз: вначале она повышалась, а затем снижалась, когда школьники начинали бояться, что их обвинят в предвзятости к своим работам.

4. Внешние искусственные факторы, влияющие на изменение оценки

Подобные факторы не всегда просто отличить от факторов, рассмотренных в предыдущем разделе, и касающихся внешних естественных факторов. Принципиальное различие состоит в том, что в первом случае внешние контекстуальные факторы случайно совпали с процессом оценки объекта или предшествовали оценке, несмотря на то, что в экспериментальном исследовании они были искусственно сезоны.

Во втором случае факторы создаются специально для того, чтобы повлиять на оценку и вызвать ее изменение в нужную сторону: положительную или отрицательную. В принципе, все случайные контекстуальные факторы можно преобразовать в специальные, искусственные, зная механизм их влияния.

В то же время все внешние искусственные факторы можно разделить на две группы: 1) манипуляции и 2) психотерапевтические или психоконсультационные. И те, и другие создают люди для управления оценками и последующим поведением других людей. Они могут даже использовать знания о контекстуальных естественных факторов, преобразуя их в приемы для создания искусственного контекста. Принципиальное различие состоит в конечной цели.

В случае *манипуляции* человек создает или вызывает факторы, влияющие на оценку другого, ради *своей выгоды*. В случае *психотерапии* или в процессе консультирования психолог или врач использует различные приемы для изменения оценок клиента (пациента), разрешая тем самым какие-то проблемы в его отношениях с другими людьми (близкими, любимыми, сослуживцами и т.д.), в отношениях к ситуациям (потери, смерти, измены), или к другим объектам, т.е. ради выгоды клиента (пациента).

Манипуляции оценками иногда производятся близкими людьми, интуитивно знающими приемы изменения оценок, во благо своих близких или знакомых и тогда они выступают в роли бытовых психотерапевтов или «семейных» психологов. Однако довольно часто за их действиями все же стоит и личный интерес (Доценко, 1997).

Что касается терапевтических и консультативных подходов, их отношение к использованию измененных оценок для влияния на клиента (пациента) очень различно. Есть подходы, которые построены на открытом и активном использовании оценок. Есть подходы, которые отрицают использование оценок в своей работе или влияния на оценки, например, гуманистически ориентированная терапия. Однако исследования, проведенные в нашей лаборатории под руководством И.В. Выбойщик говорят о том, что избежать в консультативной или психотерапевтической работе оценок фактически невозможно (Выбойщик, 2008; Свинцова, 2006).

Довольно часто в процессе консультативной работы требуется, чтобы клиент «посмотрел другими глазами» на привычный ему *предмет оценки*.

Одним из примеров экспериментального изучения влияния искусственной внешней когнитивной обработки «оценщиков» является ставший классическим цикл работ Р. Нисбета по так называемому галло-эффекту или эффекту ореола. Испытуемых просили прослушать лекцию приглашенного преподавателя, оценить его и объяснить свою оценку. Хотя все испытуемые видели одного и того же преподавателя, одной половине испытуемых его представили как *теплого* человека, а другой – как *холодного*. Испытуемые, которые слышали *теплое* представление преподавателя, выразили ему большую симпатию, чем те, которые слышали *холодное* представление. Более того, первые в своих объяснениях охарактеризовали «акцент и манерность преподавателя» как очаровательные, а другие как раздражающие. (Nisbett & Wilson, 1977).

В другом эксперименте учителям давали одно и то же «личное дело» с подробной информацией об ученике и просили дать оценку его перспективности в обучении на следующей ступени. При этом половине преподавателей до этого показывали фотографию со съехавшим набок галстуком, а другой – фотографию того же мальчика с аккуратно завязанным галстуком. Итоговая оценка будущих достижений перспективности была значительно выше во втором случае.

Еще одним примером искусственной обработки (манипуляции) человеком является реклама. Один из типичных приемов – это специальное присоединение реклами-

руемого объекта ассоциативной связью к постороннему объекту с уже известной положительной валентностью, например: любовь матери к ребенку;

- демонстрация покоя и отдыха;
- ссылка на научные данные с графиками, формулами и т.д.;
- физическая красота информатора об объекте;
- известный человек с положительной репутацией (герой, хороший актер, выдающийся спортсмен, известный ученый и т.п.);
- историческое событие (победа, героический поступок и т.п.).

Как указывалось выше, все естественные контекстуальные факторы могут преобразовываться в искусственные, при использовании с другими целями.

1. В консультационной работе *оценочное основание* клиентов приходится изменять за счет соблюдения в ходе терапии специально подобранной информации об их особенностях, об окружающем мире, об окружающих людях.

2. При манипулировании часто делается ставка на стереотипность мышления людей. Автоматическое поведение у людей преобладает в связи с тем, что оно более целесообразно и способствует сохранению адекватности поведения путем нахождения кратчайшего пути. Люди пользуются целым рядом стереотипов, вынося свои повседневные суждения. Например, искусственно созданная многократная (иногда до 100 экспозиций), встречаемость объекта приводит к неоправданному *искажению* оценочного основания.

3. Исследования показывают, что люди склонны осмысленно реагировать на информацию тогда, когда у них есть желание и возможность анализировать (Cacioppo, 1985). Примером может служить влияние слова авторитета или специалиста на оценочные основания людей. Существует так называемый «феномен капитанства» (Fousher, 1984). Этот эффект выявлен в исследованиях причин несчастных случаев в авиации. Несмотря на значимость вопросов, связанных с управлением самолетом, члены команды используют стереотип, что если специалист (в данном случае первый пилот) что-то говорит, то это верно, и не обращают внимание на его грубые ошибки (Зимбардо, 2001).

В связи с тем, что факторы, влияющие на процесс сравнения очень универсальны, их наличие достаточно легко имитировать. Например, сообщение сначала плохой новости, затем – хорошей, может повысить радость от второй. Это связано с эффектом контраста, при котором разница между двумя предметами, представленными друг за другом, увеличивается (Чалдини, 2007). Причиной этого контраста, с точки зрения Узнадзе является образование у человека внутренних неосознаваемых состояний (установок), которые подготавливают его к восприятию дальнейших событий и являются фактором, направляющим сознательную деятельность.

Предоставление «правильной» информации помогает достигнуть необходимого эффекта. Также как и формирование «нужных» для данной цели эмоций до какого-то события изменяет оценку. Не зря, в рекомендациях по составлению эффективной презентации, пишут о необходимости яркого, эмоционального и красочного представления материала. Использование этих факторов влияет на повышение позитивности оценок, в данном случае на более позитивные оценки презентации.

Искусственно созданные факторы могут оказывать влияние на все три способа выражения оценок: на оценочные суждения, на аффективные переживания, и на дальнейшее поведение человека. И главным образом, при влиянии на человека, целью является изменение его поведения. Снижение адекватности при выражении оценок может быть следствием чужого влияния.

Это очень хорошо видно в классических экспериментах конформности. В этих исследованиях, в группе людей все, кроме одного настоящего испытуемого являются «подсадными». Например, группе предлагалось оценить длину линии (либо какие-то другие объекты), и по очереди сообщать свою «оценку». Первыми заведомо ложную оценку давали «подсадные» испытуемые. Настоящие испытуемые, называющие свою оценку последними, в большинстве случаев давали не правильную оценку (достаточно очевидную), а повторяли оценку, называемую большинством (Asch, 1955).

Таким образом, видно, что оценки изменяются под влиянием огромного количества различных факторов и могут нарушать адекватность бытовых оценок и точ-

ность профессиональных оценок. Для психологов остро стоит проблема выделения факторов, от которых зависит точность измерения оценок. В связи с этим изучение этих факторов способствует более полному пониманию феномена оценки и раскрытию возможности управления процессом оценивания. Исследовательская работа направлена на исследование этих факторов и их комплексного воздействия на оценки.

Литература

1. Батурин, Н.А. *Оценочная функция психики* / Н.А. Батурин. – М.: Изд-во ИП РАН, 1997. – 306 с.
2. Батурин, Н.А. *Психология оценки: общие представления, дифференциация понятий и области изучения* / Н.А. Батурин // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2008. – № 31 (131). – Вып. 1. – С. 17–31.
3. Выборщик, И.В. *Оценочный стиль как один из факторов точности оценивания* / И.В. Выборщик // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. – 2008. – № 32 (132). – Вып. 2. – С. 29–36.
4. Глейтман, Г. *Основы психологии* / Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг. – СПб.: Изд-во «Речь», 2001. – 1248 с.
5. Доценко, Е.Л. *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита* / Е.Л. Доценко. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
6. Зимбардо, Ф. *Социальное влияние* / Ф. Зимбардо, М. Ляйтте. – СПб.: Питер, 2001. – 448 с.
7. Свинцова, В.Г. *Особенности оценочной сферы психологов-консультантов: магистерская дисс.* / В.Г. Свинцова. – Челябинск, 2006.
8. Субботин, В.Е. *Оценочные суждения / Когнитивная психология: учебник для вузов*. // под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЕР СЕ, 2002.
9. Чалдини, Р. *Психология влияния* / Р. Чалдини. – СПб.: Питер, 2007. – 288 с.
10. Юсупова, Ю.Л. *Факторы, влияющие на изменение оценки* / Ю.Л. Юсупова // *Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов»*. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – С. 58–59.
11. Allport, G.W. *Personality: A psychological interpretation* / G.W. Allport. – New York: Holt, 1937.

12. Asch, S.E. *Opinions and social pressure* / S.E. Asch // *Scientific American*. – 1955. – Vol. 193. – P. 31–35.
13. Baturin, N.A. *Accuracy of professional evaluation* / N.A. Baturin // *International Journal of Psychology*. – 2008. – Vol. 43. – Issue 3/4. – P. 486.
14. Bornstein, R.F. *Exposure and affect: overview and meta-analysis of research, 1968–1987* / R.F. Bornstein // *Psychological Bulletin*. – 1989. – № 106. – P. 265–289.
15. Brown, D.R. *Stimulus similarity and the anchoring of subjective scales* / D.R. Brown // *American Journal of Psychology*. – 1953. – № 66. – P. 199–214.
16. Cacioppo, J.T. *Semantic, evaluative, and self-referent processing: memory, cognitive effort, and somatovisceral activity* / J.T. Cacioppo, R.E. Petty, K.J. Morris // *Psychophysiology*. – 1985. – № 22. – P. 371–384.
17. Caspi, A. *Continuity and change-assortative marriage and the consistency of personality in adulthood* / A. Caspi, E.S. Herbener // *Journal of personality and social psychology*. – 1990. – № 58. – P. 250–258.
18. Foushee, M.C. *Dyads and triads at 35,000 feet: factors affecting group process and aircraft performance* / M.C. Foushee // *American Psychologist*. – 1984. – № 39. – P. 885–893.
19. Gilovich, T.D. *Seeing the past in the present: the effect of associations to familiar events on judgments about decisions* / T.D. Gilovich // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1981. – № 40. – P. 797–808.
20. Higgins, E.T. *Impression formation and role fulfillment: a «holistic reference» approach* / E.T. Higgins // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 1976. – № 12. – P. 422–435.
21. Kunst-Wilson, W.R. *Affective discrimination of stimuli that cannot be recognized* / W.R. Kunst-Wilson, R.B. Zajonc // *Science*. – 1980. – № 207. – P. 557–558.
22. Klauer, K. *The psychology of evaluation: affective processes in cognition and emotion* / K. Klauer, J. Musch. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. – 411 p.
23. Martin, L.L. *The role of one's own bodily sensations in the evaluation of social events* / L.L. Martin, T.F. Harlow, S. Strack // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1992. – № 18. – P. 412–419.
24. Martin, L.L. *The Construction of social judgement* / L.L. Martin, A. Tesser. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992. – 358 p.
25. Mellers, B.A. *Judgment and decision making* / B.A. Mellers, A. Schwartz, A. Cooke // *Annual review of Psychology*. – 1998. – № 49. – P. 447–477.
26. Mita, T.N. *Reversed facial images and the mere exposure hypothesis* / T.N. Mita, M. Dermer, J. Knisht // *Journal of personality and social psychology*. – 1977. – № 35. – P. 597–601.
27. Murphy, S.T. *Affect, cognition, and awareness: affective priming with optimal and suboptimal stimulus exposures* / S.T. Murphy, R.B. Zajonc // *Journal of Social and Personality Psychology*. – 1993. – № 64. – P. 723–739.
28. Nisbett, R.E. *Telling more than we can know: verbal reports on mental processes* / R.E. Nisbett, T.D. Wilson // *Psychological Review*. – 1977. – № 84. – P. 231–259.
29. Nisbett, R.E. *Human inference: strategies and shortcomings of social judgment* / R.E. Nisbett, L.D. Ross. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980. – 317 p.
30. Sedikides, C. *Effects of fortuitously activated constructs versus activated communication goals on person impressions* / C. Sedikides // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1990. – № 58. – P. 3–23.
31. Strack, F. *Awareness of the influence as a determinant of assimilation versus contrast* / F. Strack, N. Schwarz, H. Bless, A. Kuebler, M. Waenke // *European Journal of Social Psychology*. – 1993. – № 23. P. 53–62.
32. Strack, F. *Priming and communication: the social determinants of information use in judgments of life satisfaction* / F. Strack, L.L. Martin, N. Schwarz // *European Journal of Social Psychology*. – 1988. – № 18. – P. 429–442.
33. Strack, F. *The different routes to social judgments: experiential versus informational strategies* / F. Strack // *The construction of social judgments* / L.L. Martin, A. Tesser (Eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. – P. 249–276.
34. Tesser, A. *Self-generated attitude change* / A. Tesser // *Advances in Experimental Social Psychology*. – 1978. – Vol. 11. – P. 290–338.
35. Tesser, A. *The psychology of evaluation* / A. Tesser, L. Martin // *Social psychology: handbook of basic principles*. – New York: The Guilford Press, 1996. – P. 400–432.

36. *Tversky, A. Availability: a heuristic for judging frequency and probability / A. Tversky, D. Kahneman // Cognitive Psychology. – 1973. – № 5. – P. 207–232.*

37. *Zajonc, R.B. Attitudinal effects of mere exposure / R.B. Zajonc // Journal of Personality and Social Psychology Monograph. – 1968. – № 9. – P. 1–28.*

Поступила в редакцию 05.12.2008.

Батури́н Николай Алексе́евич. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Южно-Уральского государственного университета: nikbat@list.ru.

Nikolay A. Baturin. PsyD, professor, the dean of the Faculty of psychology, head of chair «Psychological diagnostics and Counselling» of South Ural State University: nikbat@list.ru.

Юсупова Юлия Леонидовна. Аспирант кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: hopeup@gmail.com.

Julia L. Yusupova. Postgraduate student of the Chair Psychological diagnostics and Counseling of South Ural State University: hopeup@gmail.com.

КОНЦЕПЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В.Н. МЯСИЦЕВА И ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

М.А. Берebin

В статье рассмотрены научно-методические основания для разработки новых теоретических подходов исследований в клинической (медицинской) психологии с использованием отечественных общепсихологических концепций (на примере разработки теории психической адаптации на основе концепции отношений личности В.Н. Мясищева). Изложено обоснованное высказыванием В.Н. Мясищева представление о некоторых основополагающих феноменах теории психической адаптации в медицинской психологии.

Ключевые слова: концепция отношений личности В.Н. Мясищева, теория психической адаптации, медицинская психология.

Вместо предисловия

Развитие теории современной клинической (медицинской) психологии связано необходимостью адекватного использования научных концепций, отличающихся разным уровнем обобщения изучаемых явлений – от микро- до макроуровня (Иовлев и соавт., 1999, с. 3). Современные научные психологические исследования в медицине характеризуются либо отказом от применения какой-либо классической теории в пользу только эмпирической феноменологии, либо применением отдельных парциальных теорий микроуровня, ориентированных частные аспекты изучения достаточно ограниченного круга психологических феноменов. В то же время развитие клинической (медицинской) психологии должно идти путем описания и объяснения изучаемых явлений и психики в целом с позиций общепсихологической теории с хорошо разработанными концептуальными основами.

Отметим, что все вышеизложенные обстоятельства в полной мере относятся и к проблеме разработки современной психологически обоснованной теории психической адаптации личности, поскольку Государственным образовательным стандартом по специальности «Клиническая психология» определено, что объектом клинической психологии определен «человек с трудностями адаптации и самореализации, связанными с его физическим, социальным и духовным состоянием», а вся деятельность клинического психолога должна быть направлена «на повышение психических ресурсов и адаптационных возможностей человека...».

В опубликованных в последние десятилетия результатах научных исследований в этой области достаточно подробно описывается этипатогенетические факторы нарушения психической адаптации человека и обширная (в основном психопатологическая) феноменология проявлений психической дезадаптации. Однако, за редчайшим исключением, все эти исследования не опираются какую-либо основополагающую общепсихологическую концепцию личности. Представляется, что не утратило актуальности замечание В.Н. Мясищева о недостаточной связи клиники и научной психологии: «в медицине, в том числе и в психоневрологии... клиническая патология почти не связана с научной теорией личности» (Мясищев, 1995, с. 55). В связи с этим возникает необходимость дальнейшего развития психологической науки и практики, в том числе и дальнейшего развития теоретических положений учения о личности как системе отношений. Об этом говорил и сам В.Н. Мясищев: «...одной из важных проблем психологии вообще, и психологии отношений, в частности, является дальнейшая разработка системы понятий и вопросов структуры в области психических образований, в частности, в области отношений» (Основные проблемы..., 1960, с. 20).

Рассматривая проблему соотносительности теории и практики в контексте учения о психических особенностях и о характере, В.Н. Мясищев отмечал опасность любой диспропорции между практической значимостью и недостаточной зрелостью соответствующего раздела психологии, вел речь о

«практической необходимости дальнейшей разработки» соответствующего раздела науки. В то же время развитие теории может происходить только при наличии определенных условий: «... трудность заключается в том, что между остротой практической необходимости и теоретическими возможностями научного ответа на них существует огромный разрыв. Решение проблемы возникает тогда, когда созревают для этого соответствующие предпосылки» (Мясищев, 1995, с. 226).

Представляется, что современный этап развития отечественной психологии и клинико-психологической науки, в частности, а так же глобальные социально-экономические перемены последних десятилетий является примером предпосылок для разработки такой теории психической (психологической, социально-психологической) адаптации человека.

Современное прочтение и анализ основных положений разработанной В.Н. Мясищевым концепции отношений человека позволил Л.И. Вассерману, Б.В. Иовлеву и Э.Б. Карповой выдвинуть убедительные, с нашей точки зрения, аргументы в пользу выбора этой концепции в качестве общепсихологической теоретической основы научных исследований в медицинской психологии (Вассерман и соавт., 2004, с. 3–8).

Представляется, что основные точки зрения и выводы авторов вполне могут быть применены и при решении проблемы адекватного научного исследования психической адаптации личности с позиций теорий общей и медицинской психологии.

Теория отношений человека, как и всякое общепсихологическое построение высокого уровня обобщенности, обладает большим адаптационным потенциалом. Внимательное современное прочтение концепции В.Н. Мясищева предполагает возможность более глубокого раскрытия ее сущности посредством систематизации и концентрации ее основных положений в контексте изучаемой проблемы. Такая форма научного исследования неминуемо приводит к обильному использованию собственных высказываний В.Н. Мясищева. В связи с этим целесообразно привести следующую точку зрения К.К. Платонова: «Граница между полезными для читателя приводимыми автором чужими высказываниями и всегда вредным цитатничеством определяется не числом этих высказываний, а способом их использования в из-

лагаемом автором контексте» (Платонов, 1977, с. 9).

Поэтому Л.И. Вассерман с соавт. (2004) считают, что при современном прочтении материалов первоисточников с целью «внимательного, ориентированного на творческое развитие отношения [к ним – М. Б.]» любое «изложение общих основ концепции отношений...целесообразно проводить с максимально возможным использованием авторских текстов». С другой стороны, все смысловое богатство, заложенное в трудах В.Н. Мясищева, может быть раскрыто не только при «буквальном их прочтении», но и при дополнении «авторского текста интерпретациями, ...учитывающими весь исторический контекст генеза концепции личности». В то же время эти интерпретации не должны быть направлены на «модернизацию [этих концепций] в соответствии с новыми социальными требованиями». Безусловно, при материализации «развертывающегося и неограниченного во времени множества смысловых построений» от исследователя требуется весьма «бережная интерпретация» и щепетильное отношение к «первичному генетическому материалу» концепции, чтобы при неизбежной попытке происходящего при этом системного переизложения ее положений и интерпретации первоисточника не произошло подмены сущности этой теории. При этом нельзя не согласиться с мнением вышеназванных авторов о том, что любой «выбор фрагментов из текстов В.Н. Мясищева, их упорядоченное изложение и интерпретация, как и всякий выбор, упорядочивание и интерпретация, содержит эффект субъективной авторской проекции современного понимания проблем медицинской психологии» (Мясищев, 1995, с. 4–8).

Применение положений концепции отношений человека В.Н. Мясищева (с изложенными выше ограничениями) с целью разработки теории психической адаптации может осуществляться путем использования основных психологических понятий в качестве необходимых теоретических «первоэлементов», составляющих разные планы психологических феноменов, структурно и иерархически организованных специфическим образом в общей теории психической адаптации личности. Возможность (и необходимость) проведения соотношения общепсихологических категорий с основными понятиями теории отношений предусматривалась и самим В.Н. Мясищевым: «Рассмот-

ренные ... интегральные понятия [свойств личности и характера – М. Б.], таким образом, имеют существенное значение..., но они получают уточнение, и в этом уточнении существенное место занимают их различные связи с понятием отношений» (Мясищев, 1995, с. 350).

Основные психологические понятия в общей теории психической адаптации, рассматриваемой с позиций концепции отношений личности В.Н. Мясищева

Научный психологический анализ проблемы психической адаптации с позиций концепции отношений личности требуют рассмотрения феноменологии психической адаптации в системе выделенных В.Н. Мясищевым сущностных характеристик, классов и компонентов отношений («частичных отношений», сторон или видов отношения).

К числу сторон личности, которые по сути своей могут раскрыться только на протяжении длительного периода времени В.Н. Мясищев относит «степень и форму приспособляемости к новым условиям» (Мясищев, 1995, с. 258)

Центральным элементом системной модели (и в определенном смысле триггерным, запускающим процессы психической адаптации личности и определяющим возможность ее успешного или неуспешного протекания) является **особенности личностно-средового взаимодействия**. Понимание адаптации прежде всего как «приспособления» (этимологически связанное с ее латинском корнем *adaptatio*), приводит к некоторому усредненному варианту ее определения типа «совокупности реакций живой системы, поддерживающих ее функциональную устойчивость при изменении условий окружающей среды». Не рассматривая далее собственно терминологическую проблему, отметим, что рассмотрение (научный психологический анализ) проблемы психической адаптации должно основываться на очевидности факта динамического изменения среды и ее изменяющего влияния на субъекта, процесса взаимодействия субъекта и среды, а также собственно приспособления человека к изменяющимся условиям. При этом В.Н. Мясищев считал, что необходимо переводить психологические исследования «от учета действия изолированных раздражителей к изучению предметного воздействия и

роли ситуации в целом» (Мясищев, 1995, с. 98). Вместе с тем, остается верным основное положение научного психологического анализа: «Психическая жизнь человека представляет целое, в котором научный анализ выделяет отдельные стороны, аспекты рассмотрения» (Основные проблемы..., 1960, с. 17), вплоть до дробления на «бесконечное количество отношений личности к различным предметам действительности» каждое из которых при этом все же всегда остается личностным. (Мясищев, 1995, с. 48). Таким образом, любое аналитическое членение как прием научного поиска все же позволяет получить целостное знание о сугубо личностном при условии использования системных принципов организации исследования.

Именно такими представляются некоторые подходы к определению психологического содержания понятия «личностно-средовое взаимодействие» в контексте теории психической адаптации и системных принципов научного исследования.

Признание центрального места личностно-средового взаимодействия в проявлении психической адаптации исходит из определения В.Н. Мясищевым психологии как науки, в которой личность является центральным понятием (Основные проблемы..., 1960, с. 40). В контексте рассматриваемой проблемы представляется важным вывод Б.В. Иовлева и Э.Б. Карповой о том, что в работах В.Н. Мясищева понятие адаптации непосредственно не используется (Иовлев и соавт., 1999, с. 29), хотя он и упоминает, что «изучение человека и его психики во взаимоотношениях с окружающей действительностью является одним из основных принципов изучения всех живых существ» (Мясищев, 1995, с. 160). Кроме того, Владимир Николаевич приводит мнение, что еще В.М. Бехтерев в своих трудах рассматривал соотношения организма со средой и предлагал свой термин – «соотносительная деятельность».

Однако, по нашему мнению, целый ряд положений концепции отношений так или иначе связывается им с проблемой адаптации. В частности, определяя личность как «субъект отношений, также, как и субъект внешней деятельности» (Мясищев, 1995, с. 347), В.Н. Мясищев выделяет в ней способность «не только приспособляться к окружающей его действительности, но и переделывать ее соответственно своим целям и потребностям» (Мясищев, 1995, с. 173). При

этом окружающая действительность «предъявляет ряд требований к человеку и предоставляет ему определенные возможности, ... жизнь создает меняющиеся условия..., которые сталкиваются с имеющимися у человека потребностями и его внутренними возможностями и побуждают его к освоению нового и переделке самого себя, в результате чего у него возникают новые потребности и новые внутренние возможности». Сама же действительность «...также изменяется» в силу того, что «...инстинктивное приспособление к природе и социальной среде становится ... сознательным и планомерным, включающим не только приспособление к действительности, но и преобразование ее». (Мясищев, 1995, с. 53). Такой важный аспект теоретического осмысления проблемы адаптации связан с пониманием диалектической взаимосвязанности процессов адаптации: столкновение «потребностей и возможностей» субъекта с исходными, но «меняющимися» условиями приводит в итоге к новому (динамическому) равновесию в системе «окружающий мир – субъект», создающемуся вследствие преобразования среды и личности, формирования новых психологических реальностей субъекта (прежде всего – системы ее отношений): «Личность, изменяясь, развивается, меняется и характер ее отношения к действительности» (Мясищев, 1995, с. 53). Напомним, что в понимании В.Н. Мясищева личность как высшее интегральное понятие характеризуется, прежде всего, как система («ансамбль») отношений человека к окружающей действительности (Мясищев, 1995, с. 48). Поэтому при изучении проблемы адаптации личности следует исходить из того, что любое очередное изменение среды приводит к изменению личности и, прежде всего, ее системы отношений. При этом отношения субъекта занимают центральное место в структуре личностно-средового взаимодействия и определяют характер интегрированной психической деятельности субъекта: «Отношения человека представляют сознательную, избирательную, основанную на опыте, психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности (выделено нами – М. Б.), выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях» (Мясищев, 1995, с. 48).

При психологическом анализе личности в контексте отражения ее психологических связей и взаимоотношений с окружающей

действительностью понятие взаимодействия (и личностно-средового взаимодействия, в частности) В.Н. Мясищевым прямо связывается с категорией отношения. Возникает вопрос лишь в характере такой связи: «является ли взаимодействие лишь процессуальным выражением отношения как потенциального, или, наоборот, отношение является потенциальным эквивалентом процессов взаимодействия?» (Мясищев, 1995, с. 164). Не вдаваясь в конкретизацию характера этой связи, отметим, что феномен личностно-средового взаимодействия можно небезосновательно рассматривать как своеобразную мета-модель Отношения (единой связи Субъекта с Объектом-Миром). При этом различные аспекты «единого предметного отношения» (в понимании В.Н. Мясищева) определяются «многосторонней возможной реакцией человека и многосторонностью объектов», что фактически отражает многомерный характер психической адаптации (Мясищев, 1995, с. 18). Этот многомерный характер определяется не только детерминационной множественностью средовых воздействий (в т.ч. и негативных, травмирующих), но и личностно-опосредованной специфичностью реакции человека на эти воздействия: «Известно, что психические травмы ... не всегда влекут за собой невроз. Это зависит от особенностей отношений личности и способов переработки ею событий, впечатлений и трудностей» (Мясищев, 1995, с. 63). Поэтому при разработке теории психической адаптации требуется многомерный системный научный анализ факторов и условий, формирующих дезадаптирующие средовые воздействия, а так же особенностей личности и всей системы ее отношений (детерминистская система вида «много-многозначные связи»).

Однако в целях научного анализа проблемы требуется не только «вычленение основных составляющих компонентов» целого с последующей дефектностью в «знании закономерностей соотношения вычлененных компонентов в системе целого», но и решение вопроса «об их относительной роли, их связях друг с другом, а также о том единстве, которое, скрываясь за многообразием, предостерегает нас от взглядов на личность, как мозаику отдельных свойств» (Мясищев, 1995, с. 206).

Таким образом, в научном исследовании требуется сведения всего многообразия отношений личности с окружающей действительностью к определенным системно

взаимосвязанным группам. В этом плане методологически важным представляется следующий вывод В.Н. Мясищева «Отношения связывают человека со всеми сторонами действительности, но при всем их многообразии можно установить три ее основные категории: 1) явления природы или мир вещей, 2) люди и общественные явления, 3) сам субъект-личность» (Мясищев, 1995, с. 208). Этот вывод позволяет рассматривать личностно-средовое взаимодействие, во-первых, как **отношения личности со средой** (в буквальном понимании этого термина, или отношения уровня Я – Среда), во-вторых, как **межличностные отношения** (отношения уровня Я – Другой), и, в-третьих, как **внутриличностные** (отношения уровня Я – «иное» Я). Эти три уровня отношений могут определять и соответствующие планы психологического исследования проблемы адаптации личности (адаптация к требованиям среды, адаптация межличностного характера, адаптация на интрапсихическом уровне).

Рассматривая социальное и трудовое поведение, закрепившееся при педагогически правильно сформировавшихся отношениях, В.Н. Мясищев отмечает, что вся сложнейшая картина сочетаний и борьбы созревающих витальных, укрепляющихся и распадающихся конкретно-личностных отношений регулируется в норме моральными и юридическими требованиями (т.е. фактически – социальными требованиями среды, – М. Б.). Такого рода требования определяются как «система обязательных, общественно регулируемых и контролируемых требований» и являются фактически «идейными регуляторами поведения». Такой аспект представления о характере требований среды предполагает рассматривать этот уровень адаптации личности как **социально-психологическую адаптацию**. При этом проблема особенностей личности, ее поведения в своем коллективе и взаимодействия с членами другого коллектива, влияние коллектива на формирование особенностей личности отнесено В.Н. Мясищевым к сфере компетенции индивидуальной психологии (или персонологии), а не социальной психологии.

Особое внимание при анализе особенностей личности наибольшее значение для человека, по мнению В.Н. Мясищева, приобретают прежде всего межличностные отношения «самое главное и определяющее

личность – ее отношения к людям, являющиеся одновременно и взаимоотношениями» (Мясищев, 1995, с. 48), и внутриличностные отношения, а так же их взаимосвязанность: «отношение человека к себе самому связано с его отношениями к другим людям и их отношением к нему. Поэтому для типологии характеров первостепенное значение имеют особенности взаимоотношения с людьми» (Мясищев, 1995, с. 208).

В отношении понимания этиопатогенетических механизмов психической адаптации в норме и при ее нарушениях представляется важным характер оценки особенностей личностно-средового взаимодействия. Очевидно, что стабильность, неизменность характеристик такого взаимодействия свидетельствует об определенном балансе в системах «Я – Среда (Другой, «иное» Я)», фактически – об адаптации субъекта к стабилизированным требованиям Среды (положение, которое в физиологии определяется как «гомеостатическое равновесие»). В случае изменений среды и адекватного им изменения системы личностно-средового взаимодействия дисбалансированные системные связи либо вновь приводят к состоянию гомеостатического равновесия за счет действия адаптационных механизмов соответствующего типа, либо формируется новый вариант сбалансированной системы «Личность – Среда», в том числе и за счет действия приспособительных механизмов. Но и в том, и в другом случае достижение адаптации становится возможным лишь в том случае, если противоречия между требованиями среды и ресурсами личности представляются принципиально (т.е. объективно и/или субъективно) разрешимыми. При таком варианте исхода нарушенного личностно-средового взаимодействия возникает лишь вопрос его «цены» – какими ресурсными затратами обеспечивается такое приспособление. При этом очевидно, что взаимоотношения в системе «личность – среда» имеют характер динамического взаимодействия. Наиболее показательной характеристикой такого варианта нарушенного личностно-средового взаимодействия является рассогласование интересов личности и среды, ибо только при разнонаправленности (дискордантности) требований среды и потенциала личности (как частный вариант – столкновение целей, действий, потребностей и т.п.) формируется фактически конфликтный вариант развития реагирования субъекта (буквально, от лат. *conflictus* –

столкновение). Одним из факторов, регулирующих степень гармоничности – дисгармоничности в системе «личность – среда» является избирательность отношений, поскольку «объекты окружающей действительности имеют разную важность для человека» (Мясищев, 1995, с. 49). Именно поэтому отношения «...составляют единую... индивидуальную иерархическую историческую систему, внутренне связанную, хотя, может быть, и противоречивую» (Мясищев, 1995, с. 48), представленную вертикалью господствующих и подчиненных отношений, причем доминирующие отношения образуют первый план характеристики личности.

Очевидно и то, что при нарушении личностно-средового взаимодействия может наблюдаться весь спектр конфликтного реагирования – от дисгармоничности взаимоотношений личности и среды до антагонистичности их интересов. Следует предположить, что антагонистический вариант личностно-средового взаимодействия с большей вероятностью будет формироваться при наличии субъективно-значимого средового фактора, действие которого в значительной мере направлено против доминирующих отношений человека.

В теоретическом плане представляется важным, что выделение приведенных выше планов психологического исследования позволяет рассматривать употребляемую В.Н. Мясищевым дефиницию «внутриличностное противоречие» как один из вариантов конфликтного личностно-средового взаимодействия – «внутриличностный (интрапсихический) конфликт», (наряду с упоминаемыми выше конструкциями «личностно-средовой конфликт», «межличностный конфликт»). При таком прочтении очевидна и терминологическая близость этого употребляемого В.Н. Мясищевым понятия с принятыми в психоанализе категориями бессознательного и психодинамического конфликта, о чем уже отмечалось в некоторых исследованиях (Вассерман и соавт., 2004, с. 22).

Разумеется, разрешение противоречий, неизбежно возникающих при конфликтности отношений в системе «личность – среда», в итоге может (и должно) приводить к достижению приспособительного эффекта (и вновь – вопрос лишь «цены»). В случае объективно и/или субъективно неразрешаемого / неразрешенного личностно-средового конфликта в любом его варианте неизбежным является нарушение адаптации лично-

сти к изменившимся требованиям среды. Динамически протекающий процесс адаптации (в его успешном или неуспешном варианте) лежит в основе развития различных дезадаптивных состояний, рассматриваемых современной наукой в рамках различных в методологическом плане концепций (концепций «предболезни», «третьих состояний», «трихотомического континуума норма – пограничное состояние – болезнь (патос)» и др.). Углубление в теоретические представления о месте психической адаптации в общей системе существующих описаний патогенеза психических расстройств не является задачей этой работы, но, тем не менее, отметим, что одной из самых распространенных точек зрения отечественных исследователей проблемы психической адаптации является понимание причинно-следственных связей между патогенным воздействием факторов и условий среды, нарушением адаптации человека и формирующимися вследствие этого нарушениями здоровья (приводящее к развитию «болезней адаптации» по Н. Selye).

В.Н. Мясищев достаточно четко определил роль и место нарушенного личностно-средового взаимодействия в этиопатогенезе неврозов: «...неврозы выступают как выражение противоречия между тенденциями и возможностями личности, требованиями человека, его внешними и внутренними возможностями [с одной стороны – уточнено нами (М. Б.)] и требованиями жизни, с которыми встречается человек [с другой стороны]» (Мясищев, 1995, с. 200). Именно не находящие своего разрешения противоречия между личностью и требованиями среды во всех вариантах их проявлений причиной невроза: «Источником невроза и физиологически, и психологически являются **трудности или нарушения во взаимоотношениях человека с людьми, социальной действительностью** и задачами, которые перед ним ставятся этой действительностью [выделено нами – М. Б.]» (Мясищев, 1995, с. 199). Более того, в патогенезе тяжелых реактивных расстройств психотического регистра также велика роль «невыносимо трудных для заболевшего условий и коллизий его жизни, часто зависящих в значительной степени от неадекватного отношения к ним заболевшего» (Мясищев, 1995, с. 98).

Представляет исследовательский интерес определение основных направлений, по которым развиваются патогенетические механизмы психической адаптации в норме и

при ее нарушениях. Одним из отправных положений в этом плане может являться мнение В.Н. Мясищева о том, что сила и прочность (отношений – М. Б.) определяются психосоциальной значимостью объекта и эмоциональным характером отношений человека к нему (Мясищев, 1995). Это позволяет рассматривать важнейшую роль эмоций в структуре психологических механизмов психической адаптации.

Так, характеризуя избирательность отношений личности, В.Н. Мясищев указывает, что их селективность проявляется «прежде всего в эмоционально-оценочном (положительном или отрицательном) смысле» (Мясищев, 1995, с. 48). В целом такая точка зрения опирается на сложившееся в психологии понимание эмоций как непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного оценочным отношением их объективных свойств к условиям, целям деятельности и потребностям субъекта в целом. При этом, по мнению И. Изарда (Изард, 1980, с. 52–71) непосредственными причинами активации эмоций являются, во-первых, взаимоотношения субъекта с окружающей средой, и, во-вторых, индивидуальные, (преимущественно интрапсихические) процессы. Не вдаваясь в анализ особенностей и различий в многочисленных теориях эмоций, отметим лишь, что в большинстве из них в той или иной форме также идет речь об оценочной характеристике эмоций. Наиболее разработанная в этом плане теория R. Lazarus рассматривает эмоцию как комплексный ответ, являющийся результатом психической по своей природе оценки определенной стимульной ситуации, проявляющейся посредством когнитивного, экспрессивного и инструментального вариантов эмоционального ответа (Изард, 1980, с. 42).

Понимание места эмоций в общей системе психологических механизмов психической адаптации, рассматриваемой с позиций теории отношений, основывается на нескольких обстоятельствах. Во-первых, В.Н. Мясищев определил эмоцию как обязательный компонент отношения, обозначив достаточно жестко безусловность присутствия эмоции в структуре отношений: «без эмоции нет отношения или, лучше сказать, существует то, что называется безразличием и равнодушием, индифферентностью». Во-вторых, позитивный или негативный характер активности, свойственной отношениям,

тесно связан (фактически – определяется) характером эмоциональности реакций субъекта. Поэтому в теории отношений предлагается характеристики эмоциональности рассматривать в трех планах: а) как эмоциональные реакции, б) как эмоциональные состояния и в) как эмоциональные отношения¹ (Основные проблемы..., 1960, с. 24). В третьих, В.Н. Мясищев, прямо указывает на влияние нарушенных отношений и **связанных с ними переживаний** [выделено нами – М.Б.] на возникновение и течение болезненных процессов, причем не только неврозов, но и заболеваний вообще (Мясищев, 1995, с. 34).

Дальнейший анализ психологических механизмов психической адаптации предполагает определение конкретности роли эмоций в генезе ее нарушений. Отправной точкой в этом плане является признание В.Н. Мясищевым эмоционального и эмоциогенного характера формирования всех неврозов, дополненное ссылками на позицию В.М. Бехтерева, считавшего эмоции мимикосоматическими рефлексам, и исследования И.П. Павлова, П.К. Анохина о доминирующей роли эмоций в патогенезе и динамике неврозов. (Мясищев, 1995, с. 102). Важным представляется мнение В.Н. Мясищева о том, что эмоционально возбуждающее влияние воздействия и ситуации имеет стрессовую природу (Мясищев, 1995, с. 89).

Поэтому нам представляется, что изучение эмоциогенного направления формирования нарушений психической адаптации связано с применением теорий стресса в качестве одного из теоретических оснований исследования. При этом достаточно часто происходит отождествление понятий теории стресса и психического напряжения либо совпадение объемов понятий «психическая напряженность» и «психологический стресс» (Куликов, 2000). Кроме того, осложняет ситуацию и то, что зачастую понятия «психический стресс» и «эмоциональный стресс» рассматриваются либо как синонимы, либо как рядоположенные феномены. Не углубляясь далее в теорию и методологию проблемы психических состояний и их связи со стрессом как формой интегрального ответа организма в целях адаптации, все же отметим,

¹ В связи с вышеприведенными мнениями о связи функции оценки и эмоций отметим, что в статьях В.Н. Мясищева достаточно часто встречается термин «эмоционально-оценочные отношения».

что в наиболее общем смысле психическое состояние рассматривается как регулятивная функция адаптации к окружающей ситуации и среде. Высказанное В.Н. Мясищевым (Основные проблемы..., 1960, с. 17) понимание состояния как общего функционального уровня, на котором развиваются психические процессы («определенные последовательности изменений психической деятельности при том или ином виде взаимодействия человека с миром») позволяет сделать обоснованный вывод о том, что эмоциональные состояния являются тем функциональным фоном (определенным «функциональным уровнем», «почвой»), на котором происходят все процессы личностно-средового взаимодействия. Такое понимание соотносительности психических процессов (в данном рассматриваемом контексте – психической деятельности) и эмоциональных состояний позволяет объяснить психологическую природу появления эмоциональной окраски реакций и поведения личности в процессе психической адаптации.

Вместо заключения. Формат научной статьи не позволяет рассмотреть все возможные отражения феноменов психической адаптации в свете теоретических положений концепции отношений личности В.Н. Мясищева. Настоящая публикация преследует цель прежде всего отразить современное видение потенциала одной из отечественных общепсихологических концепций личности в качестве базового основания для разработки новых теоретических исследований в медицинской психологии. При этом ссылки на основные положения концепции В.Н. Мясищева являются, на взгляд, примером систематизации и концентрации ее основных положений в контексте исследования пробле-

мы психической адаптации («способом их [цитат] использования в излагаемом автором контексте» по К.К. Платонову). Вместе с тем сформулированный автором статьи подход может составлять основу для возможной дискуссии.

Литература

1. Мясищев и медицинская психология (к 110-летию со дня рождения и 30-летию со дня смерти) / Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Б.Д. Карвасарский, Э.Б. Карпова // *Обзорные психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева.* – 2004. – Т. 1. – № 1.
2. Изард, И. *Эмоции человека* / И. Изард. – М., 1980. – 230 с.
3. Иовлев, Б.В. *Психология отношений. Концепция В.Н. Мясищева и медицинская психология.* / Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова. – СПб.: Сенсор, 1999. – 76 с.
4. Куликов, Л.В. *Проблема описания психических состояний* / Л.В. Куликов // *Психические состояния / сост. и общая редакция Л.В. Куликова.* – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 512 с.
5. Мясищев, В.Н. *Психология отношений* / В.Н. Мясищев / под ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
6. *Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека / Психологическая наука в СССР.* – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – Т. 2.
7. Платонов, К.К. *Методологические проблемы медицинской психологии* / К.К. Платонов. – М.: Медицина, 1977. – 95 с.

Поступила в редакцию 02.12.2008.

Беребин Михаил Алексеевич. Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: m_berebin@mail.ru.

Michael A. Berebin. Candidate of Medical Science, docent, head of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: m_berebin@mail.ru.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ МАТЕРЕЙ К ДЕТЯМ-НАРКОМАНАМ

В.В. Бочаров, А.М. Шишкова

Проводилось исследование особенностей отношения матерей к детям, страдающим героиновой наркоманией. Выявлена значительная деформация системы отношений таких матерей. Повышенная эмоциональность, противоречивость и фиксация на негативных характеристиках наркомана определяют кризисность переживаний матери в сложившейся ситуации, а также препятствуют восстановлению нарушенных взаимоотношений с больным наркоманией.

Ключевые слова: наркозависимость, семья, отношение матери к ребенку, кризис, психологическая коррекция.

Введение

Разработка эффективной системы терапевтических мероприятий для больных наркоманией является важной клинической задачей. Актуальность ее решения возрастает в связи с значительной численностью наркозависимых как в Российской Федерации, так и за ее пределами. Злоупотребление наркотическими веществами хотя бы одного из членов семьи может иметь серьезные последствия для всех ее членов.

В настоящее время общепризнан факт влияние родственников больного наркоманией на мотивацию больного к лечению и на стабилизацию ремиссий. В этом ряду особое внимание привлекают внутрисемейные отношения родственников больных, страдающих героиновой наркоманией. В значительной степени это объясняется молодым возрастом больных, существенной «злокачественностью» протекания этой формы наркомании, проблематичностью формирования стойкой ремиссии и незначительной продолжительностью жизни наркоманов после их перехода на прием героина. Такого рода терминальный характер исхода заболевания существенно влияет на формирование отношения родителей к своим детям, страдающим наркоманией. При этом наиболее чувствительными к этой ситуации родителями, по вполне очевидным причинам, являются матери таких больных. Следует учитывать, что фактор особенностей заболевания является более специфическим, нежели фактор относительно молодого возраста больных. При этом особенности родительско-детских (особенно материнско-детских) отношений традиционно рассматривается как один из

наиболее существенных факторов, влияющих на возможность формирования ремиссии у таких больных. В тоже время очевидно и влияние факта заболевания ребенка на состояние здоровья и психического функционирования матери. Поэтому разработка комплексной системы мероприятий, направленных на оказание психологической помощи матерям наркоманов с героиновой зависимостью является важной и для профилактики нервно-психических заболеваний у самих матерей, и для повышения эффективности лечения их наркозависимых детей.

Отношение матери к наркозависимому является тем фактором, который во многом определяют уровень кризисности ее переживаний в сложившейся жизненной ситуации. В этой связи, целью данного исследования являлось изучение особенностей отношения матери к собственному взрослому наркозависимому ребенку.

Организация и методы исследования

Для решения поставленной задачи использовались клинико-психологические (наблюдение, беседа) и экспериментально-психологические методы («Тест-опросник родительского отношения» А.Я. Варга, В.В. Столина»). Материалом исследования явились особенности психологического статуса и детско-родительских отношений в 70 диадах «мать – ребенок с героиновой наркоманией». Возраст матерей колебался от 47 до 62 лет (средний возраст – $54,39 \pm 3,4$ года). Среди обследованных 52 матери (74,3%) имели высшее и 18 (25,7%) – среднее специальное образование. На момент обследования 45 женщин (64,3%) состояли в браке, в том

числе 38 (54,3%) проживали с биологическим отцом наркозависимого ребенка, а 7 (10%) – с отчимом. У 23 матерей (32,9% выборки) ребенок-наркоман был единственным. У 8 матерей (11,2% случаев) наркоманами являлись оба ребенка, 4 матери (5,6%) имели по 3 и более ребенка, из которых как минимум 1 страдал наркотической зависимостью. Постоянную занятость имели 62 обследованных женщины (88% выборки), домашним хозяйством занимались 12% матерей наркоманов с героиновой зависимостью.

Жалобы на ухудшение соматического состояния предъявляли 52% обследованных, 98,6% матерей жаловались на конфликтные взаимоотношения с взрослым наркотизирующимся ребенком. Никто из обследованных матерей пациентов с героиновой зависимостью не состоял на учете в психоневрологическом диспансере, лишь в единичных случаях имела место инициатива матери по обращению к психотерапевту в связи с нарушениями сна, повышенной тревожностью.

Все больные наркоманией находились на этапе реабилитации в городской наркологической больнице г. Санкт-Петербурга или отделении аддиктивной патологии Научно-исследовательского Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева с диагнозом «Психические и поведенческие расстройства в результате употребления опиоидов» (F11). Верификация диагноза осуществлялась экспертами – врачами-психиатрами-наркологами в соответствии с критериями раздела F1 Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). Возраст наркозависимых колебался в диапазоне от 18 до 33 лет (средний возраст $24,76 \pm 3,02$ года), стаж наркотизации составлял от 1 года до 11 лет (в среднем $6,31 \pm 2,6$ года).

Результаты исследования

При клинико-психологическом обследовании матерей пациентов с героиновой наркоманией выявляется крайняя противоречивость их отношения к собственному наркозависимому ребенку. В высказываниях матерей «признания в вечной любви» к ребенку сочетаются с пожеланиями его смерти, описание своего уже взрослого ребенка как «талантливого», «доброго» и «отзывчивого» зачастую соседствуют с такими определениями, как: «жестокий», «эгоистичный», «никчемный» и тому подобные. Злость, обида и разочарование по отношению к наркозависимому ребенку переплетались у матерей с

чувством вины, страхом за его будущее, стремлением спасти больного и верой в «чудесное исцеление».

Во время групповых психотерапевтических занятий матери очень эмоционально обменивались рассказами о событиях в жизни их наркозависимых детей, прямо или опосредованно связанных с наркотической тематикой («ломки», «передозировки», те или иные атрибуты противоправного поведения их детей). Аффективность, сопровождавшая эти рассказы, свидетельствовала о том, что именно такие события во многом определяли содержание психической жизни матерей.

Экспериментально-психологическое исследование отношения к ребенку у матерей этих больных с героиновой зависимостью проводилось с помощью адаптированного варианта «Теста-опросника родительского отношения» А.Я. Варга, В.В. Столина. Контрольной группой в исследовании являлась группа матерей социально-адаптированных лиц, не страдающих наркоманией.

Полученные результаты позволили выявить достоверные различия на высоком уровне значимости ($p < 0,001$) между показателями 4 из 6 шкал опросника, полученными в основной группе и группе нормативного контроля.

Матери наркозависимых имеют более высокие среднегрупповые показатели по шкалам: «Отвержение», «Авторитарная гиперсоциализация» и так называемый «Маленький неудачник». Среднегрупповые показатели по шкале «Принятие» в этой группе были достоверно ниже, чем в контрольной. Наиболее существенные различия отмечаются по шкалам: «Отвержение» и «Маленький неудачник» – показатели у матерей из основной группы по сравнению с контролем различаются соответственно в 20 и в 3 раза.

Снижение тестовых баллов по шкале «Принятие» при одновременном повышении по шкале «Отвержение» свидетельствует о том, что мать больного наркоманией не испытывает уважения к индивидуальности ребенка и не способна принять его таким, какой он есть, воспринимает своего ребенка плохим, неприспособленным, неудачливым, часто чувствует по отношению к нему злость, досаду, раздражение и обиду. Более высокие оценки по шкале «Авторитарная гиперсоциализация» у матерей наркоманов отражают попытки матерей оградить своих взрослых наркозависимых детей от трудностей жизни, строго контролируя их дейст-

вия, навязывая во всем свою волю. Показатели по шкале «Маленький неудачник» у матерей наркозависимых, говорят о том, что наркоман воспринимается своей матерью как маленький, слабый, инфантильный, открытый для дурных влияний. При этом ему приписывается личная и социальная несостоятельность, отсутствует доверие к нему, отмечается досада по поводу его неуспешности и неумелости.

Заключение

Результаты клинико- и экспериментально-психологического обследования матерей наркоманов с героиновой зависимостью свидетельствуют, что у таких матерей отмечается повышенная эмоциональность, противоречивость (вплоть до полярности) их отношения к больному наркоманией ребенку, исключительная фиксация на его недостатках и негативных характеристиках, низкая способность отделять себя и свои переживания от жизни и переживаний своего

уже взрослого ребенка. В системе отношений матерей наркоманов к своим детям явно прослеживается влияние нереализованности собственных жизненных планов и целей, разочарование несостоятельностью их детей и неспособностью выполнить возложенные на них родительские ожидания.

Эти характеристики отношений во многом определяют конфликтный и даже кризисный характер душевных переживаний матерей наркозависимых и, вероятно, способствуют дальнейшему развитию патогенных отношений, препятствующих стабилизации ремиссии у больных наркоманией.

Аффективная заряженность, полярность и противоречивость отношений, фиксация на негативных характеристиках и фактическая неспособность матерей предоставить ребенку возможность автономного существования определяют содержание психокоррекционной работы с ними.

Поступила в редакцию 15.09.2008.

Бочаров Виктор Викторович. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории клинической психологии и психодиагностики НИПНИ им. В.М. Бехтерева: 8(812)5677200.

Victor V. Bocharov. Candidate of Psychological sciences, senior scientific employee in laboratory of Clinical psychology and psychodiagnostics Bekhterev Research Psychoneurological Institute: 8(812)5677200.

Шिशкова Александра Михайловна. Аспирант факультета психологии СПбГУ: shishaspb@mail.ru.

Alexandra M. Shishkova. Post-graduate of of Faculty of Psychology of The St.-Petersburg State University: shishaspb@mail.ru.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕСТЫ В УКРАИНЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Л.Ф. Бурлачук

В статье рассматривается ситуация, которая сложилась в Украине в психологическом тестировании. Его современное состояние объясняется, исходя из анализа развития психодиагностики в прошлом. Для психодиагностики всегда была характерна опора на нелегальное распространение зарубежных плохо адаптированных для Украины и России тестов, а также на использование собственных в основном квазитестов, которые не прошли все этапы проверки на валидность, надежность, создания норм на репрезентативных выборках. Выход из сложившейся ситуации предлагается искать в создании тестовой инфраструктуры, создании системы последипломного обучения, а также сертификации пользователей самих тестов и услуг в области психодиагностики.

Ключевые слова: тестирование, история психодиагностики, контрафактные методики, квазитесты, обучение тестологов, тестотеки, сертификация.

Для того, чтобы лучше понять ситуацию, сложившуюся с психологическим тестированием в нынешней Украине, нужно, хотя бы ненадолго, заглянуть в историю становления и развития психодиагностики. Как известно, научная психодиагностика берет свое начало от трудов Френсиса Гальтона и Джеймса Кэттелла, поставивших задачу измерения ума человека. Происходит это в конце 19-го столетия. Первые попытки измерения ума, несмотря на широкую известность и популярность гальтоновско-кэттелловских тестов, оказались несостоятельными. Простые сенсомоторные тесты, разработанные основоположниками психодиагностики, мало что могли сказать об уме. Однако эти тесты явились стимулом для создания тех, которые базировались на новых теоретических представлениях, рассматривающих ум человека в неразрывной связи с высшими психическими функциями. Увидевшую свет в 1905 г. шкалу Альфреда Бине можно считать прообразом современных тестов для определения уровня интеллектуального развития. Начавшись с измерения ума, психодиагностика вскоре обращается и к оценке разнообразных личностных особенностей.

В дореволюционной России все существовавшие в то время тесты были хорошо известны, также разрабатывались и оригинальные отечественные, порой во многом превосходящие зарубежные. В качестве примера можно назвать знаменитые «Психологические профили», созданные Г. Рос-

солимо (1909). В советский период, особенно в 20–30 годы прошлого века, тестирование в образовании (педология), профессиональном отборе, консультировании, рационализации труда (психотехника) было очень широко распространено. Переводились зарубежные методики, создавались новые тесты, появилось множество тестологических изданий. Психотехнические лаборатории на производстве и кабинеты педологии в школах проводили активную работу, основанную, прежде всего, на применении психологических тестов. После принятия ЦК ВКП (б) печально известного постановления «О педологических извращениях в системах наркомпросов» (1936), в котором была подвергнута резкой критике практика тестирования, основанная на якобы ненаучных, буржуазных идеях, педология и психотехника перестали существовать как научные направления, многочисленные научные учреждения и лаборатории были ликвидированы. О тестах надолго забывают, самое упоминание термина «психологический тест» возможно только в критике «маразмирующей буржуазной психологии». Вновь о тестах заговорили только в конце 60-х – начале 70-х годов. Было официально признано, что необходимо развивать советскую психодиагностику, базирующуюся на марксистских позициях и призванную обслуживать интересы социалистического общества. В 70-е годы проходят первые конференции, посвященные инструментам измерения индивиду-

альных различий, в дискуссиях высказываются как противники, так и сторонники тестов. При этом тогдашняя советская академическая психология продолжает крайне сдержанно относиться к тестам. Ведущие психологи того времени высказывают либо негативное отношение к ним, либо публикуют обтекаемые статьи, из которых можно понять только то, что тесты имеют как слабые так и сильные стороны, а самое главное - придерживаться позиций марксистской психологии. Несмотря на формируемое академической психологией нейтрально-негативное отношение к тестам, их начинают использовать в практике психологической оценки. В первую очередь тесты проникают в клинику, и применяются для решения задач индивидуальной диагностики при психических заболеваниях. Впоследствии начинается все более широкое применение зарубежных тестов, делаются робкие попытки разработки отечественных методик. Однако, несколько десятилетий длившийся отказ от тестов как инструментов психологического исследования, не прошел даром. В 80-е годы лишь незначительная часть советских психологов понимает, что означают, применительно к тестам, термины валидность и надежность, единицы знают о том, как их можно определить. Публикуются самодеятельные тесты, которые могли вызвать в лучшем случае только грустную улыбку у специалистов. Многочисленные зарубежные тесты наскоро переводятся с языка оригинала, публикуются в широкой печати (!) даже без намека на соблюдение авторских прав и предлагаются для использования в решении разнообразных диагностических задач в клинике, профотборе, обучении и т.д. Даже многим психологам тех лет, не говоря уже о непрофессионалах, которых всегда было много в психологии, казалось, что нет ничего проще, чем разработка нового опросника, например, для измерения агрессивности.

В конце 80-х ситуация меняется в лучшую сторону. Наряду с продолжающимися изданиями того, что можно назвать квазитетами, появляются, пусть немногочисленные, монографии и учебные пособия, в которых раскрываются история психодиагностики, особенности разработки тестов, описываются предъявляемые к ним психометрические требования.

Распад СССР в начале 90-х годов и последующие затем без малого 17 лет почти не меняют ситуацию в развитии психодиагно-

стики, по крайней мере, в Украине и России. Психодиагностика продолжает подпитываться нелегально используемыми зарубежными методиками, оставляющими без ответа вопросы об их соответствии психометрическим требованиям. Пользователям тестов предлагаются известные зарубежные методики, якобы прошедшие полную адаптацию на отечественных выборках. Покупай и работай! В действительности же пользователи получали (и получают до сих пор) не полноценный продукт, научно обоснованный и проверенный тест, а суррогат, только в красивой упаковке. Издатели таких тестов, не имели и не имеют прав на их тиражирование и продажу, а тем самым ущемляются не только интересы авторов, но и отсутствует авторский надзор, что приводит к многочисленным ошибкам и погрешностям. К тому же многие тесты, издаваемые в России и в Украине, давно и безнадежно устарели, поскольку за рубежом разработаны их новые версии, в которых использованы современные достижения психологической науки. За примерами далеко ходить не надо. Хорошо известное психологам своими нелегальными публикациями зарубежных тестов питерское издательство ИМАТОН предлагает покупать шкалу Векслера для измерения уровня интеллекта взрослых в редакции 1955 г. Права на это издание ИМАТОН не имел и не имеет, это, конечно, очень плохо, но еще хуже то, что психологам предлагают давно устаревший тест, да еще и с ошибками, не говоря уже о сомнительных данных по его стандартизации. Напомним читателю, что сегодня имеется 4-я редакция этой шкалы, существенно отличающаяся от ранних версий.

Украина не отстает от России в распространении тестов, на которые не имеет авторских прав. Впрочем, речь идет чаще всего не о тестах, а просто-напросто о переводах зарубежных тестов. Читателю достаточно посмотреть в Интернете сайт информационно-тренингового центра «Развитие», предлагающего, почему-то бесплатно, многие зарубежные методики, об адаптации которых ничего неизвестно, а авторские права..., об этой мелочи просто забыли.

К чему приводит применение квазителей в работе психолога? Я уже неоднократно писал и говорил об этом. Скажу кратко еще раз, поскольку фактически ничего не меняется. Диссертации, курсовые и магистерские работы, в которых фигурируют данные, полученные с помощью непонятно

откуда взятых опросников Кэттелла, тестов Роршаха и Люшера, ММРІ и т.д., будем надеяться, никому вреда не принесут, хотя эти работы, несомненно, подрывают авторитет психологической науки, способствуют укоренению в широких слоях населения мнения о том, что наш инструментарий нечто среднее между гаданием на кофейной гуще и астрологией. Гораздо опаснее практическое применение квазитестов. Заключение, которое делает на основе использования этих «тестов» психолог, работающий в области профессионального отбора, в образовании или в клинике, могут нанести реальный ущерб личности, негативно повлиять на ее дальнейшую судьбу. Возможно, так и происходит, только, кто и когда отслеживал пагубное влияние такого рода оценок личности в условиях отсутствия какой-либо нормативно-правовой основы деятельности психолога-диагноста?

Наконец, формируется профессиональный нигилизм по отношению к методикам и тестам, ведь можно использовать, что угодно и никем это не контролируется, кроме совести исследователя. Развитию профессионального нигилизма в сфере психологического измерения среди психологов способствует и их подготовка в области психодиагностики, которую они получают на студенческой скамье. Обязательный для изучения будущими психологами курс психодиагностики, за исключением двух-трех университетов Украины, читается преподавателями, которые не работают в этой области, не имеют соответствующих публикаций, а, следовательно, и необходимой квалификации. О психологических тестах студенты получают сведения из того же Интернета (кстати, там предлагаются и пользующиеся спросом рефераты по разным проблемам психодиагностики) или по-прежнему многочисленных изданий, в которых повторяются одни те же устаревшие методики, с помощью которых можно измерить, скорее всего, *уровень психологической безграмотности* пользователя. Ни в одном высшем учебном заведении Украины, занимающемся подготовкой психологов, я не видел того, что есть в любом вузе Европы и США – *тестотеки*. Напомню, что речь идет о библиотеке тестов, эти библиотеки обычно насчитывают многие сотни методик, с которыми студенты могут познакомиться и поработать. Впрочем, из каких методик мы можем сегодня создать тестотеку? Из незаконно использу-

емых зарубежных или из не сертифицированных самодеятельных тестов? Дипломаты, в случае появления таких вопросов, обычно говорят: «Без комментариев».

Вероятно, у читателя возникает вполне закономерный вопрос о том, почему ситуация с психологическими тестами, которая, разумеется, не тайна для многих психологов, не меняется в лучшую сторону в течение столь долгого времени. Попробуем ответить и на этот вопрос. Первая и *основная причина* заключается в том, что многие десятилетия в советской психологии, преемниками которой, чтобы там не говорили, мы являемся, формировалось негативное отношение к тестам. Это отношение в известном смысле «наследуется» и психологами, которые живут, учатся и работают в другое время, в иных политических, научных и культурных условиях. Именно поэтому невозможно найти финансирования для столь «второстепенных» в психологической науке проблем, связанных с тестами. Адаптация зарубежного теста требует значительных интеллектуальных и финансовых затрат. Не говоря о том, что нужно платить праводержателю, подчеркнем, что работа по адаптации, стандартизации теста в новых условиях равна той работе, которую проделал его создатель, за вычетом собственно идеи или теории, положенной в основу методики. Сегодня потребность психологов в тестах удовлетворяется за счет публикации их суррогатов, что создает *иллюзию* наличия и доступности диагностического инструментария. Кстати сказать, недорогого, сравнительно с мировыми ценами, инструментария, поскольку нет нужды платить автору, и за трудоемкий процесс адаптации.

Из уже написанного ясно, что сохранение статус-кво в области психологического тестирования чревато серьезными последствиями не только для психодиагностики, но и психологической науки в целом. В первую очередь это касается процесса интеграции отечественной психологии в мировую науку о человеке. Сегодня вряд ли кто-либо рискнет спорить с тем, что будущее украинской психологии зависит не только от идей и теорий, создаваемых и развиваемых нашими учеными, результатов их исследований, но и от того, насколько они известны и восприняты в мировом научном сообществе.

Отношение к тестам должно в корне измениться, в противном случае мы не сможем остаться даже в обзоре мировой психо-

логии, нам уготовано место на обочине. Вот и подошло время задать сакраментальный вопрос: «Что делать?». Прежде всего, необходимо создать *тестовую инфраструктуру*, что подразумевает появление не только *сертифицированных* пользователей и тестов, но и соответствующих издательств, несущих полную ответственность за выпускаемую продукцию и действующих согласно законам об авторских правах. Несомненно, в этой инфраструктуре должна найти место и система последипломного специализированного обучения психологов, поскольку нельзя научиться профессиональной работе с тестами, опираясь только на вузовский курс психодиагностики. Заботу обо всем этом на себя должно взять не государство, а профессиональное сообщество психологов, которое пока остается в стороне от решения этих насущных проблем психологической науки. Наши российские коллеги уже начали эту

работу, обсудив в начале сентября этого года на семинаре «Актуальные проблемы современной психодиагностики» и Всероссийской конференции «Современная психодиагностика в изменяющееся России» (г. Челябинск) основные положения стандартов психодиагностических тестов, стандарты требований к профессиональным психодиагностам-пользователям и стандарты услуг, оказываемых в области психодиагностики. На основе этих стандартов будет проходить процедура Сертификации психологов, тестов и услуг. Вот-вот по инициативе РПО в Санкт-Петербурге будет зарегистрирован Национальный институт сертификации практических психологов.

В Украине такая работа так же необходима. От нее в значительной степени зависит будущее украинской психодиагностики.

Поступила в редакцию 11.12.2008.

Бурлачук Леонид Фокич. Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент АПН Украины: psydiag@voliacable.com.

Leonid F. Bourlachouk. PsyD, professor, corresponding member of Academy of pedagogical sciences of Ukraine: psydiag@voliacable.com.

МЕТОДИКА ДИАГНОСТИКИ ОТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ К ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

В.Г. Грязева-Добшинская, Н.Ю. Бакунчик, В.А. Глухова, А.С. Мальцева

В статье описывается оригинальная методика, которая выявляет формы толерантности субъектов к различным типам творческих личностей. Методика основана на сравнении у субъектов семантик образов творческих людей и семантик образов Я, а так же на выявлении избирательности отношения субъектов к определенным типам творческих людей. Методика предназначена для диагностики, прогноза и коррекции взаимоотношений в гетерогенных креативных командах и при осуществлении организационных изменений. В методике соединены возможности проективного и психо-семантического методов. В статье даются теоретическое обоснование методики, описание стимульного материала, алгоритм проведения, обработки данных и анализа результатов¹.

Ключевые слова: толерантность, креативность, творческая личность, визуальные и вербальные семантики образов, проективный и психо-семантический методы.

Культура – это развивающаяся система, креативные элементы которой, – креативные субъекты, продукты творческой деятельности, традиции и институты, поддерживающие творческую и инновационную деятельность, – обеспечивают эволюцию этой системы. Насколько эффективно будет развиваться та или иная культурная система, зависит от отношения различных социальных субъектов (субъектов, выполняющих социальные роли в инновационной деятельности – руководителей, инвесторов) к людям, создающим творческие продукты, – поддержка их творческой деятельности, предоставление возможности участия в креативных и инновационных проектах. История, мифология, искусство зафиксировали сложность и драматизм взаимоотношений традиционного общества и творца, исследователя, преобразователя в самых разных эпохах (Э. Нойман, 1996). И в современном обществе социальное взаимодействие творческого меньшинства, активных инноваторов и большинства, поддерживающих традиционные ценности, формы деятельности, социальные стандарты поведения, связано с порождением конфликтов (М. Домс, С. Московичи, 2007). Поддержание эффективной деятельности креативных групп или групп с криэйторами, – сложная проблема, решение которой предполагает учет многих социально-психологических и

социо-культурных факторов (Т.М. Amabile, 1982; Г. Фишер, 2005; Ж.-К. Абрик, 2007).

Для формирования постиндустриального общества с развитой инновационной экономикой необходима оптимизация взаимоотношений социальных субъектов (прежде всего менеджеров) и творцов, инноваторов как специалистов, способных к синергии взаимодействия в гетерогенных командах проектов. Актуальна цель создания методики, выявляющей многообразные отношения социальных субъектов к людям, занимающимся творческой и инновационной деятельностью.

Теоретические основы методики «Ролевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ)

Для диагностики, прогноза, и дальнейшей коррекции взаимоотношений в гетерогенных креативных командах предполагается выявление и рефлексия отношений и взаимоотношений членов группы по параметрам: «толерантность – конфликтность», «идентичность – позиционирование».

Дихотомия «толерантность – конфликтность» обнаруживается во всех работах по толерантности (А.Г. Асмолов, 2006; А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, 2001). Конфликт, борьба противоположностей определяют процессы социокультурного развития, но и «толерантность», разнообразие, взаимопомощь, доверие име-

¹ Работа поддержана грантом РГНФ № 08-06-00633а.

ют эволюционный смысл в противоречивом процессе развития (А.Г. Асмолов, 2006, Е. Сабуров, 2003, С.Л. Братченко, 2003). Толерантность понимается как устойчивость к неопределенности, к конфликту, к стрессу, к поведенческим отклонениям, как этническая устойчивость (А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, 2001). Операционализируя понятие толерантности как интегральной характеристики личности, Г.У. Солдатова выделяет четыре ее компонента: психологическую устойчивость, систему позитивных установок, комплекс индивидуальных качеств, систему личностных и групповых ценностей.

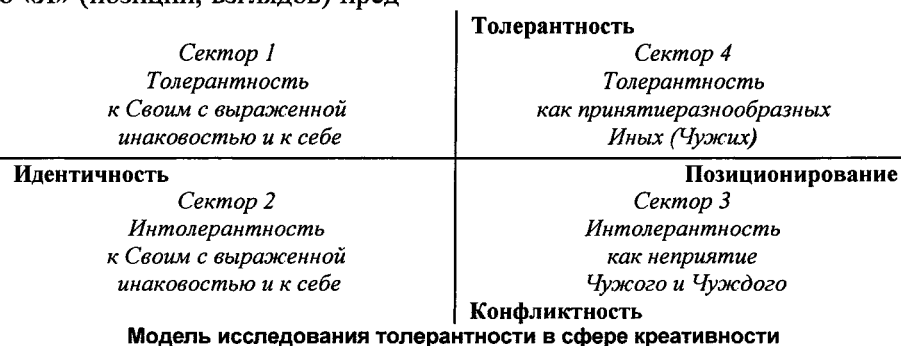
Дихотомию «идентичность – позиционирование» также можно обнаружить в работах по толерантности. Исследования проблем идентичности как оппозиции «Я» – «не-Я», «свой» – «чужой» выявили феномены, механизмы, факторы толерантности (Б. Шеффер, М. Скарабис, Б. Шледер, 2004, Д.В. Ушаков, 2004). Идентичность – центральный момент в проблеме чужого. «Чужой» как «не-свой», как «неизвестный», выступает как угроза идентичности (утверждение иных, неизвестных ценностей). Модель восприятия чужого включает *идентичность, знание, амбивалентность*. В эту модель включены параметры: «соответствие идентичности – противоречие идентичности»; «свое» – «не-свое»; наличие опыта – отсутствие опыта; позитивная валентность – амбивалентность – негативная валентность. Исследуются ценности и стандарты идентичности, в том числе идеально-символические и материально-экономические стандарты идентичности (Б. Шеффер, М. Скарабис, Б. Шледер, 2004; М. Скарабис, Р. Шульце, Б. Шеффер, 2004).

Позиционирование в данном контексте может быть понято как фокусирование восприятия и понимания человеком себя самого и других, иных субъектов. Познание и признание своего «Я» (позиций, взглядов) пред-

полагает познание и признание «не-Я», позиции и взглядов Другого; взаимодействие и диалог с другим при сохранении автономности «Я» (М.Б. Епина, 2006). Творчество – это сфера, где позиционирование человеком уникальности своего «Я», своей позиции относительно «школы», «канона», «парадигмы» является сущностным процессом. И это позиционирование предполагает активный диалог с Другими и поддержание разнообразия. Именно в сфере творчества инаковость Другого (и каждого) может стать объектом интереса, понимания, стать ценностью (В.Н. Сыров, 2003).

В нашей работе *акцентируется проблема толерантности и креативности*. Исследуя социокультурные пространства, способствующие высокой творческой продуктивности, Р. Флорида определяет три их характеристики, – «3Т креативных территорий»: талант, технологии, толерантность (Р. Флорида, 2005). Креативный класс, по Р. Флориде, ценит индивидуализм, оценку своих способностей и достижений, открытость и разнообразие. Толерантность, как и креативность выступают не только как культурные, но и как экономические феномены, определяющие достижения субъектов, организаций, регионов в постиндустриальном обществе (Т. Амэбайл, 2006; П. Юдина, 2004, М. Калужский, 2006; Е. Сабуров, 2003).

Все исследователи толерантности подчеркивают многоаспектность психологического содержания толерантности, акцентируя в исследовательских или практических целях различные ее аспекты. В ситуации изучения сложного предмета нами предлагается модель его исследовательского пространства. Пространство исследования по проблеме толерантности и креативности (или толерантности в сфере креативности) может быть задано двумя ортогональными осями: *«толерантность – конфликтность», «идентичность – позиционирование»* (см. рисунок).

Сектор 1 «Идентичность–толерантность» описывает феномены толерантности на основе идентификации себя с гетерогенными группами, в которых происходило формирование Эго-идентичности в процессе личностного развития на разных этапах жизненного пути. Этот вариант толерантности основан на опыте *адаптации* к ценностям значимых, референтных групп с высоким уровнем разнообразия, инаковости ее членов. Это понимание дифференцированного «Мы», восприятие личной принадлежности к этим группам (включающим сложных, непохожих, амбициозных творцов), характеристики этих групп переходят в личностные качества (например, толерантность к разнообразным своим на основе принадлежность к школе, научной или художественной).

Сектор 2 «Идентичность – конфликтность» описывает феномены неприятия разнообразных «Своих», себя в своей инаковости. Это эффект свершившейся адаптации, когда личность стремится к индивидуализации, поиску своей уникальной сущности. Это отрицание традиций предков, старшего поколения, «школы». Это момент дивергенции идентификационных структур личности, дивергенции «Я». Эту идентичность мы можем понять только на уровне множественного «Я», понимаемого в аспекте становления мультисубъектности человека (В.А. Петровский, 1997) или в аспекте развития полимодального «Я» (Л.Я. Дорфман, 2002), когда субмодальности «Я» вступает в конфликт с «Мы». Это неизбежный процесс развития субъектности, когда Я выходит за пределы себя прежнего, адаптированного к ценностям группы. Описываемые феномены связаны с конфликтной стадией развития творца, для которой характерна амбивалентность различных модальностей Я (Э. Нойман, 1996). Преодоление этого конфликта и *интолерантности* заключается в принятии права творца на свой индивидуальный путь.

Сектор 3 «Позиционирование – конфликтность» описывает феномены фокусирование восприятия и понимания человеком себя самого и других, иных субъектов (позиционирование). Происходит кристаллизация опыта взаимодействия индивидуальностей в процессе творческой деятельности, происходит дальнейшая индивидуализация личности и установление стандартов, символов, ценностей Свой-Чужой. Чужое вызывает амбивалентные переживания страх – интерес: как нечто, способное нарушить сфор-

мировавшуюся Эго-идентичность и как источник новых возможностей. На этом этапе преодоление *интолерантности* возможно через открытость новому опыту, понимание и принятие разнообразия мира, восприятие Чужого как ресурса личностного развития и интеграции.

Сектор 4 «Толерантность – позиционирование» описывает феномены толерантности как принятие разнообразных Иных (чужих). Позиционирование и толерантность, включающие понимание Я – Не-Я, возможностей своей уникальной личности, ценности Не-Я, понимание Другого как дополнительного к своим возможностям, как ресурса эффективного выполнения деятельности, важно для оптимизации командной работы. Условиями толерантности социальных субъектов на этом этапе являются устойчивая уверенность в себе и доверие другому; принятие собственной индивидуальности на основе интеграции в группе.

Общая характеристика методики диагностики РОССТЛ

Методика диагностики «Рольевые отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ) выявляет *общекультурные и индивидуально-специфические семантики образов творческих людей*; их соотношение с семантиками собственного образа Я; избирательное отношение субъектов к типам творческих людей, а также статусно-ролевое соотношение образов; выявляет формы толерантности социальных субъектов к творческим личностям.

Методика основана на понимании развития индивидуальности *личности как субъекта культуры. Типология субъектов культуры*, используемая в методике, предполагает дифференциацию индивида как родового человека, личности как социального субъекта и индивидуальности личности (В.Г. Грязева 2000, 2002). Эта типология личности как субъекта культуры основана нами на работах психологов и культурологов (А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко).

Методика может быть использована в диагностике членов креативной, проектной команды, менеджеров организаций в рамках организационного или инновационного консультирования. Кроме того, методика может быть использована в исследовании личностной динамики, так как позволяет выявлять

общекультурные и индивидуально-специфические семантики образов Я субъектов, наиболее чувствительные к изменениям, а также конфликтующие структуры, связанные с Я.

Методика диагностики ролевых отношений социальных субъектов с творческими личностями (РОССТЛ) относится к интегративным психодиагностическим методикам, соединяющим возможности проективного и психосематического методов. В основе методики – модифицированный психосемантический метод Дж. Келли (техника репертуарных решеток). Соединение проективного и психосемантического методов исследования индивидуальности личности в методике реализовано следующим образом. Пространство объектов для оценки (*элементы*) и пространство шкал оценки (*биполярные конструкты*) задавались как *два пространства символов*, для которых характерны избирательность и

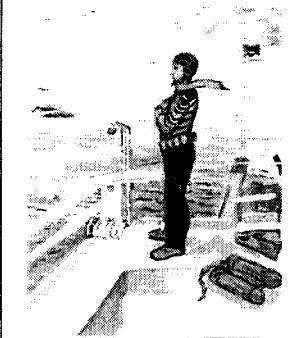
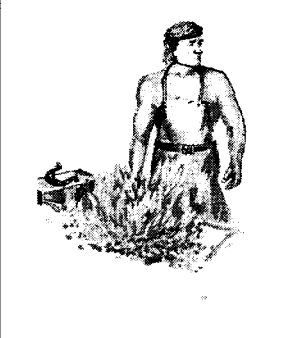

неопределенность интерпретаций субъектов, что обеспечивает проективность получаемых данных. *Элементы* методики – различные типы творческих людей, выявленные в предварительных экспериментах и имеющие мифологическую основу. *Конструкты* в методике – фразеологизмы, соответствующие полярным определениям творческих людей, выявленным в предварительных экспериментах и трем типам субъектов культуры – индивид, социальный субъект, индивидуальность личности.

Стимульный материал, организация проведения методики и технология обработки данных

Субъектам предлагается набор из 24 картинок с различными типажми творческих людей (*художник В. Гапоненко*). Пример картинок – табл. 1.

Таблица 1

Примеры образов-стимулов методики РОССТЛ (фрагмент)

			
Карт. 3. ОДИССЕЙ	Карт. 6. ГЕФЕСТ	Карт. 12. ВЕНЕРА	Карт. 20. ОРФЕЙ

Создание набора картинок ориентировалось на максимальную представительность разнообразных типов творческих людей. Для некоторых творчество является смыслом, для других – связано с целеполаганием в профессиональной деятельности, для третьих творчество остается на уровне креативных способностей, тогда как их цели и смыслы могут быть связаны с властью, богатством.

24 картинки включают 24 типа современных взрослых творческих людей, выбор которых основан на мифологии. Каждый образ-стимул трактуется в мифологическом и нарративном контекстах. Мифологический контекст задан описанием героев в мифологических текстах и их научных интерпретациях. Нарративный контекст задан психологическими интерпретациями с точки зрения структуры творческой деятельности (творче-

ство на уровне смысла, цели, операции), спецификой установок на социокультурное развитие – конструктивизм или эволюционизм (табл. 2). Мифологический контекст – это канонические истории. А нарративы – это интерпретации историй. Картинки – это интерпретации мифов, акцентирующие смысловые, целевые, операциональные аспекты творческой деятельности.

Из 24 картинок субъекты выбирают 10 типажей людей на заданные ролевые позиции. Ролевые позиции даны на бланке репертуарной решетки. Субъекты образуют 10 элементов для последующей оценки: 1) Я; 2) руководитель–мужчина; 3) руководитель–женщина; 4) заместитель–мужчина; 5) заместитель–женщина; 6) креативщик; 7) принимаемый на вакансию; 8) оставленный из прежнего состава (в кризисной ситуации); 9) увольняемый мужчина; 10) увольняемая

женщина. В инструкции нет их отнесения к творческим людям, нет мифологических

имен, субъекты выбирают из «некоторых типов людей».

Таблица 2

Психосемантика образов-стимулов: мифологические и нарративные контексты

№ картинки	Мифологическая семантика образа	Нарративы творчества
К. 3. Одиссей	Смелость и отвага, хитроумный, странник, предан Делу и любви, побеждает	Слава – смысл; Путь – цель; Творчество – операция; Конструктивизм
К. 6. Гефест	Мастер своего дела, трудолюбив, отзывчивый, предан делу, ответственный	Космос – смысл; Творчество – цель; Конструктивизм
К. 12. Венера	Рождающая любовь, приносящая счастье, милостливая, образованная, интуитивная, общительная	Любовь – смысл; Креативность – цель; Эволюционность развития
К. 20. Орфей	Талантлив, обладает уникальными способностями, странник, добрый, открытый	Свобода – смысл; Креативность – цель; Эволюционность развития

Далее выбранные на определенные ролевые позиции картинки с образами-стимулами оцениваются по биполярным конструктам. Конструкты выбираются испытуемыми произвольно из 72 фразеологиз-

мов, представленных на бланке. Фразеологизмы подобраны в соответствии с основаниями бытия (труд, познание, игра, любовь, господство, жизнь, смерть) и типами субъектов культуры (табл. 3).

Таблица 3

Фразеологизмы для создания конструктов (фрагмент)

Экзистенциальное основание	Тип субъекта культуры		
	Индивид	Личность как социальный субъект	Индивидуальность личности
Труд	3. Дело мастера боится	6. Человек велик делами	9. Дар божий
Познание	14. Ума палата – денег маловато	17. Век живи – век учись	22. Не от мира сего
Любовь	28. Душа нараспашку	29. Раб любви	35. Мы в ответе за тех, кого приручили

Испытуемые заполняют оценочную репертуарную решетку, в которой 10 элементов (образов-стимулов творческих людей) оцениваются по 12 биполярным конструктам (созданных из фразеологизмов). Для обработки данных репертуарных решеток применяется факторный, корреляционный анализ для выявления общекультурных и индивидуально-специфических семантик образов творческих людей и их соотношение с семантиками образа Я субъектов.

Психометрика стимулов методики

Стимульный материал методики, разработанный на определенных теоретических основаниях, был проверен в эмпирическом

исследовании. Это исследование дало возможность определить эмпирические семантики образов, выявить наиболее популярные образы-стимулы и наиболее используемые конструкты.

1. Были выявлены эмпирические семантики образов-стимулов, то есть характер интерпретаций картинок испытуемыми на двух выборках (100 студентов ЮУрГУ: юристы, экономисты, менеджеры, инженеры-строители, дизайнеры и 100 руководителей предприятий и организаций). Субъектам предлагалось подобрать по 5 характерных фразеологизмов к каждой картинке. Таким образом, определялась эмпирическая семантика образов-стимулов (табл. 4).

Частотные показатели выбора фразеологизмов			
Выборка: 100 студентов	%	Выборка: 100 руководителей	%
Картинка 3. Одиссей			
1. Вольному – воля	49	1. Идти нехоженными тропами	55
2. Риск – благородное дело	37	2. Вольному – воля	46
3. Безумству храбрых поем мы песню	37	3. Свобода – осознанная необходимость	38
4. Идти нехоженными тропами	33	4. Риск – благородное дело	35
5. Человек велик делами	31	5. Вся жизнь – борьба	32
6. Свобода – осознанная необходимость	30	6. Впереди планеты всей	30
Картинка 6. Гефест			
1. Дело мастера боится	92	1. Дело мастера боится	87
2. Человек велик делами	60	2. Историю делают личности	70
3. Нам денег не надо – работу давай	54	3. Человек велик делами	62
4. И швец, и жнец, и на дуде игрец	23	4. Жизнь прожить – не поле перейти	44
5. Жизнь прожить, не поле перейти	20	5. И швец, и жнец, и на дуде игрец	38
6. Алмаз и в грязи сверкает	18	6. Век живи – век учись	20

Выявлены картинки с образами наиболее определенными, с максимальным совпадением характеристик (Одиссей, Гефест, Дедал). А также картинки с частичным совпадением определений образов (Венера, Аполлон); и картинки, дифференцирующие возрастные выборки, с минимальными совпадениями в описании образов-стимулов (Эпей, Эзоп).

2. Определены частотные показатели выбора картинок на 10 ролевых позиций, а

также общий частотный показатель выборов картинок, выявляющий их популярность (табл.5). Выявлены типы стимулов: максимально популярные (№6 – Гефест, №2 – Дедал, №19 – Гера); с высокой популярностью (№3 – Одиссей, №12 – Венера, №20 – Орфей); со средней популярностью (№16 – Арион, №17 – Афродита, №9 – Зевс); минимально популярные (№7 – Аполлон, №13 – Сатурн).

Таблица 5

Ролевая идентичность образов-стимулов: показатели частоты выборов образов

№ картинки (100рук. – 100 %)	"Я"	Руководитель		Заместитель		Креативщик	Вакансия	Оставляемый	Уволенный		Частота выборов (в %)	Индекс общей толерантности	Индекс общей интолерантности
		мужчина	женщина	мужчина	женщина				мужчина	женщина			
К. 2. Дедал	6	21	–	25	–	1	14	6	1	1	75	0,97	0,03
К. 3. Одиссей	13	10	–	5	1	5	8	11	0	1	54	0,98	0,02
К. 6. Гефест	14	10	–	26	–	1	12	12	0	–	75	1,00	0,00
К. 12. Венера	2	–	10	–	28	2	2	6	–	13	63	0,79	0,21
К. 14. Икар	14	19	–	11	–	4	5	4	9	–	66	0,86	0,14
К. 20. Орфей	12	5	0	4	0	34	1	3	7	0	66	0,89	0,11

По каждой картинке подсчитывался *индекс толерантности* – соотношение выборов на ролевые позиции принятых на работу к общему числу выборов по ней. Максимальный индекс толерантности (1,00) – у образа Гефеста (при большой популярности этого образа, он оказывается только на ролях принимаемых и никогда в роли увольняемого). Также определялся *индекс интолерантности* – соотношение выборов на ролевые позиции уволенных с работы к общему чис-

лу выборов по данной картинке. Высокий индекс интолерантности (0,38) наблюдается по образу Аполлона (при невысокой общей популярности этого образа, он часто оказывается в роли увольняемого). Частотный анализ ролевых позиций и образов-стимулов используется при интерпретации результатов факторного анализа.

3. Был проведен частотный анализ использования фразеологизмов (табл. 6).

Частота выбора фразеологизмов для конструкторов

Экзистенциальное основание	Фразеологизмы	Частота	Номер рейтинга
Труд	4. О, как сладко фигней заниматься	292	3
	6. Человек велик делами	414	1
Познание	17. Век живи – век учись	352	2
	22. Не от мира сего	284	6
Любовь	27. Золотое сердце	246	13
	28. Душа нараспашку	289	4

Максимально часто используется фразеологизмы, относящиеся к трем экзистенциальным основаниям: познание, труд, любовь.

4. Выявлены главные компоненты вербальной семантики образов-стимулов (табл. 7). Подсчитывалось количество выборов каждого фразеологизма по каждой картинке. Определены картинки, имеющие по данному фразеологизму максимальные частоты выборов ($> 8x_{cp}$). Обычно такой показатель имели не более одной картинки на фразеологизм. Образ с высоким индексом толерантности (№6 Гефест) имеет главный вербальный компонент «Дело мастера боится». Такие фразеологизмы названы *уникальными компонентами* семантики образов-стимулов.

Кроме того, выявлены картинки, имеющие высокие частоты выборов по данному

фразеологизму ($4x_{cp} - 8x_{cp}$). Обычно такой показатель имели не более 5 картинок на фразеологизм. Например, образы Гефеста, Дедала, Одиссея, Геры, Икара описываются фразеологизмом «Человек велик делами». Такие фразеологизмы названы *специфическими компонентами* семантики образов-стимулов.

Выявлены картинки, имеющие средние частоты выборов по фразеологизму ($2x_{cp} - 4x_{cp}$). Обычно такой показатель имели не более 10 картинок на фразеологизм. Такие фразеологизмы названы *базовыми неспецифическими компонентами* семантики образов-стимулов. Фразеологизмом «Жизнь прожить – не поле перейти» описываются образы: Дедал, Одиссей, Гефест, Эзоп, Гера, Афина, Ариадна.

Таблица 7

Типы фразеологизмов по компонентам вербальной семантики образов-стимулов

Примеры фразеологизмов	Частотные диапазоны фразеологизмов по компонентам вербальной семантики образов-стимулов			
	Компонент неопределенности: кол-во образов-стимулов в диапазоне $< 2x_{cp}$	Базовый компонент: кол-во образов-стимулов в диапазоне $2x_{cp} - 4x_{cp}$	Специфичный компонент: кол-во образов-стимулов в диапазоне $4x_{cp} - 8x_{cp}$	Уникальный компонент: кол-во образов-стимулов в диапазоне $> 8x_{cp}$
5. Нам денег не надо – работу давай	20	3	1	1
6. Человек велик делами	13	7	4	1
22. Не от мира сего	15	9	1	0
27. Золотое сердце	23	0	1	1
52. Жизнь прожить – не поле перейти	16	8	1	0

Также были выявлены картинки, имеющие низкие частоты выборов по фразеологизму ($< 2x_{cp}$). Такой показатель могут иметь до 20 картинок по поговорке. Эти фразеологизмы создают семантическую неопределенность образов-стимулов, задавая степень проективности стимула. Например, фразеологизм «Золотое сердце» используется для описания большого числа картинок

(Дедал, Одиссей, Гефест, Аполлон, Эрот, Венера, Икар, Гера, Орфей). Такие фразеологизмы названы *компонентами неопределенности* вербальной семантики образов-стимулов.

Психометрия стимулов методики используется при интерпретации результатов факторного анализа репертуарных решеток.

Интерпретация результатов

Для интерпретации результатов факторного и корреляционного анализа семантик образов творческих людей и их соотношения с семантиками собственного образа Я субъектов (анализа факторов по элементам) мы обратимся к модели на рис. 1, задающей исследовательское пространство толерантности в сфере креативности. Модель является ориентиром для интерпретации данных факторного анализа как различных *форм толерантности – интолерантности*.

1. Толерантность на основе ролевой идентификации субъектов.

Диагностика отношения социальных субъектов (в данном исследовании, руководителей предприятий и организаций) к творческой личности включает явление *идентификации с ролями* как определенными позициями элементов. *Показателем ролевой идентификации* являются корреляции элемента №1 (Я) с другими элементами, например, корреляции элементов №1Я – №6 Креативщик.

В исследовании Н.Ю. Бакунчик (корреляционный анализ выборки 100 руководителей) выявлено следующее. Элемент №1 (Я) коррелирует с элементом №2 у мужчин и №3 у женщин (*Руководитель*) у 10% испытуемых. Элемент №1 – с элементами №4 у мужчин и №5 у женщин (*Заместитель руководителя*) у 11% испытуемых. Элемент №1 – одновременно с элементами №2 и №4 у мужчин и №3 и №5 у женщин у 16% испытуемых. У руководителей (37%) наблюдается идентификация, если творцы занимают ролевые позиции «своих», – феномен неосознаваемой *статусно-ролевой идентификации с творческими типажам*.

У 7% испытуемых выявлена корреляция элементов №1 (Я) и №6 (Креативщик), что свидетельствует о толерантности к творческой личности. Эта *толерантность основана на осознаваемой идентификации с творцом. Руководитель и творец объединяются понятием Мы*. В исследовании у субъектов наблюдалось отсутствие идентификаций, когда нет значимых корреляции «Я» и нет «Я» в значимых нагрузках факторов, что является одним из показателей *интолерантности*.

2. Толерантность на основе идентификации субъектов с некоторыми типажам творческих людей.

Качественный анализ выбора картинок на роль Я определяет образы творцов, с которыми чаще всего идентифицируются руково-

дители. В исследовании на образ Я руководители-мужчины чаще выбирают стимулы №14 (Икар), №6 (Гефест) – по 14%. А руководители-женщины – образ №19 (Гера) – 60%.

3. Толерантность – интолерантность на основе позиционирования субъектов по отношению к Другим.

Определение характера позиционирования выявляет характерные для данного субъекта отношения «Я» и Другие. С кем-то он идентифицируется, а от кого-то дистанцируется. Позиционирование может быть определено следующим образом: а) как отрицательная корреляция с элементом «Я» (*интолерантность*); б) другой вариант позиционирования представляет сложные факторы, в которые входит Я со значимой положительной нагрузкой и элемент «Креативщик» со значимой отрицательной нагрузкой (*интолерантность*); с) в фактор входит Я и «Креативщик» со значимыми нагрузками одного знака (*толерантность*); d) на основе факторного анализа у субъектов выявляются факторы, один из которых включает Я со значимыми нагрузками, а другой – «Креативщика». Это наиболее *очевидное позиционирование по отношению к творческим субъектам (толерантность – при совпадении знаков, интолерантность – при несовпадении знаков)*.

4. Осознаваемая неосознаваемая толерантность – интолерантность субъектов к творческой личности.

В процессе диагностики для субъектов является очевидным исследование их избирательного отношения к типам людей при выборе образов-стимулов на определенные роли. Данный вариант осознаваемой толерантности может быть определен как ролевая (формальная) толерантность. Показатель максимальной осознанной толерантности к типу творца – выбор типажа на ролевую позицию №6. Осознаваемую интолерантность социальных субъектов к творцам показывают выбранные ими типаж в ролевых позициях 9,10 (увольняемые сотрудники).

Анализируемые факторные структуры являются неосознаваемыми для субъектов. *Неосознаваемая толерантность (интолерантность)*, выявляемая на основе факторного анализа, может быть определена как глубинная, личностная. Психометрические свойства образов-стимулов, выявленные в предварительных исследованиях, дают возможность понять причины специфического отношения руководителей к творческим людям.

К вопросу о валидности методики РОССТЛ

Психосемантические методики исследуют индивидуальные аспекты сознания человека, выявляют специфику его субъективных представлений, оценок, отношений к интерпретируемой области и трудно поддаются валидации (В.И. Похилько, О.Е. Федотова, 1984; Л.Г. Дмитриева, Е.Л. Солонина, 2006). Валидизация методики РОССТЛ – задача дальнейших этапов ее разработки. Нами

проведено предварительное исследование, направленные на валидизацию методики.

Исследование показало, что методика дифференцирует выборки, которые очевидно должны различаться отношением субъектов к творческим личностям. Выявлено, что у руководителей творческих организаций чаще встречаются ролевых позиций Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах с одним знаком, – т. е. толерантность на основе идентификации и позиционирования (табл. 8).

Таблица 8

Распределение вариантов ролевых позиций Я и Креативщик в факторах у топ-менеджеров различных организаций

Типы организаций 100 топ-менеджеров	Варианты ролевых позиций Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах							Σ
	Я+, Креатив+ в одном факторе	Я+, Креатив- в одном факторе	Я+, Креатив+ в разных факторах	Я+, Креатив- в разных факторах	Креатив есть, Я нет в факторах	Я есть, Креатива нет в факторах,	Руководитель в факторах	
1. Творческие организации	6 20%	1 4%	9 30%	3 10%	4 13%	4 13%	3 10%	30 чел. 100%
2. Промышленные предприятия	3 9%	3 9%	6 18%	7 21%	2 7%	9 27%	3 9%	33 чел. 100%
3. Торговые организации	3 8%	1 3%	4 11%	8 22%	6 16%	10 27%	5 13%	37 чел. 100%
φ кр. Фишера	2,31 p < 0,01		2,68 p < 0,01		2,46 p < 0,01			
Стат. кр. χ ²	3,50		11,71 p < 0,01		4,47			

У руководителей предприятий, торговых, финансовых и юридических организаций чаще фиксируются ролевые позиции Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах разного знака или отсутствие Креативщика со значимыми нагрузками в факторах – т.е. позиционирование и интолерантность (табл. 8).

Были сопоставлены типы переживания по тесту Роршаха и факторные структуры по методике РОССТЛ у топ-менеджеров (табл. 9). Выявлено, что у субъектов с интроверсивным типом переживания (характеризующимся интеллектуальной инициативой

выше среднего уровня) чаще встречаются в факторной структуре ролевых позиций Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах с одним знаком, – т.е. толерантность на основе идентификации и позиционирования. У субъектов с коартативным (суженным) типом переживания (характеризующимся интеллектуальной инициативой и эмоциональной реактивностью среднего и низкого уровней) значимо чаще в факторной структуре отсутствуют ролевые позиции Креативщик со значимыми нагрузками в факторах – т.е. интолерантность.

Таблица 9

Соотношение вариантов ролевых позиций Я и Креативщик в факторах и типа переживания у топ-менеджеров

Типы переживания (по Роршаху)	Варианты ролевых позиций Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах		
	Я+, Креатив+ в одном факторе или в разных факторах	Я+, Креатив – в одном или в разных факторах; Креатив есть, Я нет в факторах	Я есть, Креатива; Я нет, Креатива нет, есть Руководитель в факторах
Коартативный	5 24%	7 33%	9 43%

Типы переживания (по Роршаху)	Варианты ролевых позиций Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах			
	Я+, Креатив+ в одном факторе или в разных факторах	Я+, Креатив – в одном или в разных факторах; Креатив есть, Я нет в факторах	Я есть, Креатива; Я нет, Креатива нет, есть Руководитель в факторах	Σ
Интроверсивный	8 53%	4 27%	3 20%	15 100%
Экстратензивный	12 28%	16 36%	16 36%	44 100%
Амбиэквальный	6 30%	8 40%	6 30%	20 100%
Стат. критерий χ^2	$\chi^2_{1-2} = 10,86$ $p < 0,01$			
Стат. критерий χ^2	$\chi^2_{2-3} = 2,80$			
Стат. критерий χ^2	$\chi^2_{1-3} = 19,41$ $p < 0,01$			

Заметим, что в выборке топ-менеджеров преобладает *экстратензивный тип переживания* (характеризующийся эмоциональной реактивностью выше среднего уровня), который обеспечивает, в целом высокую адаптивность и внешнюю мотивацию творчества. Выявление особенностей факторной структуры по методике РОССТЛ у субъектов с экстратензивным типом переживания не выявлено и требует дальнейших исследований.

Были сопоставлены *типы управленческих ориентаций* по методике «Краб» Ю.Д.

Красовского и факторные структуры по методике РОССТЛ у топ-менеджеров разных организаций (табл. 10, 11, 12).

Выявлено, что в творческих организациях у руководителей с высокой и средней инновационной, гуманистической и низкой авторитарической ориентациями в факторной структуре РОССТЛ чаще встречаются ролевые позиции Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах с одним знаком, – т.е. толерантность на основе идентификации и позиционирования.

Таблица 10

Соотношение вариантов ролевых позиций Я и Креативщик в факторах и управленческих ориентаций у топ-менеджеров в творческих организациях

Управленческие ориентации топ-менеджеров (УО)	Варианты ролевых позиций Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах							
	Я+, Креатив+ в одном факторе или в разных факторах		Я+, Креатив – в одном факторе или в разных факторах; Креатив есть, Я нет в факторах		Я есть, Креатива нет в факторах; Я нет в факторах, Руководитель в факторах		Всего	
Уровень УО	15 чел. / 50%		8 чел. / 27%		7 чел. / 23%		30 ч / 100%	
	высокий и средний	низкий	высокий и средний	низкий	высокий и средний	низкий	высокий и средний	низкий
1. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ	10	5	3	5	4	3	17	13
2. ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ	9	6	5	3	7	0	21	9
3. АВТОКРАТИЧЕСКАЯ	5	10	3	5	5	2	13	17
4. ИННОВАЦИОННАЯ	11	4	6	2	5	2	22	8
5. ГУМАНИЗАТОРСКАЯ	11	4	7	1	4	3	22	8
6. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ	8	7	6	2	2	5	16	14
φ критерий Фишера	2,26 $p < 0,01$		1,64 $p < 0,05$		0			

Соотношение вариантов ролевых позиций Я и Креативщик в факторах и управленческих ориентаций у топ-менеджеров на промышленных предприятиях

Управленческие ориентации топ-менеджеров (УО)	Варианты ролевых позиций Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах							
	Я+, Креатив+ в одном факторе Я+, Креатив- в одном факторе		Я+, Креатив+ в разных факторах Я+, Креатив- в разных факторах, Креатив есть, Я нет в факторах		Я есть, Креатива нет в факторах, Руководитель в факторах		Всего	
Уровень УО	6 чел. / 18%		15 чел. / 46%		12 чел. / 36%		33 чел. / 100	
	высокий и средний	низкий	высокий и средний	низкий	высокий и средний	низкий	высокий и средний	низкий
1. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ	5	1	12	3	6	6	23	10
2. ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ	5	1	9	6	6	6	20	13
3. АВТОКРАТИЧЕСКАЯ	4	2	11	4	9	3	24	9
4. ИННОВАЦИОННАЯ	0	6	12	3	6	6	18	15
5. ГУМАНИЗАТОРСКАЯ	2	4	7	8	5	7	14	19
6. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ	3	3	3	12	10	2	16	17
Стат. критерий χ^2	3,31		10,41 p < 0,01		1,82			

У руководителей промышленных предприятий с высокой и средней инновационной, автократической и низкой демократической ориентациями чаще встречаются в факторной структуре РОССТЛ ролевые позиции Я и Креативщик со значимыми нагрузками в разных факторах, т.е. выра-

женное позиционирование в отношении творческих личностей.

Эта же специфика факторной структуры РОССТЛ наблюдается у руководителей торговых, финансовых и юридических организаций с низкой инновационной, демократической, с высокой и средней автократической, бюрократической ориентациями.

Таблица 12

Соотношение вариантов ролевых позиций Я и Креативщик в факторах и управленческих ориентаций у топ-менеджеров в торговых и других организациях

Управленческие ориентации топ-менеджеров (УО)	Варианты ролевых позиций Я и Креативщик со значимыми нагрузками в факторах							
	Я+, Креатив+ в одном факторе Я+, Креатив- в одном факторе		Я+, Креатив+ в разных факторах Я+, Креатив- в разных факторах, Креатив есть, Я нет в факторах		Я есть, Креатива нет в факторах, Руководитель в факторах		Всего	
Уровень УО	4 чел. / 11%		18 чел. / 49%		15 чел. / 40%		37 чел. / 100	
	высокий и средний	низкий	высокий и средний	низкий	высокий и средний	низкий	↑↔	↓
1. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ	4	0	15	3	10	5	29	8
2. ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ	2	2	14	4	11	4	27	10
3. АВТОКРАТИЧЕСКАЯ	1	3	14	4	13	2	28	9
4. ИННОВАЦИОННАЯ	4	0	5	13	9	6	18	19
5. ГУМАНИЗАТОРСКАЯ	3	1	12	6	9	6	24	13
6. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ	1	3	7	11	6	9	14	23
Стат. критерий χ^2	3,21		13,25 p < 0,01		1,55			

Таким образом, диагностические показатели методики РОССТЛ дифференцируют выборки, соотносятся с предполагаемыми показателями существующих психодиагностических методик.

Разрабатываемая методика «Рольные отношения социальных субъектов с творческими личностями» (РОССТЛ) направлена на диагностику членов креативной команды, менеджеров предприятий в рамках организационного или инновационного консультирования.

Путь к толерантности в отношениях возможен при одновременной коррекции восприятия и понимания различных типов творцов социальными субъектами (руководителями, инвесторами, сотрудниками) и при коррекции самопрезентации творцов. Для исследования этих процессов, обоснования технологий практической работы и может быть использована данная методика.

Литература

1. Абрик, Ж.-К. Креативность групп / Ж.-К. Абрик // *Социальная психология*. – СПб.: Питер, 2007. – С. 207–226.
2. Амабайл, Т. Как убить творческую инициативу / Т. Амабайл // *Креативное мышление в бизнесе*. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – С. 9–35.
3. Асмолов, А.Г. Слово о толерантности / А.Г. Асмолов // *Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе. Федеральная целевая программа 2001–2005 гг.* – М.: Изд-во МГУ, 2000. – С. 6–15.
4. Асмолов, А.Г. О смыслах понятия «толерантность» / А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова // *Век толерантности: научно-публицистический вестник. Часть 1*. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 8–18.
5. Братченко, С.Л. Психологические основания исследования толерантности в образовании / С.Л. Братченко // *Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление*. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2003. – С. 104–117.
6. Домс, М. Инновации и влияние меньшинства / М. Домс, С. Московичи // *Социальная психология*. – СПб.: Питер, 2007. – С. 61–99.
7. Дмитриева, Л.Г. Особенности диалогической среды общения студентов в системе конструкторов Дж. Келли / Л.Г. Дмитриева, Е.Л. Солонина // *Вестник Башкирского университета. Серия «Психология»*. – 2006. – №1. – С. 101–106.
8. Дорфман, Л.Я. Дивергенция и конструктор Я / Л.Я. Дорфман // *Личность, креативность, искусство*. – Пермь: ПГИИК, 2002. – С. 141–184.
9. Епина, М.Б. Метод проектов в развитии толерантной и творческой личности / М.Б. Епина. – Режим доступа: http://www.fkgpu.ru/conf_spac2006_read.php?num=10.
10. Калужский, М. Креативность как Социокультурный и экономический феномен / М. Калужский. – Режим доступа: <http://www.kuhnef.nsk.ru/?cmd=lection&id=9/>.
11. Нойман, Э. Искусство и время / Э. Нойман // Юнг К.Г., Нойман Э. *Психоанализ и искусство*. – М.: REFL-book, Ваклер, 1996. – С. 153–195.
12. Петровский, В.А. Очерк теории свободной причинности / В.А. Петровский // *Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии*. – М.: Смысл, 1997. – С. 124–144.
13. Похилько, В.И. Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности / В.И. Похилько, О.Е. Федотова // *Вопросы психологии*. – 1984. – №3. – С. 151–157.
14. Сабуров, Е. Толерантность и мир современной экономики / Е. Сабуров. – Режим доступа: http://www.russ.ru/ist_sovr/20030217_sab.html.
15. Скарабис, М. Роль экономических и символических факторов идентичности в формировании отношения к чужим группам / М. Скарабис, Р. Шульце, Б. Шеффер // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2004. – Т.1. – № 2. – С. 53–69.
16. Сыров, В.Н. Нарративность и толерантность / В.Н. Сыров // *Дискурс-ПИ. Выпуск 3. Дискурс толерантности в глобальном мире / под ред. О.Ф. Русаковой*. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. – С. 51–54.
17. Ушаков, Д.В. Проблема чуждого и чужого в трудах немецких социальных психологов / Д.В. Ушаков // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2004. – Т.1. – № 2. – С. 20–23.
18. Фишер, Г. Развитие социальной креативности: пусть все голоса будут услышаны / Г. Фишер // *Психология. Журнал*

Высшей школы экономики. – 2005. – Т.2. – № 4. – С. 57–64.

19. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2005. – 258 с.

20. Шеффер, Б.Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идеентичность, знание, амбивалентность / Б. Шеффер, Б. Скарабис, Б. Шледер //

Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т.1. – № 2. – С. 24–51.

21. Юдина, П. Работник креативной крови. Почему творческая работа не поддается стандартизации / П. Юдина. – Режим доступа: <http://www/bilregion.ru/stat/personal/kreatiff/index/htm>.

Поступила в редакцию 15.12.2008.

Вера Геннадьевна Грязева-Добшинская. Доктор психологических наук, зав. кафедрой общей психологии, профессор, ЮУрГУ: vdobshinya@mail.ru

Vera G. Gryazeva-Dobshinskaya. PsyD, professor, head of department of general psychology of South Ural State University: vdobshinya@mail.ru

Наталья Юрьевна Бакунчик. Ст. преподаватель, ЮУрГУ, филиал в г. Златоусте: izyminka@inbox.ru

Natalya Yu. Bakunchik. Assistant of professor, South Ural State University: izyminka@inbox.ru

Вера Александровна Глухова. Зав. лабораторией «Социальная психология творчества», ЮУрГУ: gluhova-vera@mail.ru

Vera A. Gluhova. Head of the laboratory «Social psychology of creativity», South Ural State University: gluhova-vera@mail.ru

Алиса Сергеевна Мальцева. Преподаватель кафедры общей психологии ЮУрГУ: alisena85@mail.ru

Alisa S. Maltseva. Lecture of department of general psychology, South Ural State University: alisena85@mail.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНСУЛЬТАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Н.В. Ключева, Л.Я. Дорфман

Выполнен методологический анализ роли и места феноменологического метода в современной консультативной психологии. Представлены характеристики феноменологического метода, его особенностей и процедур применительно к задачам психологического консультирования.

Ключевые слова: консультативная психология, методологический анализ, феноменологический метод.

Консультационная психология является относительно новой областью психологической практики, выделившейся из клинической психологии и психотерапии; пока она не имеет строго очерченных рамок, но не сводится к своим истокам и активно проникает в разнообразные сферы жизни человека и его профессиональной деятельности. Консультационная психология (КП) – это также наука, теория и область эмпирических исследований. Своеобразие КП как науки проявляется, по меньшей мере, двояким образом. Во-первых, КП присущи философский и методологический плюрализм; она развивается на основе разных исследовательских парадигм, например, позитивизма, постпозитивизма, конструктивизма – интерпретативизма, экзистенциально-феноменологической парадигмы, критико-идеологической парадигмы. Плюрализм распространяется и на методы исследования. Разные методы могут иметь разные методологические предпосылки и потому их трудно свести к каким-то общим (единым) стандартам и правилам. Во-вторых, методы исследования – в самом общем виде – можно рассматривать с позиций номотетического (количественные методы) и идиографического (качественные методы) подходов. В современной КП преобладают количественные методы исследования. Однако в последние годы возрастает число работ, основанных на качественных методах; их научная состоятельность получает возрастающее признание со стороны академического научного сообщества. Ставится вопрос о том, что статус качественных методов должен быть соразмерен статусу количественных методов.

Как известно, психодиагностика имеет дело по преимуществу с количественными

данными и основана на психологических измерениях. Психометрика содержит требования к вопросам и тестам на предмет их валидности, надежности, достоверности, и т.п. Качественные исследования включают эмпирические процедуры, связанные с описанием и интерпретацией психологических переживаний, событий или конкретных феноменов повседневной жизни клиента. Однако они используют рефлексивные данные, применяют обыденный язык описаний, не направлены на тестирование исследовательских гипотез. Качественные исследования отличаются от количественных исследований также тем, что не обращаются к цифрам и измерениям, не нацелены на производство выводов, характеризующих генеральную совокупность, не используют методы статистики, не направлены на обнаружение номотетических законов, и т.п.

В связи с этим встает вопрос о своеобразии качественных методов исследования в КП в аспекте их диагностического потенциала. Creswell (1998) предложил различать пять традиций, которые приводят к применению качественных методов различающимся образом: исследования биографические, создающие теории, основанные на качественных данных (*grounded theory*), феноменологические, этнографические и отдельных (единичных) случаев. В настоящем сообщении предпринята попытка дать общий анализ феноменологическому (качественному) методу исследования в КП с точки зрения задач психодиагностики.

Основателем феноменологического метода является Эдмунд Гуссерль, продолживший гуманитарную традицию в науке Вико, Brentano, Dilthey. Гуссерль показывает, что мир конституируется, прежде все-

го, в сознании человека. С одной стороны, вещь в сознании имманентна, а в бытии трансцендентна. С другой стороны, ничего трансцендентного сознанию не существует. Мир сохраняет свою значимость только как феномен сознания. Сам по себе, мир сомнителен. Мир – это «мой мир», как я его представляю в своем сознании. В то же время сознание есть сознание о чем-то, отличном от самого себя. Оно находится в мире, и мир существует постольку, поскольку он является сознанию, сознание существует постольку, поскольку оно есть сознание об этом мире. Познание мира есть проникновение в его смысл и значение.

Целью феноменологического исследования является раскрытие структуры того или иного переживания и смысла, который имеет для человека определенный предмет, ситуация, событие или какой-то аспект собственной жизнедеятельности. Переживание описывается так, как его ощущает сам человек. Проблемы рассматриваются с точки зрения познающего реальность клиента, а не консультанта. В отличие от количественных исследований, например, в русле позитивизма и постпозитивизма, феноменологический (качественный) подход не предполагает создание теорий, операционализацию переменных, тестирование гипотез, применение вероятностных вычислений для установления статистической значимости результатов. К тому же феноменологический подход предполагает скорее индуктивное, чем дедуктивное исследовательское мышление.

Феноменологический метод характеризуется следующими фундаментальными особенностями. Во-первых, единственным объектом анализа является сознание (субъективность, Я). Сознание рассматривается как бесконечный и целостный поток переживаний. Элементами потока переживаний являются феномены, которые в свою очередь распадаются на элементы, или слои: словесно-языковую оболочку, психические переживания познающего субъекта, смысл и значение выражения и познавательного переживания, полагаемый через значение предмет. Процедура выделения в потоке сознания отдельных феноменов получила название «феноменологическая редукция».

Во-вторых, исследователь схватывает сущность переживания (его смысл, значение, структуру) интуитивно (эйдетическая редукция). Доступ к сущности переживания клиента возможен благодаря тому, что ис-

следователь свободно варьирует своими представлениями об этом переживании.

Феноменологическое исследование начинается с конкретного примера, которым клиент описывает свою проблему. Для того, чтобы «схватить» сущность проблемного для клиента феномена, исследователь представляет и варьирует этот феномен в различных направлениях и аспектах – так, чтобы выделить в нем существенные признаки и отделить их от случайных и несущественных. Это метод получения качественного знания; он дает информацию о том, что есть существенное в изучаемом феномене.

В-третьих, феноменологический метод включает интенциональный анализ. С точки зрения интенциональности сознание есть сознание чего-то, сознание направлено не на сами акты сознания, а на подразумеваемые в этих актах предметы: в восприятии нечто воспринимают, в суждении о чем-то судят, при радости – нечто радуется. Интенциональный анализ позволяет получать знание о человеческих ситуациях, их значениях и смыслах, а также о порождающих их процессах. Предметом интенционального анализа является ситуация – в том виде, в котором ее переживает клиент, т.е. ситуация с включенными в нее разнообразными значениями и смыслами. Значимая для клиента ситуация переживается вновь и подвергается рефлексии в формах, доступных для восприятия исследователя.

В-четвертых, в силу фундаментальной природы интенциональности, анализ ментальной жизни клиента не изолируется и не замыкается только на нем, а приобретает радикально контекстуальный и экологический характер. Поэтому центральной темой феноменологического анализа является жизненный мир клиента – его собственный повседневный мир, переживания, смысл, значения и субъективность в тех или иных социальных и социально-психологических контекстах. Центральное место в феноменологическом анализе занимает смысл. Его отличают от всех видов психических переживаний, ему предшествующих, за ним следующих и с ним связанных. Смысл представляет собой интенциональный инвариант, в то время как сопровождающие его психические явления множественны, изменчивы, индивидуальны.

В-пятых, основной метод обнаружения сущности и структуры сознания клиента есть метод «непосредственного вхождения»

в поток его сознания, слияния с ним. Так познается сущность сознания и его феноменов, поскольку сущность присутствует в феноменах в форме непосредственной очевидности. Феномены – это текучее осознание, мнение, обнаружение чего-либо – как настоящее, так и преднастоящее, как вымышленное и символическое или отображенное; как наглядно или ненаглядно представляемое. Поток сознания, его феномены «переживаются», берутся так, как они даются, а не как описываются извне. Так рождается понимание.

Феноменологический метод характеризуется интерсубъективностью, причем в нескольких значениях – интерсубъективность жизненного мира клиента (клиент и его значимое окружение), интерсубъективность клиента и консультанта. Интерсубъективность заложена в структуре субъективности и говорит о факте множественности субъектов, выступает основой их общности и коммуникации Я могу отличать себя от Другого, как и понимать Другого. В связи с этим феноменологический метод реализуется через диалог консультанта и клиента. Свообразие феноменологического диалога (в отличие от рационализованного и логического диалога) заключается в том, что он представляет собой экзистенциальное взаимодействие, непосредственный обмен субъективными значениями и смыслами между клиентом и консультантом. Консультант приобщается к жизненному миру клиента, пытается понять особенности его существования, но не занимается оценением клиента, сопоставляя его мир с некими абстрактными истинами. Равноправие участников феноменологического диалога, взаимное уважение и принятие, сопереживание, ориентация на взаимопонимание, со-творчество и со-развитие, налаживание отношений со-действия и сотрудничества – конституирующие характеристики феноменологического диалога.

Феноменологический диалог направлен на понимание, которое приводит в свою очередь к выяснению проблемы клиента (проблематизация) и ее рефлексии.

Феноменологическое понимание есть средство преодоления психологической дистанции между консультантом и клиентом, установка на постижение жизни клиента из нее самой, непосредственное постижение ее душевно-духовной целостности, процедура постижения или порождения смысла (феноменологическая редукция). Выработка смыслов (у клиента) предстает как работа со

смыслами (клиента и консультанта). Эта работа предполагает специфическую активность сознания по вхождению в жизненный опыт и расширение (углубление) его, интуитивное проникновение одной жизни (консультанта) в другую (клиента) (эйдетическая редукция). Понимание приходит в процессе рассуждения. Рассуждение поднимается «снизу вверх» – от переживания к формулировке, открытию, знанию, к коллективным действиям. Его результатом становится понимание в форме практического знания. В таком аспекте понимание есть эвристическая познавательная процедура, дающая приращение знания. Это «знание о», как и «знание-событие», «знание для себя», «знание для людей» (интенциональность). Понимание есть также интерпретация и переинтерпретация переживания, значений и смыслов. Понимание переструктурирует бытие клиента, помогает ему обнаруживать себя по-новому благодаря открывающимся смыслам и их интерпретации (переинтерпретации) в конкретной ситуации, в практическом действии, в общении со значимыми людьми (социальный и социально-психологический контекст). Понимание и телеология в феноменологическом (качественном) методе (идиографический подход) противостоит объяснению и каузальности в количественных методах (номотетический подход) и не сводится к ним. Консультант организует и структурирует ситуацию и процесс понимания, используя, к примеру, такие приемы, как «выращивание» смыслов через повторение основной мысли, интерпретацию сказанного, использование вопросов на уточнение, углубление смысла, расширяя и углубляя поле контекста.

Феноменологическая проблематизация есть превращение того или иного феномена жизни клиента в предмет рефлексивного осмысления и рационального анализа. Имеется в виду определение того феномена (или нескольких феноменов), который может играть ключевую роль в понимании сущности проблемы клиента или сам феномен как источник проблемы (феноменологическая редукция). Ключевой для решения проблемы клиента феномен консультант постигает интуитивно в ходе диалога с клиентом, его дискурса и самоотчетов (эйдетическая редукция). Источник проблемы, которому клиент ранее не придавал значения, почти не сомневался в нем и не испытывал необходимости в его осмыслении, благодаря процедуре

проблематизации, напротив, эксплицируется, становится объектом его размышлений и вводится в сферу рационального анализа. Так процедура проблематизации открывает для клиента проблему, заставляя его задаваться вопросами и переживать сомнение привычными формами существования. Это обстоятельство заставляет клиента искать новые значения и смыслы, пути новой интерпретации проблемы. «Что это значит? Что делать?» – типичные вопросы, которые возникают в результате проблематизации. Ответы на них консультант и клиент ищут и находят не в плоскости «почему» (каузальность), а в плоскости «для чего» (телеологичность). Так возникает интенциональный аспект проблематизации. Обычно проблема касается не только клиента, но и его значимого окружения. Так открывается значение социального и социально-психологического контекста. Консультант создает феноменологическую проблематизацию, используя определенные приемы, например, вычленение базовой идеи и чувства; расширение поля возможных смыслов, постановка вопросов такого уровня неопределенности, которые стимулировали бы «естественные» процессы расширения смыслового поля (правила майевтики).

Жизненный мир клиента – это дорефлексивная данность. Однако этот мир поддается рефлексии. Феноменологическая рефлексия требует обращения сознания на себя, представляет собой внутреннее восприятие, которое обладает признаками интенциональности. Источником рефлексии является Я клиента, процесс рефлексии есть дискурс, ее результат – осознание, осмысление, переинтерпретация и рационализация клиентом сути проблемы и ее решения. Сознание можно понимать как состоящее из некоторого множества слоев-горизонтов. Я – это один горизонт сознания, проблема – другой горизонт сознания, осознание сути проблемы и ее решение – еще один горизонт сознания (феноменологическая редукция). Интенциональность связывает эти горизонты между собой (интенциональный анализ). Применяя феноменологическую рефлексия, консультант как бы приостанавливает поток сознания клиента, процесс его жизни, выводит его за пределы ситуации. «Там», за пределами ситуации, консультант помогает клиенту освободиться от непосредственной привязанности к ситуации и возвыситься над ней, иначе осуществлять им свое Я, открывать

новые способы данности проблемы и ее решения, т.е. консультант помогает клиенту выйти в рефлексивную позицию (эйдетическая редукция). Феноменологическая рефлексия предполагает обращение сознания клиента не только на себя, но и на значимых Других, например, осознание клиентом как он воспринимается и оценивается значимыми Другими или развитие у него способности мысленно воспринимать собственные позиции Других (социальный и социально-психологический контекст).

В основе феноменологического метода лежат процедуры, которые используются и в других качественных подходах, например, регистрация признаков переживания клиента посредством текста, транскриптов разговоров, фиксации элементов невербальной коммуникации, видеосюжетов, рисунков, символов (качественное описание), анализ отчетов с выделением в нем ключевых тем, анализ материалов совместно с клиентом. Процедуры феноменологического метода включают также глубинное интервью по темам, анализ лингвистических выражений, изучение отдельных (единичных) случаев, использование метафор (нарратива, драмы, игры, мифа), интерпретацию данных в контексте

Вместе с тем все эти процедуры приобретают специфические черты в рамках феноменологического метода. Например, феноменологическое описание касается жизненного мира клиента (субъективность, переживания, значения и смыслы), оно опирается на рефлексивные самоотчеты клиента о своих переживаниях. Глубинное интервью проводится с позиций феноменологической редукции и носит описательный характер. Феноменологическое описание носит качественный характер и не направлено ни на выдвижение гипотез, ни на их тестирование (что имеет место в количественных исследованиях). Феноменологическая интерпретация допускается, если схватываются отдельные части в контексте более широкого целого и если возможность их феноменологического описания при этом сохраняется. Применение феноменологической интерпретации не означает выход за пределы очевидного.

Под влиянием номотетического подхода и практики количественных исследований (в том числе в области психодиагностики), качественные методологи (в том числе в области феноменологии) формулируют т.н. параллельные, или экстринсивные, критерии

для оценки состоятельности качественных исследований. Например, вводятся процедуры доверительности, переноса, надежности, подтверждения; они рассматриваются как разные аспекты валидности качественных данных. Другие авторы предлагают судить о валидности качественных данных по критериям структурного подтверждения (вывод поддерживается достаточно большим количеством сходящихся свидетельств), референтной адекватности (качественное исследование организует восприятие так, чтобы способствовать большей глубине осознания изучаемого явления и его значения), согла-

сованной валидизации (нечто, подобное критерию согласия количественных экспертных оценок) Такие процедуры, как валидность или, скажем, генерализация данных единичного случая, принятого за образец, сохраняют свою специфику в качественном исследовании. Тем не менее намечается тенденция сближения качественных исследований с количественными. Эти и другие психодиагностические вопросы подвергаются более подробному анализу в докладе.

Поступила в редакцию 29.11.2008.

Клюева Надежда Владимировна. Доктор псих наук, профессор Ярославского государственного университета им П.Г. Демидова: nadejda@uniyar.ac.ru.

Nadegda V. Klueva. PsyD, professor of Yaroslavl State University: nadejda@uniyar.ac.ru.

Дорфман Леонид Яковлевич. Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Пермского государственного института искусства и культуры: dorfman07@yandex.ru.

Leonid Ya. Dorfman. PsyD, professor, head of chair of psychology and pedagogy of Perm State Institute of Arts and Culture: dorfman07@yandex.ru.

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Л.Г. Матвеева

В статье рассмотрены некоторые предпосылки выделения понятия «социальный интеллект», приведены ключевые точки зрения на его понимание, обозначены подходы к его диагностике и сферы его возможного применения в практической психологии¹.

Ключевые слова: психодиагностика, когнитивное и аффективное познание мира, социальный интеллект, эмоциональный интеллект, тесты интеллекта, развитие социального интеллекта, диагностика социального интеллекта.

Понятие интеллекта всегда являлось источником парадоксов. Казалось бы, это одно из наиболее очевидных понятий психологии, но в то же время и одно из наиболее неуловимых. У. Эстес (цит. по М.А.Холодной, 2002)

Достаточно давно возникло предположение, что интеллект может проявляться не только в результативности решения тестовых задач, так и в том, как человек понимает и оценивает поведение окружающих его людей и себя самого. О различных проявления интеллекта говорили Л. Гуттман (задания на выявление закономерности могут быть представлены на разных типах материала в виде цифр, понятий, *оценок поведения других людей*), Дж. Гилфорд (содержание интеллектуальной деятельности разделяется на конкретное, символическое, семантическое, *поведенческое*). Г. Айзенк разграничивал понятия «биологический интеллект», «*социальный интеллект*», «психометрический интеллект», Ф. Чапин писал о явлении «социальной интуиции».

Не обошел своим вниманием социальный интеллект и Д. Векслер, который предлагал определять его как степень приспособленности человека к жизни в обществе. В шкалах интеллекта Д. Векслера показатели субтестов «Понятливость» и «Последовательные картинки» трактуются как связанные с развитием «социального интеллекта» – умения понимать причины поступков, обычаев, традиций, умение улавливать логику и последовательность событий.

В стремлении повысить прогностические возможности тестов интеллекта, тестология обратила внимание на то, как связано

когнитивное и аффективное в процессе познания человеком окружающего мира (Анастази А., Урбина С., 2001). На основании анализа регулирующей функции интеллекта и связей интеллектуальной активности с процессом реорганизации потребностно-аффективной сферы, Л. Терстоун пришел к выводу о том, что в будущих исследованиях интеллекта придется перейти от терминов когнитивных к терминам, связанным с аффективной сферой.

Впоследствии Р. Зайонс повторил идею Л. Терстоуна о первичности аффективного компонента интеллектуального отражения по отношению к когнитивному. Он считал, что нам может нравиться нечто до знания и даже без знания того, что это такое, процесс эмоционального оценивания (чувствования) отображаемых аспектов действительности – это, сравнительно с процессом их осмысливания, некоторая параллельная психологическая реальность, живущая по своим собственным законам. Чувствование, в отличие от суждений, не является произвольно контролируемым, центрировано на «Я», плохо вербализуется, отличается своего рода «бесповоротностью», т.е. в отношении него не возникает ощущения ошибочности. Ну и, наконец, чувствование может быть отделено от содержания.

О единстве аффекта и интеллекта в свое время много писал и говорил Л.С. Выготский, понимая, что это единство может выражаться в двух качественно разных формах: интеллект может контролировать влечения и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, гранты 07-06-00835а, 07-06-00631а.

их обслуживать. Тогда критерием интеллектуальной зрелости становится готовность субъекта принимать любое событие таким, каковым оно является в своей объективной действительности, а также его готовность изменять исходные мотивы, превращать цели в средства с учетом объективных требований деятельности. А низкий уровень интеллектуальной зрелости иницирует те или иные варианты защитного поведения на фоне бурной, хотя и весьма своеобразной интеллектуальной активности.

По мнению М.А. Холодной, носителем свойств интеллекта является индивидуальный ментальный (умственный) опыт, и наличие в этом опыте и когнитивного и аффективного компонента опять бросается в глаза (Холодная М.А., 2002).

Не обошли своим вниманием интеллект и представители когнитивно-ориентированных теорий личности. Одним из первых попытался выйти на анализ личности через характеристики ее познавательной (когнитивной) сферы Дж. Келли в своей теории персональных конструктов (Франселла Ф., Баннистер, 1987).

Согласно Дж. Келли, человек воспринимает, интерпретирует и оценивает действительность на основе определенным образом организованного субъективного опыта, представленного в виде системы персональных (то есть присущих данной конкретной личности) конструктов. Конструкты, являясь способом дифференциации объектов, могут быть применены к оценке реальных объектов, конкретных ситуаций, другого человека, находящегося в той или иной ролевой позиции и т.д.

Высокая степень сложности индивидуальной системы конструктов означает, что данный субъект создает многомерную модель реальности, выделяя в ней множество взаимосвязанных сторон. Низкая степень сложности индивидуальной конструктивной системы, напротив, свидетельствует о том, что понимание и интерпретация происходящего в сознании этого субъекта осуществляются в упрощенной форме на основе использования ограниченного набора субъективных измерений.

Безусловно, теория персональных конструктов Дж. Келли существенно отличается от любой теории интеллекта с точки зрения понимания механизмов познавательного отражения. Однако не идет ли здесь опять речь о том, что когнитивный и аффективный

компоненты в интеллектуальной деятельности слиты теснее, чем изначально предполагалось.

По мнению многих первым, кто заговорил непосредственно о термине «социальный интеллект» был Э. Торндайк в 1920 г. Он рассматривал его как «способность понимать других людей и действовать или поступать мудро в отношении других» (цит. по А.И. Савенкову, 2005).

Х. Гарднер определял социальный интеллект как «способность понимать людей и социальные ситуации».

Настоящему же буму на «социальный и эмоциональный интеллект» мы обязаны работам американского журналиста Д. Гоулмена, популяризовавшего это термин и поместившего его на обложки бестселлеров американского книжного рынка. Социальный интеллект сегодня обозначен во многих теориях интеллекта, хотя его место (и феноменология) в них и остается до сих пор недостаточно ясным.

По мнению Д.В. Ушакова, все многообразие подходов к определению, объяснению и диагностике социального интеллекта можно свести к трем вариантам:

1. Социальный интеллект – это особая способность, отличная от остальных.
2. Социальный интеллект – это социальная компетентность, система знаний, умений, навыков, приобретенных в течение жизни.
3. Социальный интеллект – это личностная черта, определяющая успешность социального взаимодействия.

В настоящее время понятие «социальный интеллект» и проблема его диагностики привлекает все большее внимание исследователей и практиков. Именно с социальным интеллектом связывают успешность в профессиональной деятельности (прежде всего в деятельности, где немало важное значение имеет взаимодействие с людьми), социальный интеллект считают одним из компонентов творчества (как способность продвинуть идею).

Д.В. Ушаков выделяет ряд характерных структурных особенностей социального интеллекта:

- континуальный характер;
- использование невербальной репрезентации;
- потерю точности социального оценивания при вербализации;

- формирование в процессе имплицитного научения;

- использование «внутреннего опыта».

«Социальный интеллект – это способность к познанию социальных явлений, которая составляет один из компонентов социальных умений и компетентности, но не исчерпывает их.» (Ушаков Д.В., 2004, с. 15) Т.е. это только одна из способностей, которая может помочь успешному функционированию человека в обществе, эффективности его в той или иной деятельности. В рамках структурно-динамической теории социальный интеллект пользуется тем же «потенциалом формирования», что и другие виды интеллекта. Именно это предположение позволяет Д.В. Ушакову выдвигать гипотезы, которые могут быть проверены в рамках эмпирических исследований: если потенциал формирования одинаков, то связь социального интеллекта и других видов интеллекта может как существовать, так и отсутствовать, в зависимости от степени равномерности распределения потенциала в выборке испытуемых. Степень равномерности данного распределения будет зависеть, например, от того, в какой сфере деятельности лежат интересы испытуемых: предметной или коммуникативной. Кстати, такой подход мы также можем увидеть в концепции формально-динамических свойств нервной системы В.М. Русалова, который еще более раздробил деятельность, в которой темперамент может проявляться по-разному (моторная, интеллектуальная, коммуникативная).

Интерес же к той или другой сфере деятельности зависит от личностных особенностей человека, в первую очередь, как считает Д.В. Ушаков, эмоциональных. Именно интерес способствует повышению компетентности в данной сфере за счет частоты попадания в социальные ситуации, их обдумывания, анализа, разнообразия форм реагирования.

Если под интеллектом понимать уровень развития способностей, то тогда мы должны столкнуться с вариантами «высокого уровня» их развития и говорить о существовании одаренности. С этой стороны мы также можем найти доказательства существования социального интеллекта, поскольку существует так называемая «социальная одаренность», проявляющаяся в сфере общения, лидерства, социального взаимодействия. Естественно, социальная одаренность не сводится к социальному интеллекту (также, впрочем, как и интеллектуальная ода-

ренность не сводится к интеллекту общему), представляя из себя сплав когнитивных и личностных особенностей. Однако способность понимать других людей, оценивать ситуации взаимодействия явно определяет степень эффективности и гибкости поведения в той или иной ситуации, и социальный интеллект занимает не последнее место в перечне отличительных особенностей социально одаренных лидеров.

Интересно в этом плане мнение А.И. Савенкова, долгие годы занимающегося психологией одаренности и творчества, обучением одаренных детей. Он предлагает понимать термин «социальный интеллект», равно как и сопровождающий его «эмоциональный интеллект» как некую условность, за которой, по сути, скрывается новый подход к проблеме прогнозирования «жизненной успешности» личности через диагностику взаимодействия когнитивных и аффективных компонентов. Делая предположение, что успешность в жизни и творчестве связана именно с показателями эмоционального и социального интеллекта, А.И. Савенков опирается при этом на их понимание Р. Бар-Оном, Д.В. Люсиным, Э. Торндайком, Д. Векслером, Дж. Гилфордом. Понимая социальный интеллект как «кристаллизованные социальные знания о знакомых социальных событиях и социально-когнитивную гибкость при решении неизвестных проблем», он особо подчеркивает то, что диагностика данной способности должна проводиться поведенческими, невербальными способами, чтобы избежать возможных ошибок, связанных с самоотчетом и способностью к интроспекции (Савенков А.И., 2005).

Настаивая на том, что исследования социального интеллекта должны иметь, прежде всего, прикладной характер и служить основой для работы по развитию социального интеллекта, он выделяет следующие критерии для его описания:

- Когнитивные: социальные знания, социальная память, социальная интуиция, социальное прогнозирование.

- Эмоциональные: социальная выразительность, сопереживание, способность к саморегуляции.

- Поведенческие: социальное восприятие, социальное взаимодействие, социальная адаптация.

Если оценивать предложенные критерии, становится понятным, что применение к ним термина «социальный интеллект» дейст-

вительно является некоторой условностью, более подходит к данному набору термин «социальная компетентность», потребность в диагностике которой часто действительно скрывается у психологов-практиков за модным стремлением диагностировать социальный и эмоциональный интеллект.

Нельзя не отметить, что потребность в диагностике «социального интеллекта», «социальной компетентности» в первую очередь связана с потребностью в его развитии. В этом солидарны многие исследователи, признавая «социальный интеллект» благоприятным для развития качеством. «Социальный интеллект» развивают у детей и у взрослых, связывая его с повышением эффективности в ситуациях социального взаимодействия. Как считает Д.В. Ушаков «социального интеллекта не может быть слишком много», он нужен любому человеку, поскольку взаимодействовать с окружающими на бытовом уровне мы будем в любом случае, даже если наша профессиональная деятельность с этим не связана.

Развитие социального интеллекта, с особым акцентом на входящий в его состав эмоциональный интеллект – предмет деятельности многих тренинговых компаний, ориентированных на торговый менеджмент и навыки социального (политического) лидерства. Однако такой же интерес к этому стали проявлять и специалисты, работающие с детьми, прежде всего с детьми одаренными. Поскольку, как считает В.С. Юркевич речь идет о другом способе постижения мира, о способах приспособления к нему или его изменения, важность этого подхода несомненна. Проблемы развития эмоционального интеллекта характерны для особо одаренных детей, у 95% которых отмечены те или иные трудности его функционирования (при отличном функционировании других способностей). Одна из причин создания интернатов для особо одаренных детей – трудности общения со сверстниками, их эмоциональная и социальная незрелость. Многие проблемы, возникающие в связи с поздней профорientацией, также связывают с неумением понимать себя, свои эмоции, свое состояние при выполнении той или иной деятельности (Юркевич В.С., 2005).

Несмотря на явную потребность в развитии социального интеллекта до сих пор открытым остается вопрос о методах его диагностики. Компендиум психодиагностических методик России и СССР не содержит

указания ни на одну отечественную методику диагностики социального интеллекта, созданную и опубликованную в период 1907 – 2007 гг. (Батурич Н.А., Пичугова А.В., 2008).

Наиболее популярным тестом, который используют практикующие психологи, до сих пор остается тест Дж. Гилфорда, однако те ситуации, которые выступают в роли стимульного материала, явно устарели, к тому же несут выраженную культуральную направленность. Многочисленные попытки создать тесты диагностики социального интеллекта останавливаются на этапе опросников на социальную осведомленность. Хотя ответа на вопрос, как должен диагностироваться социальный интеллект, до сих пор нет. Должен ли социальный интеллект диагностироваться с помощью опросника, который имеет большие преимущества в плане описания реальных ситуаций жизни испытуемых, либо это должен быть задачный метод, так как все-таки мы имеем дело с интеллектуальным процессом. Опять-таки, в реальной жизни проявление и величина социального интеллекта часто зависят от особенностей ситуации. Поэтому логично, на наш взгляд, использовать для подобной диагностики подход, в чем-то аналогичный подходу к диагностике мотивационной сферы, где сама ситуация диагностики является контролируемым фактором, что повышает прогностическое значение методики.

Возможно, именно современные методы психодиагностики позволят нам в итоге понять, что же скрывается за этим загадочным понятием «социальный интеллект»: некая условность, обозначенная «беллетристичным термином» (цит. по Юркевич В.С., 2005) и принесшая мировую известность журналисту Д.Гоулмену или реальный феномен, позволяющий нам познавать окружающий мир с разных сторон и разными способами.

Литература

1. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001. – 688 с.
2. Батурич, Н.А. Компендиум психодиагностических методик России: описание и первый анализ / Н.А. Батурич, А.В. Пичугова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». – 2008. – Вып.1. – С. 63–69.
3. Савенков, А.И. Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества / А.И. Савенков // Психология.

Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т.2. – №4. – С. 94–101.

4. Ушаков, Д.В. *Социальный интеллект как вид интеллекта / Д.В. Ушаков // Социальный интеллект: теория, измерение, исследование / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 11–29.*

5. Франселла, Ф. *Новый метод исследования личности / Ф. Франселла, Д. Баннистер. – М.: Изд-во «Прогресс» – 1987.*

6. Холодная, М.А. *Психология интеллекта: парадоксы исследования / М.А. Холодная. – СПб.: Изд-во «Питер», 2002. – 278 с.*

7. Юркевич В.С. *Проблема эмоционального интеллекта / В.С. Юркевич // Вестник практической психологии образования. – 2005. – № 3(4). – Июль – сентябрь. – С. 4–10.*

Поступила в редакцию 12.12.2008.

Матвеева Лариса Геннадьевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психологическая диагностика и консультирование» Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679404, larissamatveeva@mail.ru.

Larisa G. Matveeva. Candidate of psychological sciences, associate professor of the chair «Psychological testing and counseling» South Ural State University: 351-2679404, larissamatveeva@mail.ru.

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТИ МЕТОДОМ ДВОЙНОЙ СТИМУЛЯЦИИ

Н.Н. Мельникова, Д.М. Полев

В статье описывается методика МДС, предназначенная для изучения уровня функционирования памяти через оценку глубины обработки информации при запоминании и основанная на процедуре исследования опосредованного запоминания Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева. Предлагается классификация ассоциативных связей, используемых при запоминании, соответствующая трём уровням обработки информации, описанным в теории Ф. Крэйка и Р. Локхарта. Приводятся сведения о разработке и психометрической проверке методики МДС.

Ключевые слова: память, опосредованное запоминание, глубина обработки информации, ассоциативные связи, диагностика памяти, метод двойной стимуляции (МДС).

Предлагаемая нами методика МДС (метод двойной стимуляции) предназначена для изучения уровня функционирования памяти через оценку глубины обработки информации при запоминании. Методика представляет собой развитие *метода исследования опосредованного запоминания Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева* и концептуально опирается на *теорию уровней обработки информации (Craik & Lockhart)*, согласно которой прочность следов памяти напрямую зависит от глубины обработки поступающей информации. Доступная человеку глубина обработки информации при запоминании определяет потенциальные возможности его памяти.

За последние 30–40 лет интенсивные исследования, проведённые в рамках когнитивной психологии, привели к смене базовых парадигм, объясняющих процессы памяти (Солсо Р.Л., 1996). Для нас существенным является факт смены представлений о памяти, идущих ещё от У. Джеймса, выделившего первичную и вторичную память. Эти представления получили название парадигмы «ящичков в голове», где под «ящичками» понимается существование в памяти функциональных структур типа мгновенной, кратковременной, долговременной памяти. Однако более поздние исследования привели к принципиально иному пониманию памяти. Один из наиболее продуктивных подходов получил название парадигмы *уровней обработки информации* (F. Craik & R. Lockhart, 1972). Согласно данному подходу, любая поступающая информация подвергается ряду аналитических процедур той или иной степени сложности. Память же – это побочный продукт обработки стимулов внешнего

мира, и прочность её следов прямо зависит от глубины обработки: чем глубже анализ, тем лучше запоминание и легче последующее воспроизведение. Согласно концепции Ф. Крэйка и Р. Локхарта выделяют три уровня анализа (R. Lockhart & F. Craik, 1975): 1) анализ на основе внешних характеристик объекта; 2) анализ на основе выделения значения объекта, что требует отнесения его к классу, называния; 3) установление ассоциативных связей с другими значимыми единицами информации, хранящимися в памяти.

Следует специально отметить, что выделенные уровни не являются последовательностью обработки информации; информация в данный момент времени обрабатывается настолько глубоко, насколько это возможно. Доступная человеку глубина обработки информации при запоминании определяет потенциальные возможности его памяти.

Эмпирически каждый уровень обработки характеризуется *качественно различными типами ассоциативных связей*, которые использует человек для запоминания. Поэтому типы ассоциаций могут служить надёжными индикаторами глубины обработки информации при запоминании.

В основу разработанной нами методики МДС (метод двойной стимуляции) положена классическая процедура исследования опосредованной памяти, предложенная Л.С. Выготским и впоследствии детально разработанная в экспериментах А.Н. Леонтьева (Леонтьев А.Н., 1972). Суть метода заключается в том, что испытуемому для лучшего запоминания ряда слов предлагается воспользоваться вспомогательными стиму-

лами (картинками), связывая с ними слова. Воспроизведение материала производится с помощью картинок, по ассоциации с которыми испытуемый вспоминает слова. Дополнительный стимул выполняет функцию своеобразного символа-знака, или «бирки» (по Л.С. Выготскому), при помощи которого человек опосредует своё запоминание. Чем лучше он может использовать предлагаемые внешние средства, тем большей продуктивности достигает его память.

Предлагаемая нами версия метода отличается от классического варианта тем, что фиксирует не только количество воспроизведённого материала, но и *качество ассоциативных связей*, используемых для запоминания. Интересно, что ещё Л.С. Выготский уделял существенное внимание тому, каким образом испытуемый связывает слово и картинку. В своей работе «Культурное развитие специальных функций: память» (Выготский Л.С., Лурия А.Р., 1993) он приводит несколько примеров «связываний», которые использовали дети. При этом отмечается, что приведённые способы связи различаются по сложности, и в их основе лежат разные (по степени зрелости) механизмы. К сожалению, данное направление исследований не получило дальнейшего развития. (Вопрос к ребёнку о том, почему для запоминания слова была выбрана та или иная карточка присутствует и в процедуре А.Н. Леонтьева, но ни анализ ассоциаций ребёнка, ни варианты ответов в работе не приведены).

На наш взгляд, идеи Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, касающиеся опосредованного запоминания, хорошо согласуются с теорией уровней обработки Ф. Крэйка и Р. Локхарта. Обе теории рассматривают одно и то же явление, акцентируя внимание на разных его аспектах: теория Л.С. Выготского прослеживает становление и развитие функции опосредованного запоминания, теория Ф. Крэйка и Р. Локхарта занимается когнитивными механизмами, обеспечивающими продуктивность запоминания. При этом, анализ ассоциативных связей (или способов «связываний» по Выготскому), мог бы служить тем недостающим звеном, которое способно интегрировать названные концепции. С одной стороны, такой анализ позволил бы конкретизировать признаки «созревания» функции памяти, развивая идеи Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева о совершенствовании способов овладения «внут-

ренним процессом памяти»; с другой – обеспечил бы эмпирическое подтверждение теории Ф. Крэйка и Р. Локхарта.

Нами была проведена *классификация ассоциаций*, используемых при запоминании материала и эмпирически полученных в соответствии с процедурой Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Полученные типы ассоциаций были разделены на три большие группы, которые соответствуют трём уровням обработки информации (в соответствии положениями теории Ф. Крэйка и Р. Локхарта): (1) запоминание с опорой на внешние признаки, (2) запоминание, основанное на значении понятий, (3) построение сложных ассоциативных связей с привлечением дополнительной информации, хранящейся в памяти. (Подробное описание полученных типов ассоциаций будет приведено в статье ниже).

В ходе дальнейших исследований были получены эмпирические подтверждения того, что использование ассоциаций 3-й группы обеспечивает наиболее точное и безошибочное воспроизведение информации, по сравнению с более простыми способами связи (в частности, ассоциации 1-й группы дают максимальный процент ошибочности при воспроизведении). Таким образом, то, какими ассоциациями, преимущественно, пользуется человек при запоминании, будет отражать характерную для него глубину обработки информации и, соответственно, *уровень функционирования его памяти и потенциальные возможности запоминания*.

Эта идея легла в основу созданной нами методики, специфика которой заключается в том, что, наряду с фиксацией количества запомненного материала проводится качественный анализ ассоциаций, используемых испытуемым при запоминании.

Краткое описание методики МДС

Разработанная нами методика МДС существует в нескольких версиях: для детей и взрослых, при этом каждая из версий имеет по две параллельные формы «А» и «Б». *Стимульный материал* методики МДС представляет собой ряд слов для запоминания и набор вспомогательных стимулов-карточек с картинками. Также в комплект входят регистрационный бланк и несколько дополнительных слов и картинок для тренировки.

Процедура тестирования состоит из 2-х шагов: «запоминание» и «воспроизведение». Перед испытуемым в случайном порядке раскладываются карточки с картинка-

ми. Экспериментатор предлагает испытуемому запоминать слова, а для лучшего запоминания использовать картинки, каждый раз выбирая ту из них, которая «поможет запомнить слово». Экспериментатор произносит слова последовательно, по одному. Каждый раз испытуемый выбирает из набора наиболее подходящую (на его взгляд) картинку и отдаёт её экспериментатору. Экспериментатор заносит в бланк номер выбранной картинке рядом с номером произнесённого слова. Затем называет второе слово, – и так далее. Выбранные карточки в набор не возвращаются, после завершения тестирования остаются неиспользованными несколько картинок.

Для воспроизведения экспериментатор последовательно предъявляет испытуемому выбранные им картинки, по ассоциации с которыми испытуемый должен вспомнить слова основного ряда. Правильность ответа фиксируется в бланке. Если слово воспроизведено правильно, экспериментатор задаёт вопрос, направленный на выяснение типа ассоциации, которой воспользовался испытуемый для запоминания: «Почему к этому слову Вы подобрали именно эту картинку»? Ответ испытуемого (ассоциативная связь) подробно заносится текстом в регистрационный бланк. После этого предъявляется следующая картинка.

Итоговый балл методики МДС складывается из двух качественно различных показателей: количества правильно воспроизведённых слов (Σ_1) и суммы дополнительных баллов, полученных за ассоциации (Σ_2). Чтобы вычислить второй показатель проводится качественный анализ ассоциаций (для чего используется подробно прописанная схема контент-анализа). В результате такой обработки ассоциации испытуемого распределяются по 3-м группам, соответствующим глубине обработки информации. За разные типы ассоциаций начисляются различные дополнительные баллы. В итоге, более высокий балл получают те испытуемые, которые используют более продуктивные ассоциации.

Разработка и психометрическая проверка методики МДС

Разработка системы классификации ассоциативных связей

Исходной задачей, с которой началась разработка методики МДС, была задача создания такой системы классификации ас-

социаций, которая позволяла бы различать качественно разные уровни анализа информации при запоминании. Для этого был собран эмпирический материал: зафиксированы ассоциации, которые используют взрослые и дети при запоминании слов методом двойной стимуляции. Затем полученные ассоциации подвергались анализу. (Всего были проанализированы ассоциации 55 детей – 673 ассоциации и 42 взрослых – 714 ассоциаций).

В основу категоризации были положены различия в том, какого рода признаки выделяются в объектах для создания ассоциативных связей. Такой анализ позволил выделить несколько качественно различных типов ассоциаций. (Характерно, что у детей и взрослых были обнаружены одни и те же типы ассоциаций, но в разном количественном соотношении). Дальнейший анализ показал, что все выделенные типы ассоциаций действительно могут быть разбиты на три группы, соответствующие уровням обработки информации, описанным в теории Ф. Крэйка и Р. Локхарта:

1. Запоминание с опорой на внешние признаки.

2. Запоминание, основанное на значении понятий.

3. Построение сложных ассоциативных связей с привлечением дополнительной информации, хранящейся в памяти.

Остановимся подробнее на особенностях каждой группы и кратко охарактеризуем включённые в них типы ассоциаций.

Группа I. Запоминание с опорой на внешние признаки.

Использование ассоциаций 1-й группы соответствует I-му уровню обработки информации. На этом уровне глубина обработки невелика: анализ скользит по поверхности, выделяются признаки, которые доступны непосредственному восприятию и не требуют обращения к значениям понятий, выделения внутренних, скрытых от наблюдателя характеристик и свойств. Например, для зрительных паттернов, – это форма, цвет, линии, углы. Если запоминание происходит с опорой на стимулы других модальностей (например, звуковые или тактильные), то используются и соответствующие признаки (гладкость – шероховатость, громкость звука и т.д.). Поскольку в предлагаемой методике для запоминания слов используются карточки с картинками, то активизируется именно зрительная модальность. Для образования ассоциативных связей на I-м

уровне используется «внешнее сходство»: очевидные внешние признаки, такие, как форма, цвет, похожие элементы, детали. Например, запоминая слово «яблоко», испытуемый может выбрать картинку с изображением часов и объяснить, что они «оба круглые».

Группа II. Запоминание, основанное на значении понятий.

Более глубокий уровень обработки информации предполагает обращение к значениям понятий. Используя в своём мышлении понятия, мы абстрагируемся от конкретных объектов. Например, понятие яблока, это не просто обозначение конкретного яблока, а абстрактная категория, потенциально объединяющая в себе все возможные яблоки с их наиболее типичными свойствами. Называя понятие, мы имплицитно уже имеем в виду тот набор признаков, который его характеризует. А это, в большинстве своём, не просто внешние, наглядные признаки, но скрытые от глаз сущностные характеристики. Среди них: родовое понятие, функциональное назначение, внутренние свойства, устойчивые связи данного класса явлений с другими явлениями и т.д. Ассоциации, основанные на использовании значений понятий, могут опираться на все перечисленные признаки. Соответственно, арсенал «зацепок для запоминания» значительно увеличивается, и появляется свобода выбора для образования ассоциативных связей. Теперь мышление не ограничено только внешним сходством и, поэтому, гораздо легче найти общее свойство для двух объектов. Соответственно, возможности для запоминания возрастают.

В отличие от предыдущего уровня, для построения ассоциаций 2-й группы выбираются уже такие свойства, которые недоступны непосредственному восприятию (родовые признаки, функциональные признаки, внутренние свойства и т.д.). Или же ассоциации опираются на естественные формы взаимодействия между явлениями, причинно-следственные связи между ними. Во 2-ю группу входят такие типы ассоциаций, как «общее родовое понятие», «общие функциональные свойства», «естественные взаимосвязи» и «причинно-следственные связи».

Группа III. Построение сложных ассоциативных связей с привлечением дополнительной информации.

Несмотря на разнообразие ассоциаций второй группы, возможность их построения всё же ограничена объективным содержи-

ем связываемых понятий. Далеко не все явления имеют общие свойства, могут вступать во взаимодействие или связаны причинно-следственными зависимостями. Чтобы соотнести «далёкие» понятия, необходимо использовать более сложные ассоциации, требующие привлечения дополнительной информации. Например, можно найти третье понятие, которое имеет нечто общее с каждым из двух исходных стимулов, или создать такой контекст, где несовместимые, на первый взгляд, явления объединяются в общем сюжете.

Ассоциации, принадлежащие к 3-й группе, нельзя назвать типичными и очевидными, в них часто присутствует привкус оригинальности, нестандартности. Отличительная особенность ассоциаций 3-й группы заключается в том, что связи строятся не напрямую между стимульными объектами, а опосредуются новой информацией, изначально не присутствующей среди исходных стимулов. Таких способов внесения новой информации в ассоциативную взаимосвязь несколько. Рассмотрим их подробнее.

Самым простым образцом ассоциаций, принадлежащих к 3-й группе, выступают такие, где связь между объектами опосредована третьим элементом. Это может быть построение так называемой «цепочки»: новое понятие выступает в качестве промежуточного звена, посредством которого соединяются два исходных. Например, для объединения пары «средневековый замок и книга» используется понятие «библиотека»: «В замке есть библиотека, где хранятся старинные книги». Все три объекта как бы выстраиваются в цепочку, звенья которой последовательно связаны друг с другом. (Хорошим примером такого типа взаимосвязи служит известное шуточное стихотворение про «Дом, который построил Джек»).

Достаточно редкий, но интересный тип ассоциаций в этой группе – «комбинирование деталей». Он отличается тем, что для образования ассоциативной связи используются не сами исходные понятия как таковые, а лишь их элементы и детали. Обычно к комбинированию деталей прибегают именно тогда, когда понятия настолько далеки, что их невозможно связать, опираясь на их существенные признаки. Поэтому очень часто используются несущественные детали: штрихи, количество точек, направление линий какого-либо элемента рисунка (хвоста, паруса, крыла). Например, пара «корабль и

кошка» была объединена с помощью комбинирования деталей следующим образом: «На картинке хвост у кошки похож на букву «S»; когда корабль тонет, подадут сигнал «SOS», который начинается с этой буквы». (Примечательно, что такая ассоциация даёт более прочный мнемонический след, чем очевидная: «кошку берут на корабль для удачи»). Особенность ассоциаций, построенных на комбинировании деталей, в том, что выделенные детали абстрагируются от понятия-стимула и приобретают самостоятельное значение. Мы как бы создаём новую информационную единицу из сопутствующего материала, с которой и строим взаимосвязи (в приведённом выше примере – это буква «S» и сигнал «SOS»).

Иногда, прямое объединение двух понятий маловероятно, но становится возможным в некотором контексте. «Связь в контексте» – ещё один тип ассоциаций, принадлежащий к III-му уровню обработки информации. Контекст создаёт новое информационное поле, в пространстве которого искомая взаимосвязь воспринимается естественной. Например, может быть описан «частный случай» – некие уникальные условия, в рамках которого понятия-стимулы могут быть взаимосвязаны.

Особо интересен здесь тип ассоциаций, называемый – «связь с «подтекстом». По определению, подтекст – это внутренний, скрытый смысл высказывания – некоторое содержание, которое явно не проговаривается, но имеется в виду и легко домысливается слушателем. Для примера – пара ассоциативных связей с подтекстом, построенных детьми. Для запоминания слова «доброта» выбирается картинка с кошкой: «Утром кошка незаметно вышла из погреба, и целый день была очень добрая». Для запоминания слова «конфета» выбирается картинка, где изображён горшочек с кашей: «Если после обеда горшочек с кашей остался полный, это значит, что плохо спрятали конфеты».

Ассоциации с подтекстом часто вызывают улыбку или смех. И это не случайно, поскольку способ построения таких ассоциаций сродни способу построения анекдотов и затрагивает базовые механизмы восприятия юмора. Здесь цель говорящего – сообщить именно содержание подтекста, однако, не проговаривая его. Неопределённость высказывания провоцирует стремление слушателя объяснить для себя ситуацию. Мысленно отвечая на вопрос: «почему

так произошло, какая тут связь», он получает подтекстовое сообщение (в примерах выше: о том, что кошка полакомилась сметаной, а дети перед обедом съели конфеты). При этом внешнее сообщение построено так, что легко подводит слушателя к искомой мысли, и он сам быстро достраивает содержание подтекста, как бы «улавливая» скрытую мысль. Такая игра и вызывает эмоциональную реакцию (известно, что чувство юмора во многом базируется на игре контекстами и подтекстами). В ассоциациях с подтекстом скрытое сообщение и представляет собой ту дополнительную информацию, в контексте которой осмысливается взаимосвязь понятий-стимулов.

К этой же группе III относятся ассоциации, построенные на основе «изменения значения понятия». Использование переносного значения понятий лежит в основе таких литературных приёмов, как метафора, метонимия и др. Что касается построения ассоциаций, то изменение значения понятий предоставляет дополнительную возможность для поиска способа взаимосвязи там, где исходные понятия-стимулы в своём прямом, буквальном значении не находят соприкосновения. Например, для запоминания слова «туман» выбирается картинка, где изображена шляпа фокусника: «Фокусник напускает туман на публику»; или рисунок средневекового замка: «Старый замок овеян туманом тысячелетий». Изменение значения понятия влечёт за собой изменение ассоциативного поля (сравните: туман, как атмосферное явление, «напустить туман на публику» и «туман тысячелетий»). Таким образом, в ситуацию опять же вводится новая информация, которая и используется при построении ассоциации.

Конечно, построение ассоциативных связей, принадлежащих к 3-й группе, требует более сложных мыслительных действий, более глубокого анализа и даже значительной доли креативности. Однако и следы памяти, закреплённые таким способом, отличаются высокой прочностью.

Ещё раз кратко обобщим ключевые признаки каждой группы ассоциаций.

I. *Запоминание с опорой на внешние признаки.* Выделяются признаки, которые доступны непосредственному восприятию (в данном случае, их можно обнаружить на картинке). Объект анализируется по его чисто физическим или сенсорным деталям (форма, цвет и т.д.), не затрагиваются внут-

ренние, скрытые от наблюдателя характеристики и свойства.

II. *Запоминание, основанное на значении понятий.* Выбираются уже такие свойства, которые недоступны непосредственному восприятию (родовые признаки, функциональные признаки, внутренние свойства и т.д.); также в основе ассоциаций могут лежать естественные взаимосвязи между явлениями (например, причинно-следственные). Характерно, что в ассоциативную связь включены только два исходных стимульных объекта, и не привлекается никакая дополнительная информация.

III. *Построение сложных ассоциативных связей с привлечением дополнительной информации, хранящейся в памяти.* В систему ассоциативных связей включается дополнительная информация, не присутствующая среди исходных стимулов (третий элемент, контекст, изменённое значение понятия и т.д.). Хотя используются способы связи, характерные и для ассоциаций 2-й группы (взаимодействие, причинно-следственные и др.), связи строятся не напрямую между стимульными объектами, а опосредуются новой информацией.

Напомним ещё раз, что при анализе результатов методики МДС задача качественного анализа – чётко разделить полученные ассоциации на три группы. Именно принадлежность к группе отражает глубину обработки информации при запоминании, и именно правильная идентификация группы влияет на итоговый результат по субтесту.

Анализ продуктивности различных категорий ассоциаций

В целом, продуктивность различных категорий ассоциаций для запоминания зависит: (а) от того, насколько широка их область применения и (б) от того, насколько прочный след в памяти они обеспечивают.

Если рассматривать первый критерий, то нетрудно заметить, что область применения становится шире при переходе от 1-й группы ассоциаций к 3-й. Ассоциации 1-й группы ограничены объективными характеристиками стимулов: они могут быть полезны только в том случае, когда объекты, между которыми надо установить связь, действительно имеют внешнее сходство. Как нетрудно догадаться, таких сочетаний не слишком много. Ассоциации, опирающиеся на значения понятий (2-я группа), предлагают гораздо более обширный арсенал при-

знаков, которые можно использовать для построения взаимосвязей (родовые и функциональные признаки, внутренние свойства объектов, устойчивые связи данного класса явлений с другими и т.д.). Соответственно, область применения таких ассоциаций заметно расширяется. Ассоциации 3-й группы считаются универсальными: привлекая к построению ассоциаций дополнительную информацию, можно связать любые два объекта. Поскольку дополнительная информация, привлекаемая для построения ассоциаций изначально не задана и произвольно подбирается испытуемым, ограничения исходных стимулов здесь не являются препятствием, и степень свободы при создании таких ассоциаций не ограничена.

Прочность следа, обеспечиваемого разными группами ассоциаций, проверялась эмпирически. Для этого изучалась точность воспроизведения материала, который запоминался при помощи различных типов ассоциативных связей: оценивалось количество правильно воспроизведённых слов и характер ошибок. Исследование состояло из нескольких проб, в которых использовались разные наборы стимульного материала, отличающиеся по сложности; в качестве испытуемых были привлечены 35 детей и 40 взрослых.

Во всех случаях полученные данные подтвердили предположение о том, что применение ассоциаций 3-й группы обеспечивает наиболее точное и безошибочное воспроизведение информации по сравнению с более простыми способами связи. Процент ошибочности для ассоциаций 3-й группы не поднимался выше 15% даже при значительном усложнении стимульного ряда.

Для сравнения, ассоциации 1-й группы дают максимальный процент ошибочности при воспроизведении (до 47% в среднем по группе испытуемых). При этом, продуктивность таких ассоциаций существенно зависит от состава стимульного материала. В частности, при появлении в наборе слов абстрактного характера использование ассоциаций 1-й группы (с опорой на внешние наглядные признаки) становится невозможным. Если же материал конкретен, то для ассоциаций этой группы количество ошибок резко возрастает с увеличением длины ряда (числа запоминаемых слов).

Ассоциации 2-й группы занимают промежуточное положение: максимальный процент ошибочности, зафиксированный нами,

– 32% (в среднем по группе испытуемых). При этом для ассоциаций 2-й группы наблюдается специфика ошибок: наиболее типичные ошибки – это замена ключевых слов на синонимы или родственные понятия (что объясняется самим характером ассоциаций, основанных на значении понятий).

Таким образом, нам удалось показать, что запоминание, в основе которого лежат ассоциативные связи 3-й группы (с привлечением дополнительной информации, хранящейся в памяти), обеспечивает наиболее прочный след в памяти. Построение ассоциаций этой группы часто предваряется тщательным сканированием многочисленных признаков и перебором вариантов, что приводит к семантико-ассоциативному обогащению стимула. Кроме того, при построении ассоциаций 3-й группы включаются несколько факторов, которые традиционно выделяют, как способствующие запоминанию. Это:

– продуктивная (творческая) активность: построение ассоциаций 3-й группы – это всегда создание нового (новый контекст, новое значение, дополнительный связующий элемент);

– уникальность: ассоциации 3-й группы, как правило, оригинальны и уникальны. Это снижает интерференцию и повышает точность при воспроизведении. (Объект, включённый в оригинальную комбинацию, состоящую из нескольких элементов, очень трудно чем-то заменить при воспроизведении);

– субъективный опыт: привлечение к построению ассоциаций субъективного опыта обеспечивает более прочный след;

– эмоциональный компонент: большинство ассоциаций 3-й группы эмоционально окрашены, что также способствует закреплению следа в памяти.

Поскольку ассоциации, принадлежащие к разным группам имеют разный потенциал для запоминания (при переходе от 1-й группы к 3-й область применения ассоциаций расширяется, а след в памяти становится более прочным), при обработке результатов методики МДС за ассоциации, принадлежащие к разным группам, начисляется разное количество дополнительных баллов (от «0» до «2»). Таким образом, испытуемый, использующий более продуктивные ассоциации, получает в итоге больше баллов.

Отбор и проверка стимульного материала

Напомним, что в качестве материала методики МДС используются два набора стимулов: (1) основные стимулы-слова для запоминания и (2) вспомогательные стимулы-картинки. Состав стимульного материала может во многом влиять как на сложность и дискриминативность методики, так и на её валидность. Поэтому при разработке методики особое внимание уделялось подбору и проверке стимульного материала. Чтобы методика удовлетворяла элементарным психометрическим требованиям, сложность стимульного ряда должна быть выверена так, чтобы обеспечивала хороший разброс и нормальное распределение результатов для конкретной возрастной группы. Кроме этого, состав стимульного материала должен предоставлять испытуемым возможность выстраивать ассоциативные связки различной степени сложности.

В ходе специально организованного исследования мы изучали особенности ответов испытуемых на стимульные ряды, обладающие разными характеристиками. В эксперименте варьировалась длина ряда (количество слов для запоминания), изучались эффекты преобладания конкретных или абстрактных стимулов в вербальном (основном) и визуальном (дополнительном) рядах, выверялось сочетание основных и дополнительных стимулов по содержанию.

Одних и тех же испытуемых тестировали при помощи разных наборов стимульного материала, полученные результаты сравнивались. Подсчитывалось количество правильно воспроизведённых слов, число ассоциаций, принадлежащих к разным группам, проводился качественный анализ типичных ошибок, рассматривались особенности распределения результатов.

Наиболее любопытные результаты были получены при экспериментировании с *абстрактным и конкретным материалом*. Прежде всего, не подтвердилось предположение о том, что присутствие среди слов для запоминания абстрактных понятий делает задание более сложным. (Существенным оказался лишь факт понимания испытуемым значения понятия). Оказалось, что в целом, ряды, в которые включены абстрактные понятия, испытуемые запоминают даже несколько лучше, чем те, которые полностью состоят из конкретных. Дело в том, что абстрактные понятия, обладая большим семан-

тико-ассоциативным богатством, позволяют выстраивать связки в среднем с большим количеством стимулов, в том числе визуальных, предоставляя испытуемым больше свободы и больше возможностей при построении ассоциаций. Конкретные понятия в этом смысле накладывают заметные ограничения. Кроме того, наличие в вербальном ряду абстрактных понятий стимулирует построение более сложных форм ассоциативных связей, что позволяет проявить себя лучшим испытуемым, увеличивая дискриминативность теста. Таким образом, оптимальный состав вербального стимульного ряда должен быть смешанным, включающим как конкретные, так и абстрактные понятия.

Закономерности, полученные для визуального ряда несколько иные. Использование в качестве дополнительных стимулов абстрактных рисунков усложняет задачу: процент воспроизведения резко снижается, особенно у детей. По всей видимости, причиной этому – неопределённость абстрактного визуального символа: для того, чтобы использовать его в качестве вспомогательного, такому символу необходимо сначала придать значение и мысленно зафиксировать это значение за образом. Подобные операции существенно усложняют задачу. Поэтому было принято решение не использовать в качестве дополнительных стимулов абстрактные изображения.

Отдельной и весьма серьёзной задачей стала проверка сочетания основных и дополнительных стимулов в наборе. Для данной методики оптимален такой состав стимульного материала, в котором отсутствуют фиксированные пары слов и картинок. Идеально, когда для запоминания одного и того же слова могут использоваться разные картинки, а одна и та же картинка потенциально может быть связана со множеством различных слов.

Уже на начальном этапе были приняты ограничения, касающиеся сочетания основных и дополнительных стимулов: в наборе не должно быть совпадений слов и картинок по содержанию, а также устойчивых семантических пар (например, корова – молоко и т.п.). Тем не менее, такие меры ещё не гарантируют отсутствия в наборе устойчивых сочетаний, «диктующих» определённые ассоциации. Поэтому проводилась эмпирическая проверка состава материала с целью исключения из набора устойчивых пар.

При проверке стимульного материала для каждого слова основного ряда фиксировались номера картинок, выбранных испытуемыми. Выделялись случаи, когда более 40% испытуемых использовали для запоминания определённого слова одну и ту же картинку: в таких случаях заменялись либо слово, либо картинка. Также отмечались изображения, которые редко выбирались испытуемыми. Такие картинки исключались из набора и заменялись другими. После изменения содержания набора проводилась его вторичная проверка.

Как показало наше исследование, существенным фактором, определяющим качество стимульного материала, является *информационная насыщенность рисунков*. Информационно насыщенные – это картинки богатые деталями, сюжетные рисунки, эмоционально окрашенные изображения; примером информационно бедных стимулов могут служить геометрические фигуры, условные схематические изображения и т.д.). Именно информационная насыщенность дополнительных стимулов создаёт такие условия, когда каждая картинка может быть связана со множеством различных слов и допускает построение ассоциаций различных типов. Поэтому, составляя итоговый визуальный ряд, мы отдавали предпочтение информационно насыщенным изображениям.

Кроме этого, в предлагаемой версии методики стимулы (слова и картинки) специально подобраны так, что их сочетание предоставляет мало возможностей для образования ассоциативных связей 1-й группы (с опорой на внешнее сходство). Такая организация материала призвана стимулировать более глубокие формы анализа, и обеспечивает методике достаточный уровень сложности, позволяя оценить максимально доступную для испытуемого глубину обработки информации.

В поиске *оптимальной длины ряда* для разных возрастных групп испытуемых проверялись наборы, состоящие из разного количества слов. Оптимальной для детей 6–7 лет оказалась дина ряда в 15 слов: в этом случае обеспечивается нормальное распределение результатов со средним количеством воспроизводимых слов = 8,2 (аналогичные данные для детей 6–7 лет приводятся и в работе А.Н. Леонтьева: $X_{ср.} = 8,1$ при длине ряда в 15 слов). Для сравнения – при тестировании взрослых испытуемых необходимо использовать ряд, состоящий уже из 25 слов:

меньшее количество даёт сильное смещение мер центральной тенденции в зону максимальных результатов. Характерно, что в экспериментах А.Н. Леонтьева для взрослых испытуемых использовались ряды, состоящие, как и для детей, из 15 слов (Леонтьев А.Н., 1972). При этом, данные, приведённые А.Н. Леонтьевым: $X_{ср.}=14,28$; $M_o=15$; $M_e=14,7$ указывают на эффект «потолка теста» – недостаточность длины и сложности ряда для взрослых испытуемых.

Таким образом, в итоговой версии методики в качестве материала для детей используются 15 слов для запоминания и 20 картинок, для взрослых – 25 слов и 30 картинок. Вербальный ряд состоит как из конкретных, так и из абстрактных понятий. При этом, используются только существительные, в ряду отсутствуют синонимы и однокоренные слова. В качестве дополнительных стимулов применяются чёрно-белые изображения, достаточно информационно насыщенные (сюжетные, с большим количеством деталей и т.д.), не используются абстрактные рисунки. Сочетание основных и дополнительных стимулов выверено так, чтобы исключить совпадение слов и картинок по содержанию, наличие устойчивых пар, а также ограничить возможность построения простых ассоциаций 1-й группы.

Проверка надёжности и валидности методики МДС

Качественный анализ, используемый при анализе ассоциаций, предполагает проверку *надёжности оценщика*. Разным диагностам предлагались для оценки заполненные бланки методики МДС с протоколами ассоциаций. Проверялось совпадение мнений экспертов по поводу отнесения полученных ассоциаций к различным типам и вычислялась корреляция итоговых оценок для разных экспертов. Полученные коэффициенты корреляции располагаются в пределах от 0,84 до 0,92 для разных форм методики (использовались выборки в количестве от 38 до 46 человек). Полученная величина коэффициента надёжности достаточно высокая, поскольку на итоговую оценку влияет только правильность разнесения ассоциаций на 3 группы: ошибки при определении кон-

кретного типа ассоциаций внутри каждой группы не отражаются на результатах. Как правило, такая «грубая» классификация не вызывает у диагностов особых затруднений. При этом, нередки разночтения в трактовке отдельных ассоциаций внутри группы, как принадлежащих к разным типам. Такая несогласованность касается, прежде всего, ассоциаций 3-й группы, поскольку среди них достаточно часто встречаются «смешанные» категории (см. подробно описание типов ассоциаций). Однако повторим, что задача качественного анализа – чётко разделить полученные ассоциации на три группы, вариации же внутри группы не влияют на итоговую оценку по тесту.

Эмпирическая проверка *взаимозаменяемости форм* проводилась на выборках детей (58 человек) и взрослых (60 человек). Корреляции между показателями, полученными по двум формам теста: 0,86 – для детей и 0,79 – для взрослых.

Данные по *ретестовой надёжности* были получены для каждой формы методики на выборках детей и взрослых в количестве от 62 до 65 человек. Интервал между срезами составил 14–20 дней. Коэффициенты надёжности располагаются в пределах от 0,83 до 0,89.

Сведения о *валидности* субтеста были получены при изучении взаимосвязей МДС с другими методами исследования памяти (Мельникова Н.Н., 2001). Испытуемые в количестве 109 человек были протестированы при помощи следующих методов:

- 1) метод Джекобса (объём кратковременной памяти),
- 2) метод тождественных рядов,
- 3) метод удержанных членов ряда,
- 4) метод заучивания – воспроизведения,
- 5) метод реконструкции,
- 6) метод парных ассоциаций,
- 7) метод пиктограмм,
- 8) смысловое запоминание (запоминание текстов),
- 9) метод двойной стимуляции (МДС).

Вычислялись интеркорреляции между всеми использованными методами, отдельно рассматривались взаимосвязи с МДС (приведены в таблице).

Корреляции методики МДС с другими методами исследования памяти

№	метод	r
1	Метод Джекобса (объём кратковременной памяти)	-0,041
2	Метод тождественных рядов	0,188
3	Метод удержанных членов ряда	0,267**
4	Метод заучивания – воспроизведения	0,353***
5	Метод реконструкции	0,332***
6	Метод парных ассоциаций	0,435***
7	Метод пиктограмм	0,298**
8	Смысловое запоминание (запоминание текстов)	0,310**

Условные обозначения:

** – корреляция значима на уровне 0,01;

*** – корреляция значима на уровне 0,001.

Как мы видим, взаимосвязи МДС отсутствуют только с двумя методами: методом Джекобса и методом тождественных рядов. Первый из них измеряет объём кратковременной памяти, который во многом физиологически задан и не предполагает анализа информации при запоминании; второй изучает процессы воспроизведения в форме узнавания, что также мало затрагивает способность устанавливать взаимосвязи между объектами при их запоминании. Наиболее тесную связь ($r=0,435$) МДС обнаруживает с методом парных ассоциаций, который построен по тому же принципу образования ассоциативных связей между двумя стимулами. Однако, для метода парных ассоциаций, как правило, используются стимулы одной природы (обычно вербальные), при этом, испытуемый лишён возможности свободного выбора дополнительного стимула и вынужден работать в достаточно жёстком временном режиме. Поэтому, метод парных ассоциаций при той же длине ряда оказывается более сложным, чем МДС, особенно для детей. (Конечно, при условии, что среди пар отсутствуют устойчивые семантические сочетания, типа «корова – молоко», «карандаш – бумага»).

Анализ полной матрицы интеркорреляций показал, что данные МДС имеют также наибольший вес в корреляционной структуре (обнаруживают наибольшее количество взаимосвязей с другими методами, при этом уровень значимости корреляций соответствует $p < 0,01$ и выше). Для сравнения, метод исследования объёма кратковременной памяти не связан ни с одним из перечисленных выше методов; метод парных ассоциаций, хотя и даёт целых пять корреляций, однако, три из них невысокого уровня значимости (лишь $p < 0,05$). Такие данные говорят о том, что методика МДС «снимает» некий интегральный показатель, затрагивающий самые разнообраз-

ные процессы памяти. Эта особенность методики делает её наиболее продуктивной для общей неспецифичной оценки функционирования памяти, что актуально, например, при построении прогнозов для такой многоаспектной деятельности, как обучение.

Дополнительные данные о прогностической валидности детской формы МДС для школьного обучения были получены в рамках валидации батареи ГОШ (где методика МДС используется в качестве одного из субтестов). Для этого тестовые результаты поступающих в школу детей соотносились с внешним критерием – последующей успешностью их обучения в 1-м классе общеобразовательной школы. Коэффициент корреляции субтеста с общей успеваемостью составил 0,564 (на выборке 297 человек).

Стандартизация детской формы методики МДС проводилась в рамках апробации батареи ГОШ на выборке 500 человек. Для стандартизации взрослой формы были привлечены 240 испытуемых. В качестве стандартных единиц используется девятибалльная шкала «станайн». Методика сопровождается таблицами перевода сырых оценок в стандартные.

Литература

1. Анастаси, А. Психологическое тестирование / А. Анастаси, С. Урбина. – СПб.: Питер, 2001. – 668 с.
2. Выготский, Л.С. Культурное развитие специальных функций: память / Л.С. Выготский, А.Р. Лурия // Этюды по истории поведения. – М., 1993.
3. Клайн, П. Справочное руководство по конструированию тестов. Введение в психометрическое проектирование / П. Клайн. – Киев: «ПАН ЛТД», 1994. – 284 с.

4. Леонтьев, А.Н. Развитие высших форм запоминания / А.Н. Леонтьев // Проблемы развития психики. – М., 1972.

5. Мельникова, Н.Н. Память: практикум по общей психологии / Н.Н. Мельникова. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. – 43 с.

6. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – М., 1996. – 600 с.

7. Craik, F.I.M. Levels of processing: a framework for memory research / F.I.M. Craik,

R.S. Lockhart // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1972. – №11. – P. 671–684.

8. Lockhart, R.S. Depth of processing in recognition and recall: some aspects of a general memory system / R.S. Lockhart, F.I.M. Craik, L.L. Jacoby / *Recognition and recall* / In J. Brown (Ed.). – London: Wiley, 1975.

Поступила в редакцию 11.12.2008.

Мельникова Наталья Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ЮУрГУ. Область научных интересов: психология организации жизни, социально-психологическая адаптация личности, системный подход в психологии: MNN17@yandex.ru.

Natalia N. Melnikova. Candidate of Psychological sciences, docent of department of social psychology of South Ural State University. Area of scientific interests: psychology of the organisation of a life, socially-psychological adaptation of the person, the system approach in psychology: MNN17@yandex.ru.

Полев Дмитрий Михайлович. Старший преподаватель кафедры социальной психологии ЮУрГУ. Специалист в области политического консалтинга, маркетинговых исследований и рекламы. Область научных интересов: восприятие человека человеком: PolevDM@yandex.ru.

Dmitry M. Polev. Assistant of professor of department of social psychology of South Ural State University. The expert in the field of political consulting, marketing researches and advertising. Area of scientific interests: social perception: PolevDM@yandex.ru.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ КРИТИЧНОСТИ ПРИ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

К.В. Мещерякова, А.Ю. Рязанова

Проведен анализ проблемы исследования критичности в психологии, патопсихологии и в связи с задачами судебно-психологической экспертизы. Проведено сравнительное исследование критики, критичности и критических способностей как предмета психологического исследования. Рассмотрены особенности патопсихологической диагностики критичности и специфика ее исследования при судебно-психологической экспертизе подростков.

Ключевые слова: критичность личности, судебно-психологическая экспертиза.

Изучение проблемы критичности было и остается одним из самых актуальных исследований современной патопсихологии (Кудрявцев И.А., 1986, 1988; 1999; Кожуховская И.И., 1985). Вопросы критичности имеют важное теоретическое и практическое значение для общей психологии, патопсихологии, психиатрии, а также при решении задач судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертизы.

Критичность – сложное и многомерное понятие. Содержание этого понятия зависит от области научного познания и обусловлено сферой интересов разных авторов (медицина, общая психология, патопсихология, судебная психиатрия и психология). Как отмечала Б.В. Зейгарник (1972) «Понятие критичности носит в психиатрии неоднозначный характер, часто имеется в виду критичность к бреду, галлюцинациям и другим болезненным переживаниям». На сегодняшний момент не существует единого определения критичности. Многие авторы используют этот термин, вкладывая в него свое содержание и описывая его в разных категориях. С одной стороны, критичность рассматривается как сознательный контроль за выполнением интеллектуальной деятельности и проявляется в способности осознавать и исправлять ошибки. С другой стороны, она понимается как «вершинное образование личности», как показатель сохранности личностно-мотивационной сферы (Зейгарник Б.В., 1976), т.е. связывается с саморегуляцией, самосознанием и самооценкой.

Ранее предпринимались попытки систематизации понятия критичности. Так, И.И. Кожуховская (1985) рассматривает по-

нятие критичности в трех аспектах (критичность к своим суждениям, действиям и высказываниям; критичность к себе, к оценке своей личности; критичность к своим психопатологическим переживаниям). Считает целесообразным разделять понятия «критики», «критичности», «критических способностей» М.Б. Симоненкова (1986). Так, под *критикой* автор понимает сложный оценочный процесс, складывающийся из предварительного определения личностного смысла и общественного значения своего действия, поступка, поведения в конкретной ситуации и последующего сопоставления и упорядочивания сделанных оценок в соответствии с иерархией устойчивых смыслов личности. *Критичность* рассматривается ею как конечный обобщенный результат этого процесса, как важнейший показатель возможности опосредования и саморегуляции поведения человека, а *критические способности* – как базовые психологические предпосылки (в широком смысле – когнитивные и личностные), определяющие возможность осуществления критических оценок, качество и глубину процесса критики. В этом смысле, при рассмотрении целостной истории жизни индивида, критичность – центральное личностное свойство, а при ситуационно-динамическом подходе, при анализе конкретного момента – актуальное психическое состояние.

Представляет особый интерес систематизация феноменологии критичности, предложенная И.А. Кудрявцевым (1988). Он различает критичность как основное, «ядерное» свойство личности; акт критики как процесс соотнесения субъективных (личностные смыслы) и объективных (значения, нормы)

эталонной деятельности и поведения; критические способности как психические (интеллектуальные, эмоциональные и др.) и личностные предпосылки успешности осуществления оценочного процесса (акта критики).

Однако, как указывает И.И. Кожуховская (1985) и др. авторы, деление критичности на различные виды в известной мере условно, поскольку не учитывает всю многоаспектность понятия.

Разное понимание критичности, нечеткость определения создает трудности в психологической диагностике этого феномена. В свою очередь, в практике это вызывает существенные проблемы при психологической диагностике критичности.

Выделяется несколько психодиагностических подходов к исследованию. Во-первых, патопсихологическое исследование, направленное на анализ нарушений критичности опирается на принцип, сформулированный А.Н. Леонтьевым (1975) – деятельность всегда побуждается и направляется мотивами, иерархия которых характеризует личности и составляет ее ядро. Поэтому обязательным становится анализ личностного отношения больного к ситуации эксперимента. Другим подходом к изучению проявлений не критичности является анализ нарушений внутренней организации умственного действия. Эти подходы обуславливают следующие направления построения программы исследования критичности (по Б.В. Зейгарник).

Для выявления нарушений критичности используются экспериментально-психологические методики, направленные на исследование самооценки, ценностных ориентаций, эмоционально-мотивационной сферы (шкалы самооценки Дембо-Рубинштейн, тест Рокича, тест Розенцвейга и др.), выявления отношения к ситуации эксперимента (методика исследования уровня притязаний). Кроме того, применяются методики, направленные на исследование познавательных процессов, поскольку «они не существуют изолированно от установок и потребностей личности» (Кожуховская И.И., 1985, с. 15), при этом акцент должен быть сделан именно на выявление личностных особенностей испытуемых (например, методика Эббингауза).

Обязательными для выявления нарушений критичности являются методы наблюдения, диалога, метод психологического анализа историй болезни, материалов

уголовного дела. Часто используется специально построенная беседа, в которой с испытуемым обсуждается его достижения в отдельных экспериментальных пробах и проведенного исследования в целом.

Таким образом, не существует специальных методик, прицельно направленных на исследование нарушений критичности. Как указывала Б.В. Зейгарник (1976), любая экспериментально-психологическая методика и наблюдение за поведением испытуемого во время эксперимента дает возможность судить о критичности пациента. Такое исследование предполагает проведение качественного, содержательного анализа результатов, вне стандартной процедуры исследования и без жесткого учета нормативов., не предусматривает возможность количественного определения результатов. Поэтому результаты различных методик трудно сопоставимы между собой. Кроме того, при отсутствии диагностических стандартов оценки критичности невозможно обобщение и сравнение результатов разных исследований (Иржевская В.П. с соавт., 2008). Такое исследование констатирует наличие либо отсутствие нарушений критичности у пациента, а качественный анализ результатов исследования описывает изучаемое свойство в оценочных категориях («незначительно выражены...»; «грубые нарушения...» и т.п.). Однако, нечеткость определения понятия критичности, проблемы его систематизации затрудняют трактовку полученных экспериментальных данных (Кудрявцев И.А., 1999), интерпретация зависит от субъективного мнения и профессионального опыта специалиста.

Отличительной особенностью судебной (в частности, судебно-психологической) экспертизы является необходимость установления степени снижения критичности, позволяющая впоследствии однозначно оценить соответствие характеристик нарушений критичности с экспертным решением. По существу речь идет о необходимости сформировать на основе материалов дифференцированной оценки данных экспериментально-психологического исследования все основания для вынесения экспертного решения, позволяющие впоследствии вынести одну из юридических квалификаций статуса подэкспертного – «вменяем», «ограниченно вменяем», «не вменяем».

Наибольшие трудности диагностики нарушений критичности связаны с экспертизой несовершеннолетних правонарушителей. Некоторая не критичность, свойственная подростковому возрасту в норме и проявляющаяся в личностной и социальной незрелости, недостаточной сформированностью волевой сферы, систем саморегуляции, неразвитостью самосознания, сложно дифференцируется от проявлений истинного нарушения критичности.

Указанные трудности в экспериментально-психологическом исследовании нарушений критичности могут быть преодолены с помощью внесения определенных изменений в традиционную практику применения методик для диагностики этого феномена.

Анализ литературы позволил авторам статьи выделить маркеры (индикаторы) нарушений критичности, очевидно проявляющиеся в результатах экспериментально-психологического исследования по традиционным патопсихологическим методикам и при клиническом исследовании (прежде всего – при наблюдении)..

Разработана система квалификации выявляемых при исследовании нарушений критичности, позволяющая установить соответствие качественных характеристик нарушения критичности (маркеров) и степени их выраженности с значениями шкалы регистрации нарушений. Шкала имеет размерность от 0 до 3 баллов. Вербальные характеристики балльных значений в целом традиционны для такого рода исследований – «отсутствие нарушений» (0 баллов), «минимально выраженные нарушения» (1 балл), «умеренно выраженные нарушения» (2 балла), «выраженные нарушения» (3 балла). Система обработки вынесенных балльных значений в целом учитывает проблемный характер психометрики при такого рода шкальных преобразованиях (внешне равноинтервальных характер балльных значений при фактически ранговом характере шкалы для квалификации степени выраженности нарушений «слабо – умеренно – сильно»).

Для решения задачи валидизации разработанной системы по принципу «внешнего критерия» была разработана экспертная карта оценки нарушений критичности по материалам исследования при помощи психопатологического (клинического, врачебного) метода и его сопоставления с ре-

зультатами экспериментально-психологического исследования и наблюдения. Кроме того, выполняется анализ вклада (веса, важности) того или иного подтвержденного психодиагностическими данными признака нарушения критичности в дифференцированную итоговую экспертную оценку (в заключение врача-психиатра-эксперта).

Таким образом, предложенный авторами статьи подход к организации клинико- и экспериментального исследования нарушений критичности при судебно-психологической экспертизе позволит отразить качественные данные исследования в количественных характеристиках наблюдаемых нарушений и соотнести их с экспертными решениями. Это позволяет использовать разработанный алгоритм диагностики нарушений критичности для решения задач судебно-психиатрической экспертизы.

Литература

1. Зейгарник, Б.В. Исследование уровня притязаний у психически больных / Б.В. Зейгарник // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1972. – №11. – С. 56–58.
2. Зейгарник, Б.В. Патопсихология / Б.В. Зейгарник. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 238 с.
3. Иржеская, В.П. Предметно-исторический анализ категории «осознание психической болезни» (инсайт) в психиатрии / В.П. Иржеская, Г.Е. Рупчев, М.А. Морозова, А.Ш. Тхостов // Журнал неврологии и психиатрии. – №4. – 2008. – С. 4–11.
4. Кожуховская, И.И. Критичность психически больных / И.И. Кожуховская. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 80 с.
5. Кудрявцев, И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза / И.А. Кудрявцев. – М.: «Юридическая литература», 1988. – 224 с.
6. Кудрявцев, И.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (научно-практическое руководство) / И.А. Кудрявцев. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 497 с.
7. Кудрявцев, И.А. Психологические проблемы критичности и некоторые механизмы отклоняющегося поведения / И.А. Кудрявцев, М.Б. Ерохина, А.Н. Лавринович, Ф.С. Сафуанов // Психологический журнал. – Т.7. – №2. – 1986. – С. 127–136.

8. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975.

9. Симоненкова, М.Б. Некоторые механизмы нарушений критичности у психо-

патических личностей: автореферат дис. канд. психол. наук / М.Б. Симоненкова – М., 1986.

Поступила в редакцию 01.12.2008.

Мещерякова Кира Васильевна. Преподаватель кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Kira V. Meshcheryakova. Assistant of professor, Department of Clinical Psychology, South Ural State University: 8(351)2679758.

Рязанова Анна Юрьевна. старший преподаватель кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Anna Y. Ryazanova. Assistant of professor, Department of Clinical Psychology, South Ural State University: 8(351)2679758.

ОПЫТ АДАПТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПРОСНИКА: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В.Е. Орёл, И.Г. Сенин

В статье приводится опыт адаптации зарубежного теста на примере опросника NEO PI- R. Рассматриваются организационные аспекты создания русскоязычной версии теста, связанных с соблюдением международных правовых норм. Описывается традиционная процедура создания первичной формы опросника и его психометрической проверки. Анализируются причины низкой эффективности утверждений, выявленных после анализа пунктов, а также некоторые моменты проверки психометрических характеристик теста.

Ключевые слова: адаптация тестов, психодиагностика, психометрика, пятифакторная модель личности, опросник NEO PI- R.

Введение в проблему

Исследование различных закономерностей функционирования и развития личности не возможно без наличия соответствующего диагностического инструментария. Вот почему проблема конструирования и использования психологических тестов является важнейшим аспектом наших научных интересов. Без ее решения невозможно проведение многих научных исследований, касающихся в частности, изучения специфики формирования личности в различных видах профессиональной деятельности.

В настоящее время отечественная психодиагностика имеет очень ограниченный арсенал стандартизированных личностных тестов, большинство из которых являются адаптированными вариантами зарубежных методик. Подобная ситуация в психодиагностике усугубляется еще и тем, что большинство адаптированных зарубежных тестов не содержит информации о способах и результатах их психометрической проверки. Некоторые же варианты личностных опросников, имеющее хождение в нашей стране, представляют собой простой перевод зарубежных тестов, без какой-либо статистической проверки и достаточной адаптации к условиям нашей культуры. Более того, подавляющее большинство переводов зарубежных опросников представляют собой контрафактную продукцию, что в современных условиях интеграции российской психологии в мировое психологическое сообщество не может не волновать зарубежных партнеров в плане нарушения авторских и издательских прав.

Поэтому появление любой новой хорошо проверенной и легально приобретенной методики диагностики личности будет способствовать не только повышению эффективности психологических исследований, получению более надежных данных, но и обеспечит возможность отечественных психологов безбоязненно презентировать результаты своих исследований на международных психологических форумах и избавит их от неприятностей судебного толка.

Целью настоящей статьи является ознакомление с опытом адаптации зарубежной методики с соблюдением всех юридических и психометрических мировых стандартов на примере широко известной за рубежом и ставшей в последнее время популярной у нас в стране, личностной методики NEO PI-R. Русскоязычная версия опросника NEO-PI-R была создана в 1997 году международным коллективом психологов в рамках научного сотрудничества между Ярославским государственным университетом им П.Г. Демидова и Саскаханна университетом (Пенсильвания, США) с согласия авторов методики и разрешения издательской фирмы. Авторами русскоязычной версии являются В.Е. Орёл, И.Г. Сенин, (Ярославский госуниверситет, Россия) и Томас А. Мартин (Саскаханна университет, США) (Орёл, 2004).

Выбор данной методики для применения в русскоязычной культуре был обусловлен следующими причинами:

Во-первых, результаты методики NEO PI-R хорошо коррелируют с оценками по

другим тестам, особенно с теми, которые построены на базе факторного анализа (опросники Г. Айзенка и Р. Кеттелла), что доказывает общность старых факторных моделей и «Большой Пятерки» (Первин и соавт., 2000). Аналогичные данные получены и в исследованиях отечественных ученых. В частности А.Г. Шмелева (Шмелев, 2002).

Во-вторых, существуют доказательства корреляции данных NEO PI-R с результатами оценки личностных черт, полученных с помощью других методов, например Q- сортировки или психосемантических методов (Первин и соавт., 2000, Шмелев, 2002).

В-третьих, опросник хорошо зарекомендовал себя как диагностический инструмент, что подтверждают созданные адаптированные версии опросника NEO PI-R в разных языковых культурах (немецкой, итальянской, китайской, португальской, испанской, японской, польской, и т.п.).

Прежде чем перейти непосредственно к основным этапам адаптации несколько слов о самой методике.

Описание методики

NEO PI-R был создан П. Коста и Р. МакКрае для операционализации пятифакторной модели личности (Costa et al., 1992). Эти пять факторов представляют собой наиболее базовые параметры, лежащие в основе личностных черт и идентифицируемые с помощью как языковых, так и психологических инструментов. Шкалы опросника были созданы и усовершенствованы на основе методов факторного анализа. Создатели теста интенсивно исследовали шкалы в течение 15 лет, как в клинике так на здоровых взрослых. В таблице представлен список шкал и подшкал NEO PI-R. Он позволяет дать общее представление о том, что измеряет данный психодиагностический инструмент.

Шкалы и подшкалы, измеряемые NEO PI-R

N: Нейротизм	N 1: Тревожность N 2: Враждебность N 3: Депрессия N 4: Рефлексия N 5: Импульсивность N 6: Ранимость
E: Экстраверсия	E 1: Сердечность E 2: Общительность E 3: Настойчивость E 4: Активность E 5: Поиск возбуждения E 6: Позитивные эмоции
O: Открытость опыту	O 1: Фантазия O 2: Эстетика O 3: Чувства O 4: Действия O 5: Идеи O 6: Ценности
A: Сотрудничество	A 1: Доверие A 2: Честность A 3: Альтруизм A 4: Уступчивость A 5: Скромность A 6: Чуткость
C: Добросовестность	C 1: Компетентность C 2: Организованность C 3: Послушность долгу C 4: Стремление к достижениям C 5: Самодисциплина C 6: Обдумывание поступков

Представленные в таблице пять шкал и тридцать подшкал NEO PI-R позволяют дать исчерпывающую всестороннюю оценку личности взрослого человека.

NEO PI-R является инструментом для измерения черт личности у нормальных индивидов. По мнению авторов теста, он может применяться как в клинике, так и в

научных исследованиях. Существует две версии NEO PI-R:

- форма S – для самооценивания;
- форма R – для экспертной оценки.

Форма S состоит из 240 пунктов, ответы на которые даются по 5-балльной шкале. Она проводится методом самооценивания и рассчитана на мужчин и женщин, достигших 16 лет. Опросник не предназначен для диагностики личностных характеристик индивидов, страдающих различного рода психическими нарушениями (например, психозами, деменцией и т.п.).

NEO PI-R не предоставляет полной информации, необходимой для всеобъемлющей психологической оценки. В зависимости от оцениваемого индивида для постановки диагноза и плана лечения могут быть необходимы дополнительные исследования: интервью об истории жизни, исследования умственного состояния, измерение когнитивных способностей или лабораторные медицинские тесты. NEO PI-R был создан как часть всестороннего психологического исследования. NEO PI-R представляет собой, в основном, самооценочный инструмент. Поэтому, проведение теста и оценка результата могут быть выполнены человеком, который не имеет опыта в практической психодиагностике, однако интерпретация результатов по NEO PI-R требует профессиональных навыков в психологическом тестировании и психометрике.

Этапы адаптации опросника

Данная работа началась в 1996 году после визита профессора Т. Мартина в Ярославский государственный университет. Начальным этапом работы послужило выяснение вопроса о том, кто является правообладателем данной методики. В нашей науке зачастую бытует мнение о том, что таким лицом является, прежде всего, автор теста. Отчасти это является верным утверждением, но до тех пор, пока он не продает свои права издательской компании. После этого все права принадлежат ей и все переговоры надо проводить соответственно с ее руководителями. Автор методики при этом сохраняет только авторские права, но не имеет права использовать ее в коммерческих целях, в том числе давать разрешение на ее адаптацию иностранным специалистам. Применительно к нашей проблематике правообладателями опросника NEO PI-R являются американская издательская компания Psychological Assessment Resources (PAR). Благодаря инициативе Т. Мар-

тина и при поддержке со стороны авторов этого теста, американских психологов П. Косты и Р. Маккрея, нами было получено разрешение от компании на создание русскоязычной версии данного теста в некоммерческих целях. В данном документе указывалось количество разрешенных копий для проведения полноценной верификации. Кроме того, руководство компании PAR запросило рекомендации от наших американских коллег относительно уровня нашей общепсихологической подготовки, подготовки в области психологического тестирования и опыта работы по созданию тестовых методик. И только после этого разрешение было получено, и мы смогли легально приобрести комплект теста на языке оригинала, включающий руководство с описанием всей процедуры его создания, проведения и интерпретации тестовых результатов, сам текст опросника и регистрационный бланк.

Следующим этапом адаптации методики был перевод текста опросника и руководства на русский язык. Если перевод руководств не представлял никаких проблем, то перевод самого текста опросника требовал соблюдения определенных правил. Среди специалистов, не связанных профессионально с адаптацией методик, бытует ошибочное мнение о достаточности обычного перевода методики на русский язык и устранения грубых ошибок для ее дальнейшего использования. Вместе с тем мировая практика диктует совершенно иную, более сложную процедуру данного этапа адаптации. В отечественной психодиагностике данную процедуру использовал Ю.Л. Ханин при создании русскоязычной версии опросника Ч. Спилбергера (Бурлачук, 2003). Она включает следующие мероприятия:

1. Подготовка первичного перевода теста с языка оригинала на другой язык. Данную процедуру должны осуществлять лица, свободно владеющие обоими языками (билингвы) и, желательно, имеющие психологическое образование. С одной стороны, данная процедура не вызывает дополнительных проблем в силу своей конкретности и понятности, но, с другой стороны, может создать трудности, одной из причин которых может быть «стоящая за каждым опросником психометрическая проработка оригинала, заставляющая считать его неприкосновенным» (Бурлачук, 2003, с. 125).

В мировой практике различают два типа перевода: симметричный и асимметричный.

Симметричный перевод предполагает сохранение, как смысла утверждения, так и привычного, разговорного стиля. *Асимметричный перевод* нацелен на сохранение верности какому-либо языку, обычно языку оригинала, ориентируясь на точность смысла и дословность перевода. Разработчики, занимающиеся адаптацией, как правило, ориентируются на асимметричный перевод, желая сохранить верность оригиналу. Результатом такой деятельности является достаточно неуклюжая с лексической точки зрения конструкция, которая, по справедливому утверждению Л.Ф. Бурлачука, скорее направлена на понимание испытуемым смысла утверждений, чем на диагностику соответствующих личностных характеристик (Бурлачук, 2003).

2. Экспертная содержательная оценка перевода предполагает адаптацию лексики и грамматики языка к возрасту и уровню образования генеральной совокупности, для которой предназначен тест. На этом этапе устраняются наиболее грубые различия между оригиналом и переводом. При этом следует обращать внимание на культурные особенности и другие аспекты жизни того общества, в котором создавался оригинал теста.

3. Проверка эквивалентности перевода оригиналу. Данный этап предполагает сопоставление полученного перевода опросника с внесенными поправками лексического и грамматического плана с оригиналом. Конкретной процедурой такой проверки является обратный перевод с другого языка на язык оригинала. Данный перевод, по нашему мнению, должна осуществлять другая команда билингв с психологической подготовкой, не участвующих на первом этапе.

Именно такая процедура была использована нами при создании русскоязычной версии опросника NEO PI-R. В качестве специалистов выступали лица, как с российской, так и с американской стороны, имеющие базовое психологическое образование и свободно владеющие обоими языками. На каждое утверждение нами была составлена табличка с указанием утверждения на английском языке, его первоначального перевода на русский и обратного перевода с русского на английский. При этом мы не добивались дословного перевода, выражающегося в полном совпадении терминов. При обратном переводе с русского на английский возможным было употребление синонимов, если они точно отража-

ли смысл утверждения и стиль его изложения. С точки зрения имеющейся мировой практики такой обратный перевод с одного языка на другой язык могут осуществляться несколько раз до полного совпадения оригинала и перевода теста, что нами и было сделано.

После достижения эквивалентности перевода и оригинала опросника следующим этапом, по мнению Ю.Л. Ханина, мы должны были бы осуществить сбор новых нормативных данных на отечественной выборке. С нашей точки зрения такой подход не совсем верен, и сбору нормативных данных должна предшествовать стандартная процедура психометрической проверки теста, поскольку после достижения эквивалентности перевода и оригинала и «преодолев лингвистические и социокультурные препятствия, в итоге получаем *новый опросник*» (Бурлачук, 2003, с. 126). Такая процедура включает анализ пунктов теста и проверку теста по основным психометрическим характеристикам: надежности и валидности. Кроме того, проведенный анализ пунктов теста и вычисление коэффициента дискриминативности может дать дополнительную информацию о тех факторах, которые послужили причиной не способности того или иного задания теста дифференцировать испытуемых на людей с высокими и низкими баллами по тесту. В этом аспекте анализ пунктов теста может служить процедурой для установления тех социокультурных различий между популяциями, которые не удалось выявить на этапе экспертной содержательной оценки.

В частности, после установления эквивалентности перевода опросника NEO PI-R языку оригинала нами был проведен анализ пунктов теста, который выявил слабую различительную способность ряда утверждений оригинала. Как показал дальнейший анализ, причины низкой дискриминативности заданий теста заключались в имеющихся различиях в социально-экономической ситуации в США и России того периода¹, а также были обусловлены культурой общества. Основная причина низких коэффициентов дискриминативности заключалась в наличии социокультурных различий между русской и американской выборкой. Особо чувствительной в этом отношении

¹ Начальные этапы адаптации методики NEO PI-R проводились в 1995–1996 году.

оказалась шкала А (Сотрудничество), где очень много утверждений касались социальных и моральных установок людей. Например, неудовлетворительными оказались такие утверждения, как «мы никогда не сможем сделать слишком много для бедных и престарелых» или «Я не испытываю сострадания к нищим». Все утверждения этой шкалы отражают установки, симпатии и интерес к другим людям, их потребностям и нуждам. Однако в силу сложившихся социально-экономических условий в России того периода, все, что связано с чуткостью и вниманием по отношению к другим людям для большинства населения России имело второстепенное значение. На первом плане стояли проблемы улучшения своего материального положения, проблемы собственного выживания.

Вторая по значимости причина была связана с неудачным переводом отдельных утверждений (неточность передачи смысла утверждения) или несоответствием стилистическим правилам русского языка. Примером данной причины может служить утверждение «Я легко сопротивляюсь соблазнам». Данный перевод оказался не вполне удачным, поскольку в повседневном русском языке сочетание «легко сопротивляюсь» не употребляется. Другим примером неадекватного перевода можно считать случай, когда перевод неточно передавал смысл измеряемого конструкта, что было вызвано различиями в понимании некоторых понятий в русском и английском языке. Так первичный перевод утверждения из шкалы N (Нейротизм) имел следующую формулировку: «Меня считают "горячим", темпераментным человеком». Согласно измеряемому конструкту, высокий балл по этой шкале характеризует человека как враждебного, вспыльчивого, раздражительного, легко впадающего в состояние гнева. Однако в русском языке понятие «горячий, темпераментный» человек не обязательно связывается с отрицательными эмоциями и может относиться к человеку активному, энергичному и жизнерадостному, но отнюдь не агрессивному.

Наконец, третьей причиной низких коэффициентов дискриминативности ряда утверждений явилось преобладание женщин над мужчинами. Например, утверждение из шкалы А (Сотрудничество): «Я упорный и упрямый» видимо не отражает психологических особенностей женщин, поскольку подобные утверждения являются скорее характеристиками собственными мужчинам.

После устранения «не сработавших» утверждений и проведения повторного анализа пунктов теста на более репрезентативной выборке нами была осуществлена полная психометрическая проверка методики с вычислением ретестовой надежности и надежности по однородности, а также критериальной и конструктивной валидности. Кроме того, поскольку мы имели дело с многофакторным личностным опросником, мы должны были осуществить проверку воспроизводимости структуры опросника, что и было сделано с помощью факторного анализа.

Мы не будем останавливаться на психометрической проверке опросника, результаты которой представлены в наших работах (Орёл, 2004, Орёл и соавт., 2003, Martin et al., 2002). Отметим только некоторые моменты, связанные с правилами адаптации в этом аспекте. В соответствие со стандартными требованиями психометрическая проверка адаптируемой методики должна полностью повторять процедуру проверки оригинала в части используемых способов верификации и статистического аппарата (Standards for Educational..., 1986). И если при проверке надежности и конструктивной валидности опросника использовались достаточно традиционные процедуры, то проверка критериальной валидности оригинала осуществлялась несколько специфическим способом: выявлением корреляционной зависимости между ответами на опросник близких родственников, оценивающих как себя так и своего партнера. Нами была осуществлена аналогичная проверка в ходе выполнения совместного с американской стороной исследования особенностей личности людей юношеского и взрослого возраста Центральной России (Costa et al., 2000). Выборку составляли пары близких родственников, долгое время проживающих вместе. Среди взрослых людей это были супружеские пары, а юношеский возраст (16–17 лет) представляли пары братьев и сестер. Всего в исследовании приняли участие 400 пар из 4-х городов Центральной России: Владимира, Вологды, Иваново и Ярославля.

Статистическая обработка полученных результатов продемонстрировала высокую степень связи между собственными оценками и оценками своих партнеров, что свидетельствовало о высоком уровне внешней валидности опросника. Естественно, что данный способ проверки валидности имеет,

с нашей точки зрения, свои недостатки и в других обстоятельствах мы бы предпочли другой вариант проверки, однако в данном случае мы были ограничены рамками процедуры проверки оригинала, которую должны были неукоснительно соблюдать.

Проведенная нами полная психометрическая проверка методики, разработанные нормы и практика использования теста в рамках кросс-культурных исследований (Costa et al., 2000, Draguns et al., 2000, McCrae et al., 2004) позволила сделать вывод о его высокой эффективности, что логично предполагало использование теста в практике работы отечественных психологов. С этой целью нами был сделан запрос к руководству издательской компании PAR с просьбой о выдаче разрешения на коммерческое использование данной методики. Поскольку Ярославский госуниверситет, на базе которого создавалась методика, не являлся коммерческой организацией, просьба поступила от Научно-производственного центра «Психодиагностика», сотрудники которого участвовали в адаптации теста. После анализа нашей работы и проверки состояния дел НПЦ «Психодиагностика» нами было получено такое разрешение сроком на один год на реализацию определенного числа копий. Это разрешение (лицензия) является платным, и каждый год требует обновления. Согласно лицензии НПЦ «Психодиагностика» в лице ее сотрудников является правообладателем русскоязычной версии опросника NEO PI-R и имеет право продавать данный тест на территории Российской Федерации и стран СНГ. Хождение любых других русскоязычных версий данного теста является незаконным и может быть подвергнуто судебному преследованию.

В настоящее время, помимо лицензии на право продажи русскоязычной версии опросника NEO PI-R, НПЦ «Психодиагностика» имеет аналогичную лицензию на право коммерческого использования русскоязычной версии опросника NEO FF, представляющую собой сокращенный вариант данного теста, состоящий из 60 утверждений и оценивающий только 5 базовых шкал (Орел, 2004).

В заключении хотелось бы отметить, что представленный в данной работе опыт разработки русскоязычной версии зарубежной методики с соблюдением всех юридических и профессиональных норм и требований будет способствовать формированию у будущих пользователей и разработчиков тестов адекватного представления о данной процедуре и

снизит вероятность совершения тех ошибок, которые могут повлиять на возможность и эффективность использования тестов в практике отечественной психодиагностики.

Литература

1. Бурлачук, Л.Ф. *Психодиагностика: учебник для вузов* / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: Питер, 2003. – 352 с.
2. Орёл, В.Е. *Опросник NEO PI-R. Руководство* / В.Е. Орёл И.Г. Сенин. – Ярославль, НПЦ «Психодиагностика», 2004. – 33 с.
3. Орёл, В.Е. *Опыт адаптации методики диагностики личностных характеристик NEO PI R* / В.Е. Орёл, И.Г. Сенин, Т.А. Мартин // *Вестник клинической психологии*. – 2003. – Т.1. – №2. – С. 193–199.
4. Первин, Л. *Психология личности: Теория и исследования* / Л. Первин, О. Джон / под ред. В.С. Магуна – М.: Аспект Пресс, 2000. – 607 с.
5. Шмелев, А.Г. *Психодиагностика личностных черт*. – А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.
6. Costa, P. *Personality development from adolescence through adulthood further cross-cultural comparisons of age differences* / P. Costa, R. McCrae, T. Martin, V. Oryol, A. Rukavishnikov, I. Senin // *In Temperament and Personality Development across the life span* // edited by V.J. Molfese, D.L. Molfese. – Lea, New Jersey, London, 2000. – P. 235–253.
7. Costa, P.T. *The NEO PI-R. Professional manual. Revised NEO Personality Inventory (NEO-PI-R) and Five factor Inventory (NEO-FFI)* / P.T. Costa, R. McCrae. – Odessa, FL: Psychological Assessments Resources, 1992. – 101 p.
8. Draguns, J. *Personality Characteristics of the Nentsy in the Russian Arctic.* / J. Draguns, T. Martin, V. Oryol, A. Krilova, A. Rukavishnikov // *American Behavioral Scientist*. – 2000. – Vol.44. – №1. – P. 126–140.
9. Martin, T. *Applications of the Russian NEO-PI-R* / T. Martin, P. Costa, V. Oryol, A. Rukavishnikov, I. Senin // *The Five-factor model of Personality across culture* / edited by R. McCrae, J. Allik. – New York, Boston, London, Moscow, 2002. – P. 261–279.
10. McCrae, R.R. *Age differences in personality traits across cultures: self-report and observer perspectives* / R.R. McCrae, P.Jr. Costa, M. Hřebíčková, T. Urbánek, T.A. Martin, V. Oryol, A. Rukavishnikov, I. Se-

nin // European Journal of Personality. –2004. – Vol.18. – P. 143–157.

11. McCrae, R.R. *Consensual validation of personality traits across cultures / R.R. McCrae, P.T. Costa, T.A. Martin, V.E. Orjol, A.A. Rukavishnikov, I.G. Senin, M. Hřebíčková, T. Urbánek // Journal of Research in Personality. – 2004. –Vol.38. – P. 179–201.*

12. *Standarts for Educational and Psychological Testing. American Educational Research Association, American Psychological Association, National Council on Measurement in Education, 1986.*

Поступила в редакцию 04.12.2008.

Орёл Валерий Емельянович. Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и организационной психологии факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова: voryol@univ.uniyar.ac.ru.

Valerij E. Orjol. PsyD, professor of Department of Labour and Organizational Psychology, Psychology faculty, Demidov Yaroslavl State University: voryol@univ.uniyar.ac.ru.

Сенин Иван Геннадьевич. Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и организационной психологии факультета психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, директор НПЦ «Психодиагностика»: rukav@bio.uniyar.ac.ru.

Ivan G. Senin. PhD, associate professor of Department of Labour and Organizational Psychology, Psychology faculty, Demidov Yaroslavl State University, the director of SPC «Psychodiagnostics»: rukav@bio.uniyar.ac.ru.

ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ БОЛЕЗНИ – СУММАРНЫЙ ВЕКТОР ПСИХИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ БОЛЕЗНИ БОЛЕЮЩИМ СУБЪЕКТОМ

А.В. Штрахова

В статье проводится анализ понятий и терминов, относящихся к внутренней картине болезни как предмету исследования в психосоматике. Введено понятие «психическое отражение болезни болеющим субъектом» как базовое для исследования феноменов субъективного отражения болезни. Получена характеристика личностного смысла болезни в системе понятий психосоматики, связанных с концепцией внутренней картины болезни.

Ключевые слова: внутренняя картина болезни, личностный смысл болезни, отношение к болезни, психосоматика

Одним из наиболее часто выбираемых предметов исследования в клинической психологии является методология психологического изучения субъективной реальности болеющего человека. В психосоматике адекватным аналогом этого предмета исследования является изучение субъективного отражения феноменов болезни в психике человека. Частным случаем такого предмета исследования является специфическое отражение болезни в переживаниях больного, определяемое еще со времен Р.А. Лурия как «внутренняя картина болезни» (Р.А. Лурия, 1944). Этот же субъективный компонент общей картины соматического заболевания А. Goldscheuder (1929) обозначил как «аутопластическая картина болезни» (в противовес «аллопластической картине»), включающей объективные проявления заболевания). Проведенный нами ранее (Штрахова А.В., 1997) анализ «терминологического поля» с дескрипторами, раскрывающими содержание и особенности субъективного отражения феномена болезни в психике индивида, позволил сформировать перечень исторически сложившихся и(или) наиболее часто используемых терминов. В отечественной литературе по этой проблеме встречаются «внутренняя картина болезни», «сознание болезни», «отношение к болезни», «реакция на болезнь», «переживания болезни», «переживания, связанные с болезнью», «стиль переживания болезни» и т.п., в зарубежных изданиях приводятся дескрипторы «аутопластическая картина болезни», «психосоциальная реакция на болезнь», «личностное значение болезни». Большинство вышеперечисленных терминов отражают лишь отдельные аспек-

ты некой интегративной категории, объединяющей и знание о болезни, ее осознание личностью, формирование отношения к ней, понимание роли и влияния болезни на личностно-средовое взаимодействие, многогранные реакции, связанные с болезнью, особенности действия защитно-приспособительных механизмов и механизмов совладания с болезнью.

Обобщенной позицией отечественных исследователей является рассмотрение перечисленных выше терминов в рамках концепции «внутренней картины болезни» (ВКБ), причем все такие термины рассматриваются в основном как синонимы.

В определенном смысле ВКБ можно рассматривать как интегральную многоуровневую характеристику личности пациента, сформировавшуюся вследствие динамического психического отражения его актуального состояния. Она включает в себя различные уровни отражения больным собственного состояния: сенситивный – как совокупность ощущений, являющихся результатом болезни; эмоциональный – как спектр простых и сложных эмоций вызванных или связанных с отдельными симптомами, заболеванием в целом и его последствиями; интеллектуальный – как результат размышлений больного о своем физическом состоянии; мотивационный как результат определенного отношения больного к своему заболеванию, изменение поведения и образа жизни в условиях болезни и деятельности по возвращению и сохранению здоровья (Лурия А.Р, 1977, Николаева В.В., 1987).

В последние десятилетия в теоретических исследованиях все большее предпочте-

ние отдается категориям «отношение к болезни» (Л.И. Вассерман с соавт., 1990, 2003) и «личностный смысл болезни» (Соколова Е.Т., Николаева В.В., 1995; Тхостов А.Ш., 2002). В зарубежной литературе сохраняет популярность термин «аутопластическая картина болезни» (Бройтигам В. и др., 1999).

Отмечая многочисленность терминов, описывающих феномен субъективного отражения болезни и возникающие при этом личностно-компенсаторные реакции больных на свое неблагополучие, отметим, что, не смотря на кажущуюся синонимичность этих терминов, за ними скрывается различающаяся между собой психологическое содержание. Между тем, законы научного исследования и законы логики, в частности, требуют, чтобы каждое понятие (и научное, в том числе) должно быть однозначно описано и определено, а также должна быть разрешена проблема полисемантической понятий. Это требует такого формулирования научных терминов, при котором понятие максимально точно определено (в данном случае – понятие «субъективное отражение болезни») и его соотношение с другими, прежде всего – семантически близкими понятиями.

Вышеизложенное требует проведения многомерного исследования феномена субъективного отражения болезни (прежде всего в его частном варианте – отражения болезни субъектом, страдающим определенным заболеванием). Методологическим основанием такого исследования является позиция Б.Ф. Ломова о необходимости сочетания нескольких планов анализа при изучении психических явлений как наиболее сложных по своей сути феноменов (Ломов Б.Ф., 1984).

Представляется, что наиболее важным и первоочередным планом такого исследования является выделение базового понятия, фиксирующего сущность субъективной стороны болезни. В эпистемологии и логике существует требование об обязательности представления в любом научном понятии существенных и необходимых признаков феномена, обеспечивающих единство его общего, особенного и единичного.

В данном случае нам представляется наиболее правильным описать смысловое содержание рассматриваемого понятия как «психическое отражение болезни болеющим субъектом». В этой дефиниции общее представлено следующими основополагающими философскими категориями:

- отражение как всеобщее свойство материи воспроизводить с той или иной степенью адекватности окружающую реальность и составляющие ее объекты и феномены;

- болезнь как объект (феномен) окружающей действительности, отражающийся со всеми своими специфическими признаками, характеристиками и отношениями;

- болеющий субъект как биопсихосоциально-единный субъект болезни, ее обладатель.

Особенное представлено прежде всего:

- психическим отражением как указанием на наивысший уровень, характер и форму отражения, происходящего в психических образованиях человека (в сравнении с допсихическим и примитивным нервно-психическим отражением);

- спецификой психического отражения проявлений симптомов, болезни в целом и ее последствий как в интегрированной психической деятельности, так и на ее отдельных уровнях, сферах и формах;

- особенностями отражения проявлений болезни (в отличие от отражения ранее существовавшего у субъекта состояния здоровья);

- особенностями отражения болезни болеющим субъектом (в отличие от здорового субъекта, отражение болезни для которого имеет «теоретический» характер и не опирается на субъективный опыт).

Единичное представлено уникальной конфигурацией присущих индивиду субъективных особенностей психического отражения и его личностных свойств в целом, индивидуальных особенностей его системы «здоровье – болезнь» в целом и каждого из составляющих ее элементов и других характеристик субъекта и ее ситуации болезни.

Формулирование других дескрипторов и вынесение более развернутого определения для феномена субъективного отражения болезни не входит в число задач настоящей статьи. В то же время необходимость введения понятия «психическое отражение болезни болеющим субъектом» вызвана необходимостью закрепления сущности происходящих при этом явлений. Отметим, что подобная формулировка базового понятия не препятствует появлению других контекстно-связанных формулировок, например «внутренняя картина здоровья (болезни) здорового (болеющего) субъекта», «отношение к здоровью (болезни) здорового (больного) субъекта», «личностный смысл здоровья

(болезни) болеющего (здорового) субъекта» (на практике допускаются любые комбинации составляющих их дескрипторов).

Выше уже отмечалось, что в отечественной литературе по проблеме субъективной стороны болезни наиболее часто употребляются термины «внутренняя картина болезни» (ВКБ), «отношение к болезни» (ОкБ) и «личностный смысл болезни» (ЛСБ). Эти термины можно рассматривать как своеобразные проекции базового термина «психическое отражение болезни болеющим субъектом» на определенные плоскости (вторые планы) анализа. В свою очередь, сравнительный анализ этих проекций сам по себе может составлять отдельный, третий план анализа этого базового понятия как психического феномена.

Одним из наиболее перспективных способов анализа этих терминов является исследование их терминообразующих конструкций – «картина» (ВКБ), «отношение» (ОкБ) и «личностный смысл» (ЛСБ).

С учетом представленного выше представления об уровнях ВКБ сущностные характеристики ее можно описать как проявления психического отражения болезни на различных уровнях психической организации субъекта – сенситивном, эмоциональном, интеллектуальном и мотивационном. При этом «картина» представляет собой относительно дискретные характеристики особенностей психического отражения болезни субъектом на каждом из этих уровней, и, как следствие, и в интегральном, обобщенно-взаимосвязанном виде. Очевидное и естественное изменение этих характеристик в иной момент отражения является причиной изменения частных и общей «картин». Такое понимание ВКБ позволяет охарактеризовать ее как некоторую экспликацию субъективного отражения болезни в конкретный ситуативно-временной момент, своеобразный субъективный образ болезни¹.

Анализ отношения к болезни (ОкБ) следует проводить, во-первых, с позиций анализа категории «отношение» (в философском и общепсихологическом контексте) и, во-вторых, с позиций концепции отношений

личности В.Н. Мясищева (1960). В первом контексте отношение к болезни можно рассматривать как особенности взаиморасположения объектов (личности и ее болезни) и их свойств. Представляется, что рассматривать ОкБ в системе бесконечно разнообразных отношений (причинно-следственные отношения, отношения формы и содержания, части и целого, внутриличностные отношения и т.п.) в данном случае не совсем правомерно. В то же время анализ ОкБ в системе концепции В.Н. Мясищева позволяет рассматривать его прежде всего как проявление взаимосвязи субъекта (в контексте настоящей статьи – болеющей личности) и объекта (болезни). Эти взаимосвязи развиваются в целостной системе («ансамбле» по В.Н. Мясищеву) индивидуальных сознательно-избирательных отношений к действительности, окружающим и к себе, дифференцированных по трем компонентам. Таким образом, ОкБ можно рассматривать как многомерное психологическое образование, формирующееся у болеющей личности в ее ситуации болезни. Подобное трехмерное представление ОкБ в системе «характеристика» (индивидуальность, избирательность, сознательность) – «компонент» (эмоциональный, поведенческий, когнитивный) – «сфера» (явления природы или мира вещей, люди и общественные явления, к себе как субъекту и личности) может рассматриваться как более сложная (по сравнению с ВКБ) и динамичная психологическая конструкция. В развитие сравнительного анализа ВКБ и ОкБ отметим, что 3 из 4 уровней ВКБ по А.Р. Лурия и В.В. Николаевой составляют один из трех планов анализа ОкБ («компоненты»), другие же составляющие ВКБ не имеют своих аналогов в модели ОкБ в рамках концепции В.Н. Мясищева. Таким образом, отношение к болезни как модель репрезентации психологического отражения болезни болеющей личностью представляется более информативной по сравнению с классической моделью ВКБ за счет наличия дополнительных планов анализа.

Термин «личностный смысл болезни» чаще всего рассматривается в контексте понятия «значение болезни». Такая позиция сформировалась в московской школе отечественной психологии Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева. Понятие «личностный смысл» было введено А.Н. Леонтьевым (1977) и первоначально интерпретировалось в плоскости отношений субъекта как отношение мотива

¹ Отметим, что автор в целом разделяет положения существующих концепций ВКБ, а высказываемые в настоящей статье суждения преследуют цель сравнительного анализа наиболее популярных отечественных подходов к изучению феномена субъективного отражения болезни.

деятельности к ее цели². Понятия «личностный смысл» и «значение», по А.Н. Леонтьеву различаются по своим источникам: значения усваиваются человеком в ходе присвоения общественных знаний, культурных традиций, в то время как смысл является производной от реальных жизненных отношений конкретного человека. В развитие теории А.Н. Леонтьева А.Ш. Тхостовым и Г.А. Ариной (1990) было предложено рассматривать ВКБ как сложное многоуровневое образование, включающее в себя не только совокупность телесных ощущений, но и «первичное и вторичное означение и личностный смысл». В контексте рассматриваемого нами феномена субъективного отражения болезни значение болезни для больного определяется через призму представлений, принятых о данной болезни в обществе, а личностный смысл болезни определяется тем, как болезнь встраивается в жизненные отношения конкретного человека.

А.Н. Леонтьевым были предложены три основных параметра анализа личности (широта связей человека с миром; степень иерархизованности мотивов; общая конфигурация мотивационной сферы или общая структура личности). В соответствии с этим отметим, что факт болезни, преломляясь через призму уже сформированных потребностей и мотивов, приобретает различный по своему индивидуальному наполнению для каждого человека личностный смысл. Таким образом, болезнь как значимое событие в жизни благодаря собственной активности больного оказывается включенной в сложную иерархическую систему смысловой сферы личности. Значение болезни для заболевшего формируется через преломление ее субъективной картины в структуре потребностей, мотивов и ценностей, приобретая личностный смысл. В этом случае личностный смысл болезни делает доступным сознанию субъективное значение болезни и начинает выполнять новую опосредующую функцию, выступая как условие, препятствующее или, наоборот, способствующее реализации тех или иных мотивов. При этом он может выступать вполне ясно, осознанно,

быть выраженным в значениях, либо сигнализировать о себе в виде переживаний (интереса, тревоги, страха).

По мнению А.Ш. Тхостова (2002) личностный смысл болезни может иметь негативный, позитивный и конфликтный характер.

Негативный или преградный смысл болезни характеризуется тем, что болезнь представляет собой условие, препятствующее реализации жизненных мотивов (прежде всего – сохранению жизни, нормального функционирования человека, реализации его потребностей).

Позитивный смысл болезнь приобретает в случае, когда субъект рассматривает ее как средство для реализации какого-либо мотива. Как правило это так называемые «рентные мотивы», позволяющие снять с себя ответственность, морально оправдать свой уход в «экологическую нишу», избежать нежелательной деятельности. Все это дает пациенту возможность достичь определенной социальной поддержки, которая не может быть достигнута другим способом.

При наличии конфликтного смысла болезни один мотив достигается за счет недостижения другого (например, ограничение активности для сохранения здоровья). В зависимости от побудительной силы конфликтных мотивов результатом может быть либо игнорирование заболевания, либо изменение своих жизненных планов в связи с болезнью, либо невозможность сделать выбор. Эффективное разрешение конфликтного смысла приводит к перестройке системы личностных смыслов, преобразованию прежних связей. Доминирующий мотив сохранения жизни придает специфику психической деятельности больного, переструктурирует систему отношений. Разрешение конфликта между мотивами зависит от степени сформированности, дифференцированности смысловых образований: чем стабильнее смысловые образования, тем меньше вероятности сужения круга интересов личности в условиях конфликтного смысла заболевания.

Таким образом, болезнь, преломляясь через сформированную систему отношений больного, приобретает личностный смысл, который предполагает «жизненное значение для субъекта обстоятельств болезни по отношению к мотивам его деятельности» (Тхостов А.Ш., 2002).

В этом плане личностный смысл болезни может рассматриваться как интегральная

² Отметим, что в этом случае термин «отношение» рассматривается А.Н. Леонтьевым в первом, общепсихологическом контексте из двух рассмотренных нами выше контекстов понимания отношения в отечественной психологии.

характеристика в системе психологического отражения болезни болеющим субъектом. Во-первых, личностный смысл болезни органично входит в состав ВКБ, дополняя его традиционную четырехуровневую структуру системой личностных значений и смыслов. Во-вторых, расширяя структуру ВКБ, личностные значение и смысл болезни активно влияют на систему отношений личности, на все ее компоненты, характеристики и сферы. В этом случае личностный смысл болезни начинает выступать как системообразующий фактор, организуя систему психического отражения болезни, направленного (в идеальном случае конфликтного характера смысла болезни) на изменение поведения и образа жизни в условиях болезни и деятельности по возвращению и сохранению здоровья. В-третьих, личностный смысл болезни в такой системе показателей ВКБ, включающей в себя и уровни (в их классическом понимании), и систему отношений личности (как в понимании их В.Н. Мясищевым, так и в понимании А.Н. Леонтьева), может иметь и некоторое количественное значение, и направленность (позитивную, негативную или конфликтную). Так, появление достаточно большого числа прошедших психометрическую адаптацию психодиагностических методик для исследования ВКБ привело к многочисленным публикациям с описаниями количественных результатов таких исследований. Более того, проводится изучение характеристик ВКБ в динамике, в т.ч. и под влиянием различных факторов. Последнее позволяет охарактеризовать личностный смысл болезни как своеобразную векторную характеристику, имеющую свое начало (как правило, совпадающее с моментом начала заболевания) и конец (выбор стратегии преодоления болезни в целях реализации мотива сохранения жизни). В широком плане можно говорить о личностном смысле болезни как о суммарном (интегральном) векторе понимаемой в широком контексте ВКБ (системе психического отражения болезни болеющим

субъектом). В более узком плане «жизненное значение для субъекта обстоятельств болезни по отношению к мотивам его деятельности» имеет вид направленного отрезка, отражающего взаимоотношения субъекта и его болезни, выраженные, в том числе, и количественными данными психодиагностических исследований, проводимых в динамике изучения изменений в многомерной системе «субъект – личность» в ситуации болезни.

Литература

1. *Вассерман, Л.И. О психологической диагностике типов отношения к болезни / Л.И. Вассерман, А.Я. Вукс, Б.В. Иовлев и др. // Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психических и соматических заболеваниях / под ред. Л.И. Вассермана. – Л.: Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева. – 1990. – С. 7–13.*
2. *Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.*
3. *Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Изд. МГУ, 1984 – 320 с.*
4. *Лурия, А.Р. Внутренняя картина болезни и иатрогенные заболевания / А.Р. Лурия. – М.: Мир, 1944. – 138 с.*
5. *Мясищев, В.Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев. – М.: Академия, 1995. – 356 с.*
6. *Николаева, В.В. Влияние хронической болезни на психику / В.В. Николаева. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 168 с.*
7. *Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Мысль, 2002 – 287 с.*
8. *Штрахова, А.В. Внутренняя картина болезни и механизмы психологической защиты у больных рецидивирующей формой язвенной болезни.– Автореф: дис. ... канд. мед. наук / А.В. Штрахова. – СПб., 1997. – 24 с.*

Поступила в редакцию 28.11.2008.

Штрахова Анна Владимировна. Кандидат медицинских наук, доцент кафедры клинической психологии Южно-Уральского государственного университета: 8(351)2679758.

Anna V. Shtrahova. Candidate of Medical Science, docent of sub-faculty of clinical psychology of South Ural State University: 8(351)2679758.

Научная жизнь

Шестая конференция Международной комиссии по тестированию «Влияние тестирования на людей и общество: повышение значимости тестирования» (Великобритания, Ливерпуль, июль 2008)

Международная комиссия по тестированию (International Test Commission-ITS) была образована в начале 1970-х годов для работы над повышением качества тестирования и совершенствованием как самих тестов, так и культуры применения тестирования во всем мире. С этой целью были разработаны «Методические рекомендации по адаптации тестов», «Методические рекомендации по использованию тестов» (переведены на 14 языков), «Методические рекомендации по компьютерному и Интернет-тестированию». Один раз в два года Комиссия проводит конференции, посвященные различным аспектам тестирования. Предыдущая 5-я конференция состоялась в 2006 году в Брюсселе (Бельгия), очередная 7-я конференция пройдет с 19 по 21 июля 2010 года в Гонконге (Китай).

Настоящая, 6-я конференция проходила с 13 по 16 июля 2008 года в Ливерпуле (Великобритания). Основной целью конференции стало объединение исследователей, психологов, тестологов, психометристов, разработчиков и распространителей тестов, а также других специалистов, регулярно использующих тестирование в своей профессиональной деятельности, для обсуждения вопросов, связанных с повышением значимости тестирования. На конференции было уделено внимание методологическим, техническим, профессиональным и этическим вопросам политики и практики применения тестирования.

В состав оргкомитета конференции вошли профессор Дэйв Бартрам (SHL Group, Великобритания), доктор Ян Богт (Университет Ливерпуля, Великобритания), профессор Мариза Борн (Эразмус-Университет Роттердама, Нидерланды), доктор Йайн Койн (Университет Ноттингема, Великобритания).

В работе конференции приняли участие 336 делегатов из 40 стран. Россия была представлена двумя участниками (декан факультета психологии Южно-Уральского государственного университета, профессор

Н.А. Батулин, аспирант факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова А.С. Науменко). В ходе конференции Российское психологическое общество было принято в состав Международной комиссии по тестированию ITS в качестве полного члена.

Все мероприятия конференции (пленарное заседание, симпозиумы, устные и стендовые доклады) были условно распределены по 9 темам:

- **А. Восприятие тестирования испытуемыми** (3 симпозиума, 7 устных докладов, 5 стендовых докладов).

- **В. Фальсификация результатов тестирования испытуемыми** (3 симпозиума, 4 устных доклада).

- **С. Предоставление обратной связи по результатам тестирования** (6 симпозиумов, 6 устных докладов, 7 стендовых докладов).

- **Д. Новое в тестировании** (6 симпозиумов, 26 устных докладов, 1 круглый стол, 20 стендовых докладов).

- **Е. Тестирование как инструмент политики на региональном, национальном и международном уровнях** (6 симпозиумов, 7 устных докладов, 1 круглый стол, 9 стендовых докладов).

- **Ф. Этические аспекты тестирования** (2 симпозиума, 2 круглых стола, 1 стендовый доклад).

- **Г. Обучение разработчиков и пользователей тестов** (1 симпозиум, 3 устных доклада, 1 круглый стол, 2 стендовых доклада).

- **Н. Прочие** (3 стендовых доклада).

- **И. Приглашенные ученые** (3 стендовых доклада).

Анализ содержания докладов этих 9 тем показывает, что многие из них никогда специально не выделялись для научного анализа в российской психологии. Лишь тема «С» в виде обсуждения интерпретации результатов тестов и в виде заключения по итогам тестирования. Также темы «D» и «G» еще как-то представлены отечественной психо-

диагностике. Все остальные темы фактически неизвестны отечественным психодиагностам. Это говорит о серьезных диспропорциях в науках о диагностике у нас и за рубежом.

Как уже упоминалась, основным лейтмотивом конференции было обсуждение **влияния тестов на людей и общество**. Обобщая содержание основных докладов, организаторы конференции пришли к выводу, что специалисты по тестированию достаточно **успешно справляются со своими задачами**:

1) разрабатывают новые типы тестовых методик (тесты ситуационных суждений, ипсативный формат пунктов и др.);

2) быстро отвечают на распространение глобальных технологий, предлагая новые форматы тестирования (онлайн-тестирование, тесты с применением веб-камер и пр.);

3) разрабатывают новые математические и статистические методы анализа данных (IRT, SEM, HLM и др.);

4) улучшают качество «нетестовой» части услуг (нормы, представление результатов тестирования, обратная связь испытуемым);

5) совершенствуют методы адаптации тестов;

6) стараются учитывать реакции и права испытуемых;

7) разрабатывают этические стандарты и правила применения тестирования.

При анализе отмеченных организаторами задач, которые успешно решаются специалистами по тестированию, приходится констатировать, что в отечественной психодиагностике эти задачи еще полная «terra incognita». Пожалуй, только онлайн-тестирование и вопросы «нетестовой» части процедуры тестирования находятся «в поле зрения» отечественных психодиагностов. Все остальное никогда не обсуждается даже на страницах специализированных журналов и сайтах.

По мнению участников конференции, **отдельные проблемы** все еще не решены. Среди них:

1) предубеждение против тестов у широкой публики, слабое понимание тестовых баллов и непопулярность отдельных методик;

2) безопасность тестирования, пиратское копирование методик и фальсификация результатов испытуемыми;

3) сложности взаимодействия с теми, кто определяет политику в области использования тестирования.

Все эти проблемы так же не решены в отечественной психодиагностике. Причем, некоторые из них еще даже неосознанны как проблемы, которые необходимо рассматривать и решать, например, фальсификация результатов испытуемыми.

Зоной «ближайшего развития» тестовых технологий, по мнению участников конференции, должно стать:

1) расширение спектра разрабатываемых тестов (особенно в сфере психологии труда и организационной психологии);

2) переход от измерения индивидуальных различий к изучению обучения, изменения установок, ценностей и паттернов поведения;

3) обновление устаревших и культурно специфичных теорий, лежащих в основе большинства измеряемых особенностей.

В заключение информации о конференции ITS, хочется поделиться субъективными общими впечатлениями.

Во-первых, это состав участников конференции. В основном, более 70% – это зрелые психологи, имеющие большой стаж работы в психодиагностике.

Во-вторых, серьезность многих тем, которые еще недоступны нашим специалистам. В первую очередь, это математические и статистические методы анализа данных, отличные от нашего «джентльменского набора»: корреляции по Пирсону и Стьюденту, различия по t-критерию Стьюдента, непараметрические методы, кластерный, факторный анализ и немногие другие.

В-третьих, разработка новых типов тестовых методик, которые фактически неизвестны широкому кругу отечественных психодиагностов (тесты ситуативных суждений, методики, основанные на ипсативном формате пунктов и др.)

В-четвертых, серьезное обсуждение проблем о влиянии тестирования на людей и общество, которые его очень волнуют, поскольку общество жестко реагирует на то, как его изучают психология. Например, под давлением общественности в США было запрещено использование лайдетекторов в работе с персоналом и использование клинических в своей основе методик, таких как MMPI, для тестирования здоровых людей. С этими проблемами нам еще предстоит столкнуться. В качестве примера можно

Шестая конференция Международной...

привести только неоднозначную реакцию общества на ЕГЭ. В целом участие в конференции продемонстрировало огромное различие в отношении к психодиагностике за рубежом, которую там считают методологи-

ей психологии, и у нас в стране, где методологией считается философские по своей сути рассуждения о специфике познания психики.

Н.А. Батурин, А.С. Науменко

ABSTRACTS AND KEYWORDS

Baturin N.A., Yusupova Y.L. Changing of evaluation under the influence of different factors.

The article shows the general notion of evaluation variability. The variability as essential property of evaluation is necessary for keeping the adequacy of everyday evaluations and the accuracy of professional evaluations. Evaluations are changing under the influence of many factors. These factors divided into internal and external, natural and unnatural. Following this it was conducted the analysis of researches that show how different factors influence every evaluation process: reflection of evaluation object, evaluation base, comparison of object with base and expression of evaluation-result.

Keywords: evaluation, variability, factors influencing the evaluation, internal factors, external factors, natural factors, unnatural factors.

Berebin M.A. Myasishev's conception of personality' attitude and the theory of psychic adaptation of personality.

In the article, author considering scientific and methodical basis for development a new theoretical approaches of the researches in clinical (medical) psychologies with use a domestic concept of general psychology (on models of the theory of psychic adaptation that be founded on the conception of personality' attitude by Myasishev V.N.). The ideas about the some basic phenomenon's of theory of psychic adaptation in medical psychology, having been proved by the Myasishev's pronouncements, was worded.

Keywords: Myasishev's conception of personality' attitude, theory of psychic adaptation, medical psychology.

Bocharov V.V., Shishkova A.M. Characteristics of heroin addict's mothers attitude to child.

This article is devoted to the research which aimed to study attitude characteristics of mothers to their heroin addicted children. The results shows the significant deformation of mother's attitude to addict. Revealed characteristics of attitude such as increased emotionality, contradictority and fixation on negative peculiarities of drug user mostly determine crisis experienced by mothers in existing situation and also preventing from restoring of broken relationships with addict. The research took place in St. Petersburg City Addiction Hospital and at the Department of Addictive Disorders Bekhterev Research Psychoneurological Institute.

Keywords: drugs abuse, family, mother's attitude to the child, crisis, psychotherapy.

Bourlachouk L.F. Psychological tests in Ukraine: yesterday, today, tomorrow.

In the article is considered the epysituation of psychological testing in Ukraine. Current status of psychological testing in Ukraine is explained based on the analysis of psychodiagnostics in the past. It is typically for psychodiagnostics to be supported by illegal distribution of foreign tests, which are badly adapted for Ukraine and Russia. Also in psychodiagnostics are used owned quasitests, which did not pass full control on validity, reliability and normalization. It is suggested to find solution of problem in development of test infrastructure, postgraduate educational of system, test users and test service certification in the field of psychodiagnosis.

Keywords: testing, history of psychodiagnosis, pirated methods, quasitests, training of diagnosticians, test library, certification.

Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Bakunchik N.YU., Gluhova V.A., Maltseva A.S. Method of diagnostic of social subject's relations to creative person.

The original method, which reveals forms of subject's tolerance to different types of creative persons, is described in the article. This method is based on comparison of semantics of images of creative persons, semantics of self-images, and also on exposure of selective of subject's relations to definite types of creative persons. The method is intended for diagnostics, prognosis and corrections of interrelations in heterogeneous creative commands and when organization changes are realized. The possibilities of projective and psycho-semantic methods were joining in our original method. Theoretical basing, describing of stimuli's materials, algorithm of conducting, treatment of data and result's analysis are considered in the article.

Keywords: tolerance, creativity, creative person, visual and verbal semantics of images, projective and psycho-semantic methods.

Klueva N.V., Dorfman L.YA. Phenomenological method of research in consulting psychology: the methodological analysis.

Methodological analysis of role and place of phenomenological method in contemporary counseling psychology is given. Characteristics of phenomenological method, its peculiarities and procedures as applied to goals of psychological counseling are presented.

Keywords: counseling psychology, methodological analysis, phenomenological method.

Matveeva L.G. Analysis of notion «social intelligence».

In the article are considered some preconditions of separation, notion is given key points of view of his understanding, is brought out approaches to his testing and spheres of his possibility use in applying psychology.

Keywords: psychological testing, cognitive and affective perception of the world, social intelligence, emotional intelligence, intelligence tests, testing social intelligence.

Melnikova N.N., Polev D.M. Studying of memory by a method of double stimulation.

In the article is described method MDS, intended for studying of level of functioning of memory through an estimation of depth of processing of the information during memorization. It based on procedure of research of mediated memorization of L.S. Vygotsky – A.N. Leontyev. Classification of the associative connection used during memorization, corresponding to three levels of processing of the information, described by F. Craik and R. Lockhart is offered. Materials on working out and psychometric studies of instrument MDS are resulted.

Keywords: memory, mediated memorization, depth of processing of the information, associative connection, memory diagnostics, method of double stimulation (MDS).

Meshcheryakova K.V., Ryazanova A.Y. Characteristics of experimental-psychological research of criticality disorder in forensic-psychological expertise.

Problem's analysis of research of criticality of personality in psychology and pathopsychology in connection with objects of forensic-psychological expertise was made. Comparative study of criticism, criticality and critical abilities as the subject of psychological research was done. Peculiarities of pathopsychological diagnostics of criticality and specificity of its research in forensic-psychological expertise of adolescents are considered.

Keywords: criticality of personality, forensic-psychological expertise.

Orjol V.E., Senin I.G. The experience of adaptation of foreign questionnaire: organizational and content aspects.

In this article is presented the experience of creating the Russian language's version of NEO PI-R questionnaire, which American psychologists P. Costa and R. McCrae developed on base of Five Factor model of personality. The authors of this article fix on organizational aspects of creating the Russian language's version of NEO PI-R concerned with legal using of foreign tests. Substantial aspect is presented the description of usual procedure of creating of primary form of questionnaire and its psychometric verification. The accent is making on reasons of low effectiveness of some positions after «item-analysis» and criterial validity. This article may be useful for potential creators and users of tests.

Keywords: tests adaptation, psychodiagnostics, psychometrics, five factor model of personality, NEO PI-R questionnaire.

Shtrahova A.V. Personality's significative of disease - a total vector of psychic reflection of disease being ill personality.

In article is conducting analysis concept and term, referring towards internal picture of disease as subject of the study in psychosomatics.

Concept «psychic reflection of disease being ill personality» is as base for study phenomenon's of the subjective reflection disease was introduce.

Feature of the personality's significative of disease is received in system concepts of psychosomatic, in accordance with conception of the internal picture of disease.

Keywords: internal picture of disease, personality's significative of disease, attitude to disease, psychosomatics.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию предоставляется электронная (документ MS Word) версия работы, экспертное заключение о возможности опубликования работы в открытой печати, сведения об авторах (Ф.И.О., место работы и должность для всех авторов работы, контактная информация ответственного за подготовку рукописи).

2. Структура статьи: название (не более 12–15 слов), список авторов, аннотация (не более 500 знаков с пробелами), список ключевых слов, текст работы, литература (ГОСТ 7.1–2003). Внутри работы должны иметься ссылки на литературу (в круглых скобках). После текста работы следует название, аннотация, список ключевых слов и сведения об авторах на английском языке.

3. Параметры набора. Поля: зеркальные, верхнее – 23, нижнее – 23, внутри – 22, снаружи – 25 мм. Шрифт – Times New Roman масштаб 100 %, интервал – обычный, без смещения и анимации, 11 pt. Отступ красной строки 0,8 см, интервал между абзацами 0 пт, межстрочный интервал – одинарный.

4. Формулы. Стилль математический (цифры, функции и текст – прямой шрифт, переменные – курсив), основной шрифт – Times New Roman 11 pt, показатели степени 71 % и 58 %. Выключенные формулы должны быть выровнены по центру.

5. Рисунки все черно-белые. Если рисунок создан не средствами MS Office, то желательно предоставить рисунки и в виде отдельных файлов.

6. Адрес редакции Вестника ЮУрГУ, серия «Психология»: Россия 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, Южно-Уральский государственный университет, Факультет психологии, ответственному редактору проф. Батурину Николаю Алексеевичу.

7. Адрес электронной почты: psy_vestniksusu@mail.ru.

8. Полную версию правил подготовки рукописей и пример оформления можно загрузить с сайта ЮУрГУ (<http://www.susu.ac.ru>) следуя ссылкам: «Научные исследования» → «Издательская деятельность» → «Вестник ЮУрГУ» → «Серии».

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 33 (133) 2008

**Серия
«ПСИХОЛОГИЯ»
Выпуск 3**

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 29.12.2008. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 9,67. Тираж 500 экз. Заказ 27/35.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.